

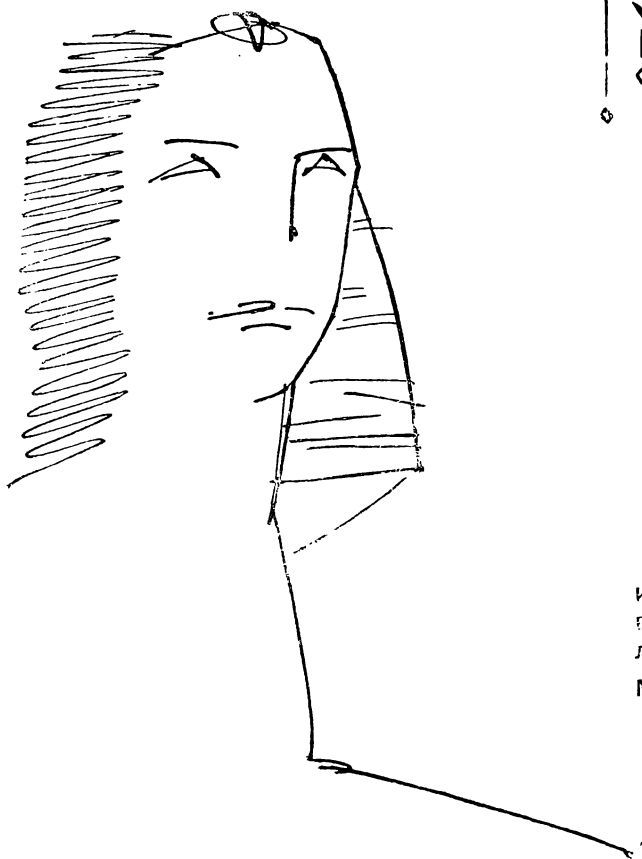
АДОЛЬФ ГОФМЕЙСТЕР

ВИД С ПИРАМИД

АДОЛЬФ ГОФМЕЙСТЕР
ВИД С ПИРАМИД

РЕПОРТАЖ О ПУТЕ-
ШЕСТВИИ И НОВОЙ
МОЛОДОСТИ ДРЕВНЕЙ-
ШЕЙ КУЛЬТУРЫ МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ADOLF HOFFMEISTER
VYHLÍDKA S PURAMID

Перевод с чешского
Л. Е. КАСЮГА

Рисунки
А. ГОФМЕЙСТЕРА

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ

Мои уважаемые читатели!

С той поры как я написал эту книгу, произошло немало событий. Через три месяца после нашего отъезда из Египта самолеты агрессоров уже сбрасывали бомбы на Суэцкий канал. Год спустя мы увидели отображение этих событий на выставке рисунков египетских школьников, самых беспристрастных свидетелей войны. Тем грознее было их свидетельство.

Лишь в условиях мира, сохраненного благодаря усилиям людей доброй воли, мог родиться великолепный проект самой грандиозной нильской плотины Эс-Садд эль-аали у Асуана. Советский Союз великодушно предоставил ОАР финансовую и техническую помощь для строительства этой плотины, ликвидирующей угрозу голода, под страхом которого Египет находился в течение нескольких тысячелетий. Не забывайте, что уже во времена фараонов Египет был страной густонаселенной. В девятнадцатом столетии здесь проживало десять миллионов человек. А ныне — почти двадцать семь. Плодородной земли немного, и ее отвоевывают у пустыни гораздо медленнее, чем растет население страны. Плотина несет плодородие землям и электроэнергию промышленности.

С каждым днем события шагают дальше. Из глубин колониализма, бесславной эпохи порабощения человека, из дремучего леса эксплуатации поднимается независимая Африка. Этому немало способствовала советская декларация о ликвидации колониализма, предложенная Председателем Совета Министров СССР Никитой Сергеевичем Хрущевым на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН и встреченная всеми народами мира, в том числе и египетским народом, с большим подъемом.

Дорогие советские читатели, извините меня, извините переводчиков и издателей за то, что наши книги не успевают за событиями, — мы просто не можем так же быстро переводить и издавать, как быстро летит время.

Но мы вправе гордиться, что нам с вами удалось ускорить прогресс на земле и что в наши дни уже можно ясно различить контуры светлого будущего.

С дружеским приветом

ваш Адольф Гофмейстер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Адольф Гофмейстер, известный чешский художник-карикатурист и писатель, побывал в Египте в 1956 году, когда с немолимой быстротой назревал Суэцкий кризис и внимание всего мира было приковано к Египту — стране древней культуры, в которой нарастало мощное антиколониальное движение. Наблюдательного художника из социалистической Чехословакии все здесь живо волновало: борьба народа за независимость и самобытность египетской культуры, древняя история и поэтический нильский пейзаж. В результате этой поездки А. Гофмейстер «написал и нарисовал» свой увлекательный «путевой репортаж о новой молодости древнейшей культуры мира».

Имя художника А. Гофмейстера известно во всем мире. Его прославили меткие карикатуры, дружеские шаржи на видных деятелей мировой культуры: М. Голького, В. Маяковского, П. Пикассо, П. Робсона, Л. Арагона. Но Гофмейстер не только талантливый художник, он интересный и остроумный писатель.

А. Гофмейстер родился в Праге в 1902 году. Он получил юридическое образование, но вскоре главной областью его деятельности стало искусство. Гофмейстер писал новеллы, стихи, фельетоны, пьесы. Ярче всего его талант проявился в рисунке, в карикатуре и в юмористическом репортаже. Он очень много путешествовал по Англии, Франции, Германии, Италии, Америке и всякий раз рассказывал о виденном в своих путевых заметках, в рисунках. Впечатления от его первой поездки в Советский Союз в 1931 году легли в основу книги «Поверхность пятилетки». Второй раз Гофмейстер был в Советском Союзе в 1934 г. в составе чехословацкой делегации на Первом съезде советских писателей.

В 20—30-х годах Гофмейстер принадлежал к левым кругам чешской творческой интеллигенции. Чуть ли не все видные чеш-

ские писатели, художники, композиторы, критики запечатлены в его выразительных рисунках. Эти рисунки лаконичны и красноречивы. Четкая линия карандаша, опуская общее, всегда умело выделяет в портрете характерное, передавая неповторимый индивидуальный облик человека.

Друзей Гофмейстер рисовал с веселой и доброй усмешкой, но почерк карикатуриста становился ироническим и гневным, когда его вдохновляла ненависть к врагу. «Чем острее классовый бой, тем больше утрачивает сатира и карикатура свою шутивную легкость, становясь оружием», — писал Гофмейстер в своей интересной книге «Сто лет чешской карикатуры» *. Гофмейстер стал автором ряда резких антифашистских карикатур. Когда Гитлер оккупировал Чехословакию, Гофмейстеру удалось после долгих мытарств по лагерям для беженцев во Франции, Марокко и Португалии пробраться в США, где он продолжал выступать с антифашистскими произведениями.

После освобождения Чехословакии художник вернулся на родину и сразу же включился в большую общественную и культурную деятельность. Гофмейстер по-прежнему много путешествует, много пишет, много рисует. Он создает новые книги об Америке, о Китае, о Японии, веселую и поучительную книжку для детей о разных странах мира — «Кто не верит, пусть проверит» (1956 г.) **. Взгляд писателя стал зорче, интересы глубже, опыт и знания несравненно богаче. В 1958 году, переиздавая свои репортажи 30-х годов, Гофмейстер писал: «Я отдаю предпочтение незрелой молодости перед зрелой скукой и перезрелой фразой» ***. Незрелость суждений осталась давно позади, а вот задорную молодость восприятия художник сохранил. По-прежнему свежими и острыми остались его слог и рисунки. В этом главное достоинство новых его репортажей, в том числе и «Вида с пирамид». Книга действительно заслуживает внимания всех, кто интересуется современным Египтом. Описывая эту страну «нагроможденных контрастов», автор видит, и приветствует пробуждение национального самосознания египетского народа, говорит о его ненависти к колонизаторам.

Гофмейстер описывает Каир, путешествие по Нилу, нехитрый быт египетских крестьян, Суэцкий канал, свое знакомство с культурными памятниками старины. Попутно — всегда в свя-

* A. Hoffmeister. *Sto let české karikatury*, Praha, 1955, str. 12.

** Книга вышла на русском языке в издании Детгиза (1959 г.).

*** A. Hoffmeister, *Trojcesti*, Praha, 1958, str. 8.

зи с какими-нибудь впечатлениями от современного Египта — он в краткой и остроумной форме вспоминает о крупнейших событиях в многовековой истории Египта, рассказывает о разгадке тайны древнеегипетской письменности Шампольоном и одновременно его биографию, задумывается над смыслом смены религий в Египте. С большим уважением и в то же время с доброй шутливостью пишет Гофмейстер об одном из своих спутников — старейшем чешском египтологе Франтишке Лексе (1876—1960). Значительный интерес представляют замечания Гофмейстера о египетском искусстве.

С некоторыми теоретическими суждениями А. Гофмейстера, высказанными им в разных книгах в связи с общими вопросами искусства, можно спорить. Решительно восставая против натуралистического копирования действительности, он порой с недоверием в духе чешского «авангардизма» 20—30-х годов относится к понятию «реализм». Можно дискутировать об определении Гофмейстером «современного стиля». Но важно другое. Гофмейстеру в искусстве ненавистна как бездушная фотография, так и бесплотная абстракция. В книге репортажей о Японии, рассказывая о некоторых модных японских художниках, Гофмейстер пишет: «Эклектическая абстракция и натурализм до такой степени сгладили и затушевали различия, что искусство перестало быть национальным, а поэтому оно не могло стать и интернациональным — оно было лишь „ремесленно-нудным”»*. В книге «Вид с пирамид» привлекает умение Гофмейстера подметить и оценить национальную специфику искусства и отнестись с глубоким уважением к национальной традиции. У Гофмейстера свой, «личный» подход к древней египетской живописи; иной раз он не без юмора обнаруживает неожиданное сходство этой живописи с картинами современных художников. Но всегда и во всем чувствуешь, что о памятниках искусства рассказывает большой и тонкий знаток, талантливый художник, рассказывает весело и живо, приближая к читателю своеобразие и прелесть «древнейшей живописи мира».

Непринужденная, лирическая, «личная» манера повествования — одно из главных достоинств книги. Как-то Гофмейстер сказал, что его мечтой всегда было соединение поэзии с карикатурой**. Это положение определяет и стиль «Вида с пирамид». Автор неизменно остроумен, пишет ли он о феллахх или о

* A. Hoffmeister, *Made in Japan*, Praha, 1958, str. 164.

** См. A. Hoffmeister, *Růže, vspominek pro Jiřu Erenburga*. — «Literární noviny», 1961, № 4.

Клеопатре, о коптской религии или о своих измученных тропическим зноем спутниках. И в то же время он прекрасно передает поэзию могучего Нила, обаяние культуры далекого детства человечества.

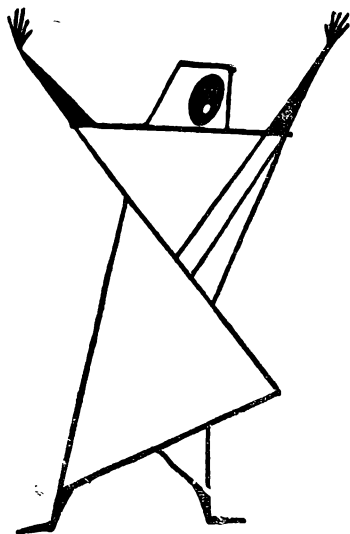
Свой репортаж Гофмейстер «написал и нарисовал». Текст сопровождают лаконичные и выразительные рисунки, которые составляют органическую часть книги. В этих рисунках — то же соединение поэзии с карикатурой. С издевкой над модными абстракционистскими приемами в живописи рисует он своих «туристов с Запада, в стиле Запада, при западающем солнце». А дальше — поэтические нильские пейзажи, силуэты стройных египтянок под спящими лучами солнца...

«Не ждите от этой книги большего, чем она есть на самом деле», — просит Гофмейстер. Специалист найдет «поэтические вольности» в исторических экскурсах книги. По «Виду с пирамид», наверное, нельзя сдать экзамен строгому профессору-египтологу. Но если вы интересуетесь Египтом, если вы хотите узнать, как меняется там жизнь, как причудливо переплетается «древнейшая древность» с событиями XX века, если вы хотите почувствовать беспокойную атмосферу жизни молодого африканского государства, — вы с удовольствием и пользой прочтаете эту книгу*.

С. А. Шерлаимова

---

* Печатается с некоторыми сокращениями.

ВИД С ПИРАМИД

В зимние студенческие каникулы 1956 года ртуть в термометре добросовестно и неудержимо опускалась все ниже и ниже нуля.

И в это время меня спросили, не хочу ли я поехать в Египет. При подобных метеорологических условиях отказаться было невыносимо.

В январе в Египте прекрасная погода и туристический сезон в самом разгаре. Сюда в это время со всех частей света съезжаются больные и здоровые. Едут светские львы и львицы, альфонсы и содержанки, экспортные и импортные магнаты и торговые агенты всемирно-известных фирм стандартных товаров, владельцы лошадей, судовладельцы, верфевладельцы и просто владельцы, кинодеятели, повара и короли. Полный набор королей. Короли каучука и короли селитры, селедочные короли и консервные, короли свиной тушонки и лимонные короли — и все низложенные короли и бывшие принцы.

В Египте в это время весна.

Наконец, в эту благодатную пору из года в год здесь на раскопках можно встретить всех знаменитых египтологов мира, кроме чехословацких. Приезжают сюда из Гарварда и Пенсильвании, из Оксфорда и Сорбонны,

из Лувра и Гейдельберга, из Лейдена и Варшавы. Только у нас, очевидно, господствует та практическая научная точка зрения, что египтологией лучше всего заниматься на Виноградах*.

Короче говоря, время было очень удобное, и случай представлялся заманчивым.

Я принял приглашение и стал собираться. Но пока я по своему простодушию и неизлечимой доверчивости трудился, как вол, стремясь выполнить обязательства, уложиться в сроки и таким образом выкроить свободное время, разыгралась большая четырехактная бюрократическая комедия. На этот раз современная чехословацкая бюрократия объединилась с древней бюрократией писарей, имевшей славную тысячелетнюю традицию. И вот стали сниматься копии, неизмеримо возрастали входящие и исходящие номера, повсюду столбцами выстраивались заверяющие подписи самых неожиданных должностных лиц, а время не ждало. Весна состарилась в лето. Приятную погоду сменила невыносимая жара. Обязательства и сроки размножались, как членистоногие. Обе бюрократии изошрялись в силу своих внутренних законов, и египетская весна превратилась в пражскую весну.

За два месяца вперед у меня был куплен билет на концерт Рихтера, и, очевидно, именно по этому билету я все-таки улетел из Праги.

Летели мы в ночной тьме на высоте восемнадцать тысяч футов, или шесть тысяч метров, на американском самолете авиакомпании Эйр-Индия, приземлившись через два часа одиннадцать минут в Риме, почти совсем рядом с двухметровой оплетенной соломой бутылкой Кианти.

В Риме наше воображение сразу уносится в область римских реалей и других древностей, но аэродромы, очевидно, находятся вне области нашей фантазии. На многих аэродромах мира господствует технический формализм и архитектурный функционализм, и ни о каких древностях не может быть и речи.

Отсюда мы послали домой первые открытки с дороги и улеглись в мягкие кресла самолета, продолжая

---

* Район Праги, где находится институт востоковедения. (Здесь и далее прим. ред.)

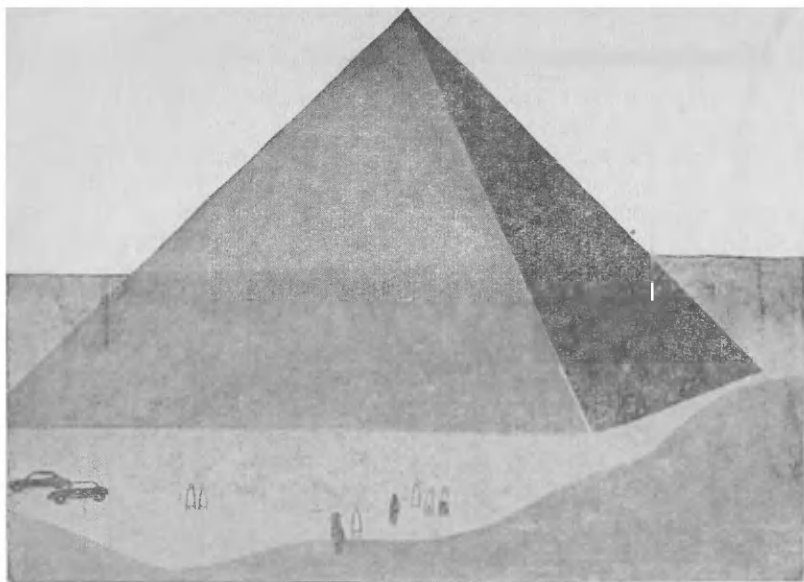
свой путь в направлении осенних перелетов ласточек и аистов.

В Каир мы прибыли в половине седьмого утра. Здесь нас сразу встретили люди, которые были вежливы и строго официальны. Поскольку мы их почти не понимали, то предоставили им самим устраивать наши таможенные и паспортные дела. Это было не так-то просто, ведь все мы, вместе взятые, имели десять фотоаппаратов, одну кинокамеру для тридцатипятимиллиметровой пленки, батарейки, экспонометры и разного рода оптические приборы и штативы. Сюда нужно прибавить еще несколько километров девственно чистой, легко воспламеняющейся пленки и целую кипу книг на языках, в Египте никому не понятных. Египетские чиновники всячески старались проявить в отношении нас самые дружеские чувства.

Каирский аэродром расположен примерно в тридцати километрах от города. Наша машина с урчанием пронеслась по великолепным асфальтированным улицам, по аллеям с двумя рядами пальм и хрупких старомодных фонарей, промчалась в аромате утра мимо благоустроенных кварталов с их курортным спокойствием, мимо вилл, школ, жилых домов и кварталов, где скрещивается Восток с Западом, где автобусы обгоняют верблюдов, восьмицилиндровые машины — осликов и тачки, груженные апельсинами, корзинами с цыплятами, — и вдруг мы очутились в европейской столице с высокими жилыми домами и магазинами, крикливой рекламой и взбалмошными шоферами. Местные водители лихо демонстрируют свою приверженность к цивилизации. Сумасшедшую скорость они искусно сочетают с гудками и скрежетом, доводя вас до полного изнеможения.

Когда мы вышли на террасу своего номера в отеле, под нами бурлящим потоком редела шумная торговая улица. На безоблачном синем небе вырисовывались ажурные сети неоновом освещении и леса реклам. Еще выше взметнулись антенны, а над ними парили стаи коршунов и грифов.

В любой стране южнее Альп сквозняк в комнате — необходимейшая вещь, а мы, жители средней Европы, боимся его. Но ничего не попишешь: законы, привычки,

Ошеломляющая сила воздействия материи

обычай и поверия нельзя возить из одной страны в другую. В Египте приходится распахивать окна и двери настежь и опускать на день жалюзи на солнечной стороне.

Мы сняли с себя все, что только можно, и вышли на каирские улицы.

На плане Каира, который нам вручили в отеле, была весьма уместная надпись: «Космополитический Каир». Город, который нас сразу экспроприировал и национализировал, действительно обладает броскими чертами международной.

Террасовидные небоскребы с высокомерием нуворишей презрительно взирают на ютящуюся рядом с ними одноэтажную нищету. Но, по правде говоря, эти трущобы грязи и нищенские развалины тут только до поры до времени. Это не означает, разумеется, что нищета и грязь будут тем самым полностью ликвидированы, а только то, что они будут убраны вот отсюда, с этого угла, и на их месте, как на дрожжах, через два-три месяца вырастет многоэтажный дом. Конечно, мы старательно щелкаем аппаратами направо и налево,

стараясь запечатлеть лачуги, крытые гороховой соломой, и роскошные дворцы. Что было и что будет. Наша скептическая душа журналиста, полная иронии, не может уклониться от вопроса: для кого?

Отели «Семирамис» и «Шепард» с ресторанами и танцевальными залами на крыше расположены на набережной Нила, у моста Каср эль-Нил, или, как он теперь называется, Ат-Тахрир. На другой стороне набережной, у того же моста, находились английские казармы, которые затем с искренним воодушевлением сломали.

Сама река — независимая, широкая, медленная, самоуверенная, мутная, тысячелетняя. В 1954 году здесь начали строить набережную. Ее прокладывали через районы, застроенные жалкими лачугами, через кварталы нищеты и человеческого несчастья. Теперь набережная уже построена. Но никто не сказал мне, что стало с теми, по чьей кровле прошелся коток цивилизации.

Быстрая езда утомляет сменой впечатлений. Как только поток машин останавливается, несовершеннолетние уличные продавцы предлагают водителям на счастье веночки из цветов жасмина. Город живет, возможно, не по средствам, но жизнь идет полным ходом. У города учащенный пульс и наверняка повышенное кровяное давление. Тут ты буквально ощущаешь, как во все кровеносные сосуды страны вливаются молодые египетские животворные соки. В этом ощущении есть что-то от театрального пафоса. На главной площади с наступлением вечера начинают безумствовать светящиеся рекламы. И ритмические каскады фонтана на площади Ат-Тахрир падают «в унисон» со сверкающим спешащим вечером.

Мы плавно выехали из города и направились в Гизэ. Лихорадочный пульс вечернего города, спавшего днем, создает впечатление непрерывного детективного фильма с восточным реквизитом, с расплывчатыми тенями и силуэтами и с фигурами, крадущимися среди залитых лунным светом колоннад. Чем дальше фары наших машин врезаются в ночную тьму, тем больше мы приближаемся к египетской национальной действительности, удаляясь от космополитического игорного дома цивилизации.

Вдруг шоссе, завернув у «Мена хаус» — фешенебельного отеля у подножия пирамид, резко выбрасывает наши машины на побеленную лунным светом равнину, на которой возвышаются пирамиды.

Где-то позади остался сумасшедший дом современных технических достижений, как в пропасть провалилась вся стерильная техника гигиенического убийства чувств. Неоны у пирамид, как по приказу, гаснут.

Город мертвых, некрополь на краю Ливийской пустыни, некогда находился в тридцати километрах от Мемфиса, города живых.

Три фараона IV династии (третье тысячелетие до нашей эры) — Хеопс, Хефрен и Микерин — построили здесь, на границе между жизнью и смертью, между плодородными садами и высохшей пустыней, три четырехсторонние геометрические фигуры, которые называют пирамидами.

Три горы из гладко отесанного известняка.

Пирамиды бесспорно служили гробницами фараонов, но еще бесспорнее тот факт, что у них было и другое назначение. Какое — этого никто до сих пор не знает.

Разные толкователи предлагали самые разнообразные и самые удивительные объяснения. Ученые выдвинули сотню гипотез. Говорили, будто это были либо обсерватории, либо усыпальницы Иосифа, или очистные станции нильской воды; мавзолеи фараонов или хранилища мер и весов, а возможно, даже сигнальные вышки межпланетных кораблей*.

Большую пирамиду Хеопса называли «каменной библией»; в ее пропорциях, которые так тщательно рассчитал, измерив при помощи триангуляции район пирамид, Флиндерс Петри, якобы тайлась неразрешимая загадка мистических чисел. Однако Петри путем расчетов пришел к выводу, что хотя египтяне и были прекрасными астрономами, но попытка обнаружить элементы метафизики в египетской математике — дело напрасное и ненаучное.

---

* Пирамиды служили только усыпальницами фараонов. Все возможные теории о том, что они имели какое-либо другое назначение, современной наукой не подтверждаются.

Туристы с Запада, в стиле Запада, при западающем солнце

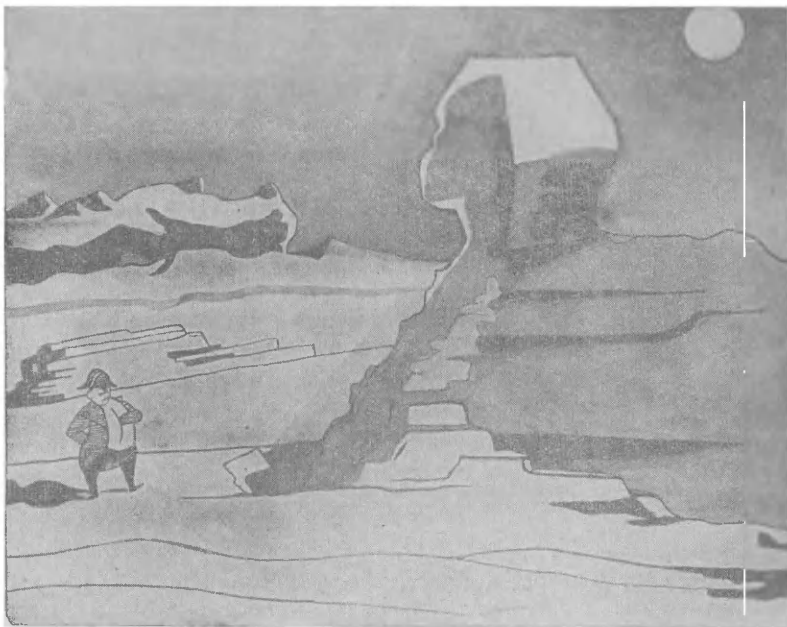

В связи с этим вспоминается теория немецкого экономиста Сильвио Гезелла, который утверждал, что Моисею был известен секрет пороха. С прусской добросовестностью Гезелл приводит в качестве доказательства упоминаемые в Ветхом Завете «горящий куст» и разрушение стен Иерихона. К. Керам в своей «Древней истории» пишет, что доктор Гезелл даже доказывал — и был убежден, что доказал, — будто Моисей, воспитанный при дворе Рамсеса своим тестем, оккультистом Иофором, осквернил святой ковчег, устроив там химическую лабораторию по производству взрывчатки. В свою очередь доктор Шарль Функ-Хеллет считает, что египетский локоть, мера длины фараонов, хранимая в коллекциях Лувра, является основой тайны чисел, при помощи которых производили расчет пропорций пирамиды Хеопса.

Культ мертвых в Египте зиждется на вере в то, что духовное «я» каждого человека продолжает жить и после смерти, черпая силу в жертвоприношениях. Вечные дома, или гробницы, расписывали очень живыми сценами из земной жизни. Живопись гробниц и усыпальниц должна была быть настолько правдива, чтобы магической силой художественного изображения вызывать в умершем представления о новой действительности, о загробной жизни, быть отражением его земного существования. В этом вероучении заключено, возможно, первое определение реализма в живописи вообще.

Иное толкование предполагает, что сразу же после смерти покойник обретает способность произносить магические слова и тем самым оживлять все нарисованные в гробнице фигуры и предметы. Поэтому египтяне и рисовали их, как живых. Но львы, тигры и змеи в гробницах были изображены так, что если бы они ожили, то оказались бы безвредными. Их рисовали безногими, разрезанными пополам или слепыми. На мой взгляд, первое объяснение живописи гробниц было более правдиво. Второму же во многом не хватает художественности, ибо оно предполагает натуралистическое копирование природы и отбрасывает всю художественную красоту надгробной живописи.

Культ мертвых был связан с Западом. На Западе простиралась пустыня, и западные ветры приносили

Многие проводили время возле сфинкса

смерть. Пустыня подступала все ближе и ближе к плодородной узкой долине Нила. Мертвые отправлялись туда, где царилa смерть, где солнце ежедневно садилось за могилы. Поэтому некрополи создавали только на западном берегу Нила. Мертвые обитали на западе, и египтяне называли их «обретающими на западе».

Впечатление от пирамиды во много раз превосходит ее размеры. И никому даже в голову не приходит задуматься над ее высотой, шириной и объемом. Но современный человек все умеет рассчитать и облечь все мечты в цифры. Вы смотрите в экстазе на белую, залитую лунным светом сторону пирамиды и на иссиня-черную, вырезанную из тьмы ровным треугольником ее теневую сторону, а гид с подчеркнуто высокомерной любезностью обращает ваше внимание на то, что пирамида Хеопса сооружена из 2300 тысяч граненых плит, каждая размером больше кубического метра. Вся она целиком весит 5750 тысяч тонн. Строили ее 100 тысяч рабочих в течение двадцати лет в период трехмесячных разливов

Нила *. Ее первоначальная высота якобы превосходила 146 метров, но позднее верхушку растаскали, так что теперь ее высота достигает лишь 137 метров. Угол наклона равен $51^{\circ}52'$.

В немецком путеводителе (Курт Шредер, Бонн) египтологом Эдвардсом с английской пунктуальностью высчитано, что в пирамиду Хеопса поместился бы римский храм святого Петра, кафедральный собор святого Павла и Вестминстерское аббатство в Лондоне, а также флорентийский и миланский соборы. Это невероятно, но европейца гораздо больше поражает строгая монументальность пирамиды Хеопса, чем замысловатая архитектура всех перечисленных великих творений эпохи готики или ренессанса. Сущность первообраза. Основа основ формы.

Мы не отважились подняться ночью на вершину пирамиды, ибо у нас уже ушли в прошлое романтика, безрассудство и бравада молодости. Но днем, когда гиды привезут в автобусах, на верблюдах, на лошадях, на машинах и на ослах американских и английских туристов, десятки эстетствующих альпинистов начнут карабкаться по стенам пирамиды. Неукротимые туристки в опасном, точнее в неопределенном возрасте охотно разрешают корыстным гидам поднимать и переносить себя с плиты на плиту. Но когда громко щебечущие стайки туристов взбираются наконец на вершину пирамиды, в награду они получают возможность любоваться великолепным и в то же время удручающим видом на человеческий муравейник и на царящее вокруг величие пустыни. На вершине пирамиды можно выпить лимонад или охлажденный кока-кола, которые по повышенной цене продает юный кудрявый частный предприниматель. Понятно, почему я так и не забрался на пирамиду Хеопса. Нельзя объять необъятное.

Ночью, под звездами, мы разбрелись в разные стороны, и каждый ходил, где хотел. В ярком свете луны масса пирамиды обретает фантастическую силу. Форма строгих очертаний, основа основ творения светит в ночи, как треугольное зеркало. Вы боитесь разрушить это

---

* Согласно традиции, сохраненной греческим историком Геродотом, посетившим Египет в V веке до н. э.

призрачное видение отливающих перламутровым блеском стен пирамиды и укоряете себя за каждый шорох, который вызывает вырвавшийся из-под вашей неуклюжей ноги камень.

Пейзаж в обманчивом свете луны словно стремится куда-то в ночные просторы, маня вас как в пропасть, в объятия тайны. Худосочный песок и посиневший известняк блестят в лунном сиянии синим светом, и тени отливают темными, совсем фиолетовыми тонами.

Внезапно среди звездного простора я очутился один на один со сфинксом — я нечаянно прибрел к нему. Неподвижная огромная статуя застыла настороже. Памятник вопросам, остающимся без ответа. Удивительный парадокс: окаменевшее беспокойство и беспокойный покой.

Так стояли мы тут, скромная тень перед вечной материей. Но я не скажу вам, какой вопрос я задал сфинксу и какой ответ прошептала мне ночь. Это дело чести моей и сфинкса. Вопрос касался человечества.

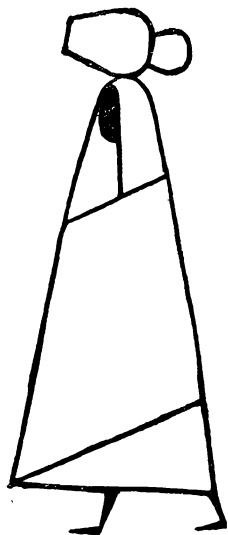
Некогда лицо сфинкса было темно-красным. Воины-завоеватели использовали сфинкс как артиллерийскую мишень. К счастью, они оказались неважными артиллеристами. Сфинкс потерял только нос. Похож сфинкс и на фараона, и на льва. Говорят, лицо его напоминает лицо фараона Хефрена. Это не греческий сфинкс в образе полуженщины, полульва. Арабы называли египетского сфинкса Абу-эль-хол, что-то вроде — отец страха, отец ужаса, отец кошмаров. И все-таки каждому хотелось поговорить с ним наедине. И Цезарю, и Наполеону. Сфинкс вселяет скорее чувство уверенности, чем страха.

Выражение лица сфинкса спокойное. Ширина лица 4,15 метра. Ширина рта 2,32 метра. Ухо длиной 1,37 метра, а отбитый нос, говорят, равнялся 1,7 метра.

Послышались шаги. Это наша делегация пришла представиться сфинксу. Далеко, где-то у бараков рабочих с раскопок, слышалась песня. Так же, вероятно, пели рабочие, строившие пирамиду 4700 лет назад. Возможно, что и мелодия была схожей. В ней звучала печаль о бренности всего земного.

Это была песня о любви и измене. Сфинкс улыбался. Ради этой улыбки мы и приехали в Египет.

НИЛА

I

Во второй книге истории Геродота, носящей название «Эвтерпа», сказано, что от знаменитых египетских историков из Гелиополя и почтенных ученых из Мемфиса и Фив автор получил достоверные сведения о возрасте и культуре их страны.

«Египтяне первыми открыли солнечный год и первыми додумались разделить его на двенадцать месяцев, — пишет Геродот. — Все это они прочитали по звездам».

Геродот родился в Малой Азии, в городе Галикарнасе. На долгие годы он был изгнан афинским правителем на остров Самос. Случилось это в середине пятого столетия до нашей эры. Находясь в изгнании, он отправился путешествовать по всему миру. Интересно, что такой беспристрастный историк, как Геродот, признает египетский календарь лучше календаря греческого.

Эмиль Людвиг* в своем описании Нила с безапелляционной уверенностью утверждает, что египетский

---

* Эмиль Людвиг (1881—1948) — немецкий буржуазный публицист и писатель.

календарь был введен примерно около 4000 года до нашей эры. Впрочем, мнение многоречивого Людвига можно принимать или не принимать к сведению. Но, скажем, высказываниям многих других историков, при всех их идейных разногласиях, обычно приписывалась некоторая солидная достоверность, во всяком случае в области дат и фактов.

К сожалению, выясняется, что все заслуживающие уважения и доверия древнеегипетские и древнегреческие историки не знали ровным счетом ничего по сравнению с тем, что узнали современные египтологи в результате научных исследований. Безоговорочность их суждений невольно вызывает улыбку. Так, чехословацкий академик Франтишек Лекса пишет в своей чрезвычайно интересной и увлекательной книге «Общественная жизнь в Древнем Египте», что «свидетельством высокого развития египетской культуры является новый календарь, введенный 19 июня 4241 года до н. э.». Академику Лексе было известно даже, что старый календарь, действовавший до 19 июня 4241 года, «делил год на 36 десятидневных недель, а к ним прибавлялось еще пять дней, не относящихся ни к прошедшему, ни к будущему году». Бесспорно, современная египтология гораздо точнее древних летописцев, свидетелей тех времен. Дата введения нового календаря была установлена на основе наблюдений древних египтян, заметивших, что разливы Нила начинаются примерно в тот день, когда звезда Сопдет, т. е. Сириус, восходит на небе одновременно с солнцем.

Разливы Нила регулировали жизнь египтян. Год, делившийся на три периода — разлива, всходов и жатвы, начинался во время разлива. Регулярность нильских разливов заставила древнеегипетских астрономов обратить свои взоры к звездам и искать на небе причину этой закономерности.

В апреле тропические ливни на экваторе поднимают воду в озерах, и водопады ежесекундно низвергают огромные массы воды в пенящееся русло. Так берет свое начало Нил. Не как маленький студеный ручеек, бегущий среди камней в горах, не как родник, едва журчащий в папоротнике. Нил начинается могучим водопадом, гул которого разносится по девственным лесам,

словно неустанный тревожный грохот боевых там-тамов. Но египтяне ничего не знали об истёках Нила. Они приписывали Нилу божественное происхождение.

Воды, низвергаясь из озера Рипонским водопадом, коснувшись земли, принимают название Белый Нил. Но он совсем не белый. В лесах под сводами деревьев Нил черный, на равнине он отражает голубизну неба.

Из озера Виктория через озера Киога и Альберта полноводный Белый Нил течет на север среди буйной растительности озерных берегов Уганды. Медленно низвергаясь со скалистой вершины, Нил плавно несет свои воды. Он не спешит к далекому морю. Поверни Нил на восток, его дорога к морю стала бы короче, но он решил попутешествовать по Африке, заложить самые плодородные края в мире и принести влагу и лёсс с тропиков на север, к самому Средиземному морю.

У брата Белого Нила — Голубого Нила — более вспыльчивый характер. Он вытекает без театрального жеста водопада из озера Тан, пробивая себе дорогу через горы, и, стремительно падая с высоты четырех тысяч метров на Суданскую низменность, становится основной причиной взбалмошности разливов, ибо его воды суматошны и беспорядочны.

Родина Голубого Нила — Эфиопия, которая некогда была единственным независимым государством в поращенной Африке. С доисторических времен отважные чернокожие герои, как львы, защищали страну от нападения. Один за другим захватчики были оттеснены к Красному морю.

Эфиопия — древняя страна. Согласно преданию, ее рослые воины были потомками прекрасной царицы Савской, которая как-то прослышала, что где-то в палестинской земле живет мудрый, ученый и, главное, красивый царь, по имени Соломон. Царица отправилась в далекий путь. Любовный экстаз сладострастных ночей в иерусалимском дворце навеял самое поэтическое произведение любовной лирики — «Песнь песней» Соломона *, а сын Соломона — Менелик, что значит «сын мудрого», — стал основателем эфиопской династии, правившей с 800 до 880 года нашей эры. С тех пор прави-

---

* Согласно библии, «Песнь песней» была навеяна Суламифью...

тели эфиопского государства считают себя потомками царицы Савской. А для европейцев, пожалуй, интересен тот факт, что Эфиопия являлась христианским государством уже в те времена, когда в Европе христианство еще только начинало зарождаться.

Вот где-то здесь, на гребнях эфиопских гор, некогда стояли гордые, суровые эфиопы вокруг своего императора, намеревавшегося отправить послов к арабам, новым властителям Египта. Негус Негести, царь царей, верховный владыка абиссинцев, и его сановники смотрели со скалистого трона своей неприступной страны вниз, на равнину, куда сквозь ущелье пробивался Голубой Нил. Гордыня навеяла царю царей мысль о том, что измени он русло этой реки и прикажи Нилу течь в другом направлении — а это, считал он, вполне в его власти, — Египет перестал бы быть Египтом. Вот как иногда проявляется мания величия.

Нил оказался сильнее всевозможных правителей и завоевателей. Ему нельзя было просто приказать, в каком направлении он должен течь, — на это девятнадцатое столетие еще не было способно. Природа пожелала, чтобы Нил по-прежнему был верен себе и тек с юга на север, к Египетской низменности.

С юга на север. Удивительная вещь! Когда караваны египетских царей достигли далекой Вавилонии, где протекали Тигр и Евфрат, — египтяне замерли в удивлении, увидев, что эти реки текут «неправильно», то есть с севера на юг. И причина их удивления коренилась вовсе не в самомнении, самодовольстве или каком-нибудь египетском шовинизме. Превращение Вавилонии из богатой страны, где находился библейский рай, в сегодняшний, высохший край сыпучих песков и останков древних культур лишь подтвердило, что с вавилонскими реками и впрямь было не все в порядке.

Миссия Нила была тщательно продумана природой. Любопытно, что природа возложила эту миссию на Нил совсем недавно. Всего каких-то двадцать тысяч лет назад, когда в Северной Африке закончился период дождей, соответствующий ледниковому периоду в Европе, и полоса дождей отступила к экватору.

Эти отшумевшие ливни подготовили каменистые русла. Какое-то время они были пустыми, без воды. За-

тем с гор ринулись могучие потоки, несшие плодородный лёсс, смытый с эфиопских полей. Старые русла пропустили воду и дали осесть лёссу на берегах — так в высохшей пустыне появилась полоса плодородной земли. Сюда, к новой реке, переселились хамитские племена, лишившиеся воды в африканской равнине. Они принесли свой опыт и свою культуру.

Нил сплотил эти племена строгой закономерностью разливов, и пример его образцовой дисциплины натолкнул их на мысль создать первые земледельческие общины, в основе которых уже в те доисторические времена — примерно шесть тысяч лет до нашей эры — лежал совместный труд и взаимная помощь. Только совместным трудом можно было подчинить нильские разливы, не подвластные одиночкам. Сооружались плотины и каналы. Отводился в засушливые места избыток воды. Уже первые египетские общины возводили гидросооружения и на основе тысячелетнего опыта борьбы с Нилом за урожай еще до нашей эры создали такой прочный уклад жизни, что он сохранился и поныне.

Борьба с наводнениями и острая нужда в воде стали самыми активными пропагандистами идеи административной общности. Здесь уместно заметить, что египетское общество того времени имело не только свой календарь, но и письменность. Письменность, по-видимому, служившую еще для записи не литературных произведений, а лишь фактов, связанных с повседневной жизнью общества и с жизнью реки. С жизнью Нила. Тогда-то и появились писцы.

У каждой медали есть обратная сторона. Где свет — там и тень. Расцвет старейшей культуры мира принес одно из самых больших человеческих бедствий. Родилась бюрократия. Появились приходно-расходные и межевые книги, входящие и исходящие номера и памятные записки, возникли циркуляры, предписания, положения и заявления. И все это насчитывает уже добрых пять или шесть тысяч лет.

В Египте бюрократия возникла раньше централизованного государства, раньше, чем страна оказалась под властью первого царя. Древнее предание считало первым фараоном I династии Египта Мена (Мина), объединившего Верхний и Нижний Египет, первого

обладателя двойной короны египетских царей и легендарного основателя города Мемфиса.

Объединение обеих частей Египта стало возможным лишь потому, что оба царства были связаны одним водным путем — круглый год судоходным Нилом, в долине которого ветры регулярно дули с севера на юг. Дули они против течения, подгоняя парусники, плывущие из Нижнего в Верхний Египет. Прохладный ветер с севера устремлялся в зажатую среди скал пышащую зноем долину, где горячий воздух поднимался к вечно безоблачному небу.

Нил течет по широкой долине, окруженной горами и безлюдной пустыней, где нет ни малейшего намека на воду или тень. Все это стало естественной защитой плодородных полей от чужеземных набегов и от других внешних влияний на общественный уклад египтян. Труд земледельцев — мирный труд; Египет долгое время имел возможность строить свое благополучие и создавать культурные ценности без каких бы то ни было войн. Он не вел завоевательных походов и не страдал от вторжений чужеземных войск.

Знатные иностранцы привозили в страну различные новинки и изобретения, которые египтяне с врожденной сноровкой быстро осваивали. Они использовали их для повышения урожайности своей наносной почвы, добросовестно орошаемой Нилом, и тем самым содействовали прогрессу Египта. В настоящее время Египет является одним из крупнейших производителей и поставщиков высокосортного хлопка. А между тем семена хлопчатника лишь в начале девятнадцатого столетия были доставлены французом Каллио на опытную плантацию албанца Мухаммеда Али, турецкого наместника в Египте. Кукуруза и многие южные плоды, в частности манго, также были ввезены несколько столетий назад.

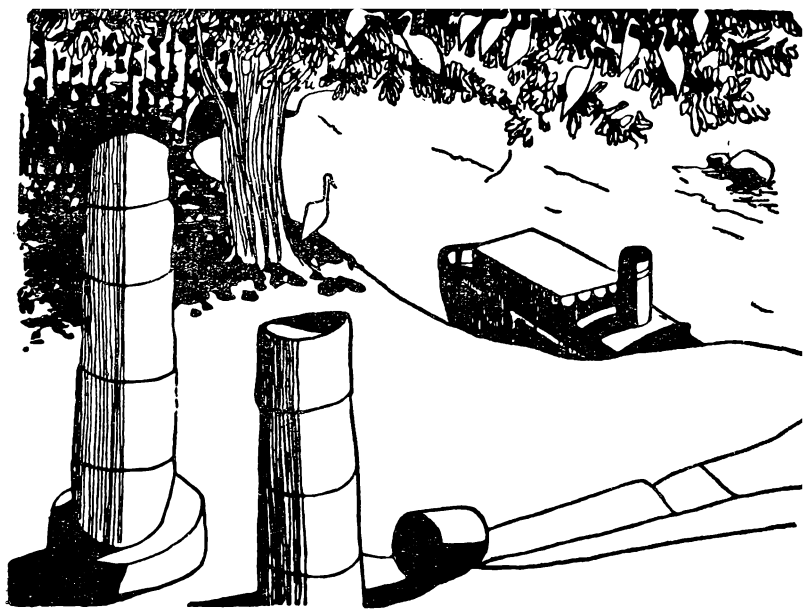
Не будь Нила, в Египте ничего бы не росло, ведь здесь совсем не выпадает дождей. Два-три дождичка в год не в силах победить пустыню, неотвратимо наступающую на эти края с запада. Пустыня — это смерть, Нил — сама жизнь. В пустыне выросли города усыпальниц и пирамид. На запад от реки, на границе безбрежных песков, расположен некрополь — город мертвых.

И эти пески — природа не лишена остроумия — покрыли сухим слоем древнейшие памятники человеческого гения, сохранив их нетронутыми до нашей эпохи. Эпохи раскопок.

Мы плыли по Нилу, и это было самой прекрасной частью нашего путешествия. Ведь так мы познакомились со всей страной. Геродот пишет, что «на юг от Гелиополя Египет сужается». И правда, в этом месте страну можно охватить одним взглядом с капитанского мостика любого судна, потому что все, лежащее за прибрежной полосой, хотя и является территорией Египта, но территорией абсолютно безжизненной. Там, где-то далеко в пустыне есть только сторожевые посты — пограничники на верблюдах охраняют границы. Им приходится возить с собой фляги с питьевой водой. Кроме них, встречаются лишь отдельные группы бедуинов и кочевников, которым не по душе организованная жизнь. Зеленая полоса вдоль реки, пересекающая желтые просторы пустыни, — вот, в сущности, и весь Египет. Здесь-то и живут египтяне. На каждый квадратный километр тут приходится по 800 человек, а это в три раза превышает плотность населения самого густонаселенного государства Европы.

Мы сели на судно в Асуане. Некогда из здешних каменоломен египетские цари вывозили гранит для памятников. Вся река, усеянная в этом месте островками, похожа на необозримую, залитую водой каменоломню. Два острова напоминают букеты, плывущие по речной глади. Один из них называется джезирее Асуан. Второй — эль-Атрун, славится ботаническим садом. Огромные деревья купают в реке свои ветви, загаженные стаями священных птиц. Священных по сей день, ибо они спасают урожай от гусениц и насекомых. Птиц охраняют. Полунагой юнга не знает их старого славного имени. Он зовет их абу крдан. И смеется, услышав, что это ибисы.

Наш отель в колониальном стиле времен английской королевы Виктории, расположенный над порогом Нила, несет на себе печать грусти о былой славе. Напротив отеля, через реку, на голой гранитной террасе

Священные птицы на острове эль-Атрун

стоит замок Ага-хана. Он купил его у египетского правительства за четыре тысячи фунтов. В стороне от оживленного центра города расположены выжженные зноем каменоломни. Возможно, именно здесь в смертельной жаре некогда надрывался раб, угрожавший Риму, — фракийский гладиатор Спартак. А посреди каменоломни лежит грубо отесанный с трех сторон обелиск. На нем нет никакой надписи. Только остатки деревянных клиньев; залитые водой, они набухли и расщепили камень. Монолит, над которым безуспешно трудились. Драма неоконченного произведения.

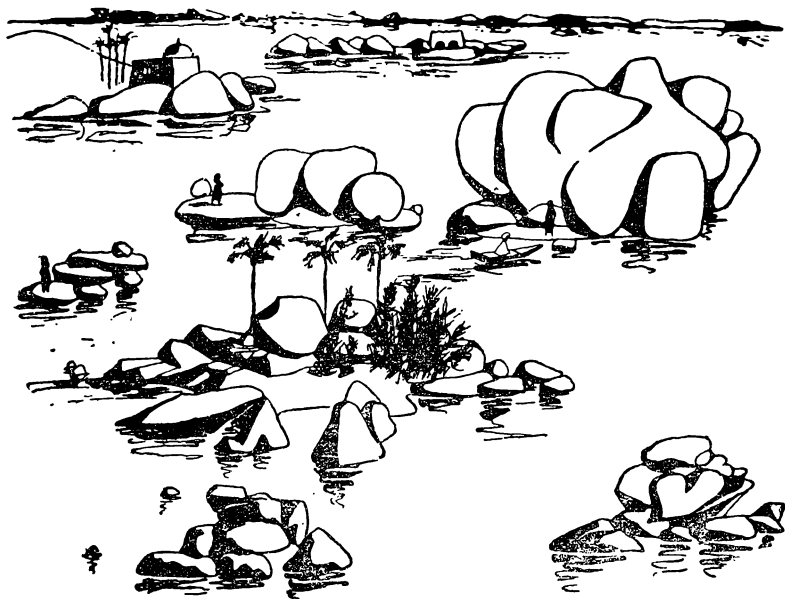
Асуан — порт. Многоэтажные пароходы свистят и гудят, как на нижней Миссисипи. Поезд подходит к самому порту. Кофейни на набережной служат как бы кулисами суматошной цивилизации. Стройные женщины плавным шагом идут за водой; они несут на голове не глиняные кувшины, обожженные деревенским горчаром, а жестянки от масла или старые консервные банки. Улицы завешаны рогожами. Сегодня в полдень термометр у входа в отель показывал 48°C в тени.

Поднимаемся на судно. Здесь лучше — даже когда оно стоит, постоянно дует ветерок. Корабль наш похож на двухэтажный паром. В первом этаже, у самой воды — кухня, погребок, неизменный холодильник и четыре каюты с совершенно ненужными дверями, поскольку закрыть их — значит задохнуться от жары. Посреди судна бассейн с так называемой холодной водой, — на самом деле у нее температура горячего супа. На носу и на корме второго этажа крытая палуба, завешанная по бокам парусиной. В центре палубы — небольшой салон с письменным столом. Ели мы на носовой палубе. Писать — мы совсем не писали. На нашем суденышке нет ни мотора, ни мачты для паруса. Оно привязано к небольшому буксирному пароходу.

Старый черный капитан зорко наблюдает за погрузкой. Вы бы не поверили, что потребуется столько приготовлений для пятидневной поездки по священной реке. Наше судно буквально забито льдом, ящиками пива, минеральной воды, соков и кока-кола, корзинками с курами, банками консервов и плетенками с овощами. А нас всего двадцать человек! Неужели можно съесть все это? И представьте себе, когда мы вернулись, все было выпито и съедено. И индюк, и даже голуби, обитавшие на палубной крыше. Осталось лишь несколько бутылок кока-кола.

В целом мы жили неплохо и никоим образом не предавались обжорству. Что касается питья, то алкогольных напитков мы выпили очень мало, зато поглотили море воды, соков и пива. Целое море, а не какой-нибудь заливчик.

Одежды на нас почти никакой. «Только, пожалуйста, — предупредили нас при посадке, — не вздумайте специально загорать!» В лучшем случае, говорят нам, можно побыть на солнце до десяти утра и после пяти вечера. И непременно в шляпах! «А в случае, если понадобится, скажем, врач, храни вас аллах, или срочно потребуется передать какое-нибудь сообщение, звоните по телефону! Мы немедленно пошлем самолет или вертолет, вы наши гости, а мы гостей уважаем, и из вашей страны особенно!». Но они не знают закаленных прагжан с втавских купален. «Мы родились на воде, гос-

Первый порог

подин Собхи! Я из Подскали, а Багар, наш народный художник, с Дуная».

Наш дорогой друг из Асуана, инспектор строительства Асуанской плотины, инженер Рафаэль Собхи, держа в руках покрытую резьбой деревянную ручку с большим конским хвостом — им отгоняют мух, — проводил нас до самой палубы. Он предоставил в наше распоряжение судно своего учреждения и теперь заботится, чтобы все было в порядке. Собхи передал нас Алиму, своему эконому. «Так, а вот вам сигареты на дорогу. В деревнях, кроме рыбы, ничего не достанете, на сельские лавки рассчитывать не приходится». И не успели мы опомниться, как уже плыли против течения, на юг от Асуанской плотины.

Но тут кончается привычная действительность и начинается дикий ад первого порога. У реки здесь нет берегов, и ты не знаешь, куда она течет, расчлененная лабиринтом каменистых островков, круто спадающих в воду. Они загромождают дорогу. Нигде ни травинки. Отшлифованные водой скалы разнообразной

формы. Островки самым бессовестным образом напоминают человеческое тело. Вернее, отдельные его части. Цвета они розоватого. Есть тут огромные почки, расположенные одна на другой, груди, зажатые среди бедер, гигантская печень и монументы из желудков, затылков, желез и огромных ляжек — все это навалено, как на затопленном водой рынке человечины. Так и ждешь, что в этом пекле такое обилие телес начнет издавать чудовищную вонь. Но нет. Здесь веет нежный ветерок, теплый, как из сушилки, и душистый, как аромат клубники.

Чудовищно лысое прокрустово ложе легендарной реки. Плотины, уже три раза надстраиваемая, загородила реке путь, который та прорубила себе в гранитном русле. Теперь река не может течь дальше, если этого не захочет инженер в башне управления шлюзов. Вода заметно поднимается. Прямо на наших глазах. Соседство раскаленного камня и прохладной воды ощущаешь, как конфликт. Как борьбу материи.

Неожиданно среди необозримой речной поверхности, покрытой сине-золотистой зыбью, поднимается двойная колоннада и усеченные верхушки пилонов. Затопленный храм. Сказочный пейзаж, вдвойне поэтичный среди конвульсий каменных тел и скопления материи, раздавленной тяжестью вод и столетий. Даже завоеватели Египта, поддавшись чарам этого уголка поэтичного ужаса и суровой красоты среди дьявольского пейзажа грозного порога, перенесли сюда действие одной из сказок «Тысячи и одной ночи». И если бы Бёклин * увидел эти поднимающиеся из воды очаровательные развалины, он никогда бы не нарисовал своего «Острова мертвых».

Некогда это был храм богини Исида, достроенный во времена Птолемеев. Храм, словно крепость, был обнесен стеной, и процессии с дарами приплывали сюда на украшенных цветами лодках. И когда уже во всем Египте воцарилось христианство, на этом островке все еще сохранялся культ Исида. Но это уже был культ поэзии, а не культ личности богини.

---

* Бёклин Арнольд (1827—1901) — швейцарский живописец-символист.

Зимой, когда шлюзы Асуанской плотины открыты, великий храм, занесенный илом, появляется из воды, сбрасывая с себя волны. По мере обнажения деталей все более вырисовывается архитектура храма, сочетающая египетскую монументальность с греческим изяществом.

Колонны обвиты прядями тины, а в воротах застряли жалкие остатки суетной деятельности человека: старые корзины, башмаки, шляпы, рыбацьи сети, зонтики и консервные банки. Капители колонн обросли зеленым мохом. Вокруг стоит тишина, как и подобает вблизи святыни. Здесь нет даже птиц. Тщеславные колонны смотрятся в воду, которая коварно искажает их отражения.

Чем дальше мы плывем, тем уже становится гранитное русло реки. Белые полосы известняка, спускающиеся со скалистых вершин к самой реке, зеркальная поверхность которой несет их изломанные отражения, указывают место, где проектируемая большая плотина перекроет течение Нила.

После египетской революции 23 июля 1952 года новое правительство решило построить в шести с половиной километрах от старой Асуанской плотины грандиозное водное сооружение. Цель его — укротить могучий Нил и заставить его огромную силу прилежно служить египетскому народу! Может быть, слишком патетично определять так намерения простых людей в сравнении с гордым пафосом реки, но теперь это уже реальный план. Люди научились побеждать стихию.

Американцы долго кокетничали с Египтом и предлагали финансировать строительство плотины*.

---

* Когда правительство Египта обратилось к США и некоторым другим западным державам с просьбой предоставить заем на строительство плотины, западные кредиторы выдвинули неприемлемые для Египта условия. В обмен на «помощь» они потребовали установления своего контроля над египетской экономикой. Египет отклонил их условия как несовместимые с национальными интересами страны. Советский Союз предложил Египту экономическую и техническую помощь, не выставляя при этом никаких политических условий. В соответствии с соглашениями между ОАР и СССР строительство высотной Асуанской плотины началось в январе 1960 года.

Плотина нужна Египту до зарезу. Не говоря уже о быстро растущей потребности в электрической энергии для развивающейся промышленности, без регулярной подачи воды в период засухи нельзя сделать плодородной ни одной пяди пустыни, а население Египта растет и урожай страны не хватает.

Сегодня далеко еще не укрощенный Нил ежегодно уносит в море колоссальное количество неиспользованной воды. Огромные массы воды могут порой превратить спасительные разливы в губительные наводнения, как это было в 1878 и 1879 годах.

Из-за неравномерности паводков воды то не хватает, то она угрожает затоплением во время наводнений посевам. Поэтому необходимо создать многолетние запасы воды, чтобы орошение земли стало равномерным, как ход часов, и не зависело от времени года, отвечая только потребностям почвы.

Новая, высотная плотина должна увеличить плодородную посевную площадь в бассейне реки и дать стране электроэнергию.

Мы стояли на палубе в немом дилетантском удивлении перед могуществом человеческой воли и технической выдумкой. Что-то сжало нам горло. Наш пароходик, добродушно пофыркивая, проплывал мимо глиняных селений, прилепившихся к скалам. Здесь многие поколения людей рождались, росли и до седьмого пота трудились. Они не хотят расставаться со своими хижинами. Они не понимают, как необходима и нужна их жертва: ведь Нил перестанет быть их хозяином — они сами станут хозяевами Нила.

Однако не воображайте, что одна плотина позволит использовать всю энергию бессмертной реки. Для этого нужно еще построить плотины на озерах Виктория, Киога, Альберта, Тан, прорыть каналы в болотах Седда, возвести плотину на четвертом пороге и в Вади-Райяну. Только тогда люди станут властелинами Нила. А до этого пройдет еще немало лет.

Мы вынесли свои матрацы на палубу. Над нами раскинулось то же небо, что простиралось над спящей Нефертити. Когда мы засыпали, откуда-то издалека донесся собачий лай. Нам снилось, что мы спим в далекой чешской деревне.

Отдых на экваторе

Темнеет на Ниле сразу. К вечеру, при мысли о черной ночи, песок краснеет. Западный склон неба вспыхивает бенгальскими огнями. Но этот фейерверк длится лишь миг. Солнце в Египте спешит. Караваны верблюдов останавливаются, и верующие опускаются на колени, готовясь к молитве. Теперь — внимание! Солнце уже садится за песчаные гребни. Смотрите! Последний ядовито-зеленый луч, словно фосфорическая молния, сверкнул на небосклоне. И сразу — не успеешь опомниться — сплошная тьма. Египетская, непроглядно-черная тьма. И лишь на черной реке угадывается бледно-лиловый отблеск. Знойная тишина. И эту тишину ночи, точно бесконечные годы, охраняют скалы.

* * *

Прилепившиеся по берегам реки глиняные деревушки теряются в глиняном зное. Глаза у домиков закрыты. Они не выносят блеска солнца. Фасад совсем без окон. Тут и там виднеются медно-зеленые двери или красное белье. Лишь внизу, далеко от берега в реке стоят старые пальмы. Они растут прямо со дна; здесь до строительства первой Асуанской плотины от Каира до Судана тянулся зеленый пояс Египта. Теперь лишь кое-где зеленеет узкая лента — всего несколько метров шириной, — да пальмы, словно забежавшие в реку. Среди них плавают пеликаны, пеликанши и пеликанята. Птицы мокрые и неприглядные. Болтливые и обыкновенные. Цапли в своей одноногой задумчивости едва обращают на них внимание. Цапли — это профессора «ниловедения».

Момент, когда мы миновали развалины храма на левом берегу в Керташи и развалины в Тафе и Калабше — на правом, принадлежал к историческим моментам, но мы, понятное дело, не осознавали этого. Когда мы в простоте душевной, не утруждая себя мыслями, принимали солнечные ванны, рискуя изжариться до костей, и я усиленно старался сдуть индюшачье перышко с тропического шлема доцента Жабы, на палубу пожало-

вал Абдель Салам Бадран и, как ни в чем не бывало, сообщил, что мы только что пересекли Тропик Рака.

Человек способен мгновенно прочувствовать величие момента, даже если до этой минуты он не имел о нем никакого понятия. Человек — существо, быстро поддающееся романтике в любое время и в любом месте. А на самом деле в земной действительности ничего необычного не произошло. За метр до этой воображаемой линии тропика, пересекающей Нил, и метр после нее тянулся один и тот же край, раскаленный и унылый. И тут и там было одинаково жарко, и нильский ветерок подгонял легкие волны к берегам.

В этом краю совсем не видно молодых мужчин. Может быть, поэтому местные женщины носят навевающую печаль черную чадру. Мужчины уезжают отсюда с вербовщиками в Асуан и еще дальше, в Нижний Египет, на работы. Возвращаются они лишь затем, чтобы повидаться с семьей, подправить жилище и закопать в углу своей лачуги под утоптаным глиняным полом заработанные деньги. Восемь месяцев тоскуют жены о своих мужьях. По утрам можно видеть, как женщины идут с реки с кувшинами на голове. Идут они ровно и плавно, словно хор из греческой трагедии. Но это трагедия египетская.

Здесь черные овцы и черные козы. И даже многочисленная рыба в Ниле, резко выскакивающая из воды, тоже на удивление черная. Рыбьи стайки мелькают прямо у стока нечистот в деревне. Рыбаки забрасывают сети с пустыми тыквами по краям или ловят рыбу сачками.

На скалах, в которых прорублены коридоры и лестницы, спускающиеся к реке, возвышаются развалины римских крепостей. Во времена римского владычества Нил стал путем, по которому римляне проникали в глубинные районы Африки.

Кое-где тут сохранились и греческие надписи разных военачальников и наместников провинций. Эти надписи раскрывают кое-какие подробности из жизни страны во втором или третьем веке нашей эры. Например, один из наместников, Аврелий Бесарион, приказывает жителям отгонять своих черных кабанов от храма в селении Талмис.

И так три раза в день к реке за водой
по жаркой тропинке

Вот город Каср Ибрим, некогда известный под именем Примис Парва. О его стены разбивались атаки кочевых племен, а позднее боснийцев султана Селима и мамлюков, но в конце концов победило время. Стены рухнули, город превратился в развалины. Цивилизация проиграла свою битву с Хроносом*.

Короско, Тошка. Тошка — это троюгорье или что-то в этом роде. Возделанные поля, вышка небольшой радиостанции и казарма. Египетские проводники по привычке стараются уверить нас, что здесь кончается цивилизация. Якобы дальше на юг к суданской границе, на расстоянии четырехсот километров, нет ни одного селения. Тошка и вправду последний пункт на верхнем Ниле, откуда можно позвонить в Абу-Симбель и предупредить о нашем прибытии. Нам нужна рыба и фрукты. В Абу-Симбеле уже зреют плоды манго. Тошка —

---

* Хронос — бог времени.

Отдых черно-белого каравана

место, где радио еще считают священным изобретением, а не проклятием каждого вечера. Но, вероятно, или я, или они изменят когда-нибудь свое мнение. А пока можно послушать по радио последние известия и выпить чашечку чая в обществе почтового чиновника.

Уже за Короско река становится примерно вдвое шире. Деревья забредают почти до середины потока. На болотистых островках гнездятся птичьи парламенты. Пейзаж становится разнообразнее. По берегу гуськом идут женщины в темно-красной или черной одежде. Впереди матери, позади дочки, и как только правоверные матушки отвернутся, легкомысленные дочки открывают свои лица, улыбаются нам, сверкая зубами, и машут ручками. Наш пароходик то и дело обгоняют парусники. Паруса выкрашены в оранжевый, голубой, зеленый и черный цвета. Мы проплываем мимо чудесной композиции. Готовая картина. На песчаном склоне, в тени двух развесистых тамарисков отдыхает караван. Мужчины, все в белом, сидят в кругу и беседуют. В нескольких шагах

от них расположились молчаливые женщины в черном. У огромных свисающих каменных глыб замерли в ожидании верблюды.

Крокодил! Да, мы увидели первого крокодила. Его видно так же, как, скажем, подводную лодку, у которой торчит из воды лишь перископ. Ноздри и уши крокодила разрезали речную гладь. Это, вероятно, приличного размера экземпляр. Испуганные пеликаны поднялись в воздух и спланировали на воду, словно гидропланы. Стук машин нашего пароходика поднимает из тростника несметные тучи птиц.

Еще один крокодил! На этот раз, лежа на илистой отмели, он принимал солнечные ванны. Это был довольно пожилой крокодил. Возможно, ему перевалило за сотню. В Асуане нам сказали: «Если вам повезет, вы увидите и бегемотов». Но бегемотов так и не было.

Около пяти часов, когда солнце уже склонялось к западу, мы увидели отвесную стену Абу-Симбеля. Вода в Ниле плескалась бесшумно, как в немом кино. Мы молча приближались к одному из величайших памятников мировой культуры. Четыре огромные двадцатиметровые фигуры сидели, прислонясь к скале, и смотрели на восток. Лучи заходящего солнца придавали теням нежный оттенок и смягчали лица каменных исполинов. Впечатление ошеломляющее. Поэтическое величие, порождающее безмолвие и страх. Величие, пробуждающее смирение и почтительную робость. И здесь уже не играют роли ни тысячелетия, ни точные даты.

Рамсес II, желая превознести свое могущество и увековечить собственную славу, приказал высечь в песчанике четыре колосса. Лишь один из них, последний справа, не совсем удался. Он несколько отличается от остальных. И лицо у него пошире, и взгляд менее выразителен. В нем не чувствуется царственного величия. Рамсес, победитель царя хеттов Муватталлу у Кадеша, завоеватель Палестины и Сирии, немало позаботился о своей исторической славе. За шестьдесят семь лет своего владычества он соорудил гигантские храмы в Карнаке, Луксоре, Мемфисе, Пибасте.

Рамсес наводнил страну дешевой рабочей силой — военнопленными. Словно бесконечные четки, увенчивают стены храмов многометровые барельефы, изображаю-

щие привязанных за шею друг к другу пленных. Говорят, их было несметное множество. Египетские писцы всех их тщательно подсчитали и занесли — нет, что я говорю, — вырезали на камне на вечные времена. Вот эти-то пленные и воздвигли многие из памятников, прославляющих Рамсеса.

До царствования Рамсеса евреи были в Египте на положении гостей. Только Рамсес, как повествует Библия, возложил на них тяжелые трудовые повинности. Так, во второй книге Моисея, именуемой «Исход», в I главе читаем: «...Он построил фараону Питом и Рамсес города для запасов». Но кто строил их? Рабы? Был ли этот тяжелый труд гнетом для еврейского народа? Сегодняшние арабские ученые упорно отвергают тот факт, что евреи участвовали в возведении памятников древнеегипетской архитектуры. Они отрицают также применение там рабского труда и умалчивают о пленных.

Если мы и допускаем, что в рабовладельческий период истории существовали рабы и в Египте, то не можем отрицать, что в сохранившихся аккуратно веденных учетных книгах ни слова не говорится о труде рабов на строительстве пирамид и храмов. Не упоминается об этом и в папирусных сокровищницах. Создается впечатление, что во времена Рамсеса II вся основная тяжесть изнурительного труда свалилась с плеч египетского народа на плечи военнопленных.

До этих времен только две господствующие касты — жрецы и воины — владели собственностью. Им принадлежала власть. А низшим кастам предоставлялось трудиться. Французский историк Анри Валлон в своей «Истории рабства в древнем мире» пишет о положении народа в Древнем Египте следующее: «Жизнь низших классов была действительно жалкой. Невыносимо жалкой. Деревенские жители — земледельцы и пастухи ничем не отличались от сегодняшних феллахов, а в городах тяжелые трудовые повинности несли плотовщики и ремесленный люд. Это они доставляли гигантские гранитные блоки из Верхнего в Нижний Египет, возводили пирамиды и строили храмы».

И все же это были не рабы. Даже в рисунках из жизни царских дворцов слуги не изображаются раба-

ми. Рабы привозились в Египет с чужбины. Из Нубии, с Ближнего Востока, из Греции. Торговля и войны обеспечили постоянный приток в Египет подневольной рабочей силы.

Во времена Геродота при заключении нубийско-египетских торговых соглашений в списке товаров, привозимых из Нубии в Египет, на первом месте стояли золото, слоновая кость и рабы. Как утверждают греческие историки, рабы доставлялись и из Греции.

Наибольшее количество рабов, очевидно, давали Египту победоносные войны. После удачных набегов и походов на чужие земли египетские цари с триумфом приводили пленных, не забывая рассказать об этих событиях в записях и рисунках и на различных памятниках. Например, в Карнаке иероглифическая запись сопровождается барельефом, где наглядно изображено, как царь-победитель привел пленных тридцати народностей. Среди пленных воинов есть и мирные жители покоренных земель, в том числе женщины и дети.

Труд пленных должен был способствовать прославлению египетских властителей. Геродот, мой самый любимый древний летописец, пишет, что народ египетский, проклиная память первых царей, строивших пирамиды, где ему приходилось надрываться до изнеможения, напротив, превозносил победоносные походы Сенусерта *, позволившие переложить бремя изнурительных работ на плечи военнопленных. Египетские цари, как отмечает греческий историк Диодор Сицилийский, даже хвастали тем, что на некоторых гигантских стройках «ни одна рука египтянина не устала от работы».

В эпоху Рамсеса — период захватнических войн и египетской славы — национальное самосознание выросло в чувство национальной гордости. Храм в Абу-Симбеле является национальным памятником.

Мы замерли в молчании перед храмом — последняя остановка во время нашего путешествия по Нилу, — охваченные непередаваемым чувством. Мы, обезоруженные критики, были поражены не деталями, а всем произведением в целом.

---

* Сенусерт III (1887—1849 годы до н. э.) — фараон XII династии.

Глядя на этот памятник человеческой культуры, мы, люди современные, испытывали нечто подобное тому, что ощущают близкие друзья человека, пораженного смертельным недугом, о котором он сам и не подозревает. Как убийственна мысль, что в данном случае этот страшный рак разрушения и есть цивилизация, прогресс. Что это зло и есть добро. Через несколько лет, как только новая Асуанская плотина перегородит дорогу Нилу, храм в Абу-Симбеле погрузится на дно огромного озера. Не грустите, так должно быть. Озеро поглотит деревушки феллахов, поглотит и храм. Абу-Симбель погрузится в воду, как колокол*.

Мы бродили в благоговейной тишине под сводами храма при закате солнца. Уже спустились сумерки. Нил казался безмолвным. Лишь птицы парили над зеркальной гладью да ветер терпеливо пересыпал песочные часы вселенной. Утром, когда первый солнечный луч, коснувшись горы, пронзит тьму храма и осветит алтарь, который охраняют Птах, Амон, Рамсес II и Ра Горахтей, чудесная святыня на миг озарится светом.

Цветные барельефы на стенах храма изображают битвы. Это биографии царей в иллюстрациях. Барельефы с фигурами женщин обладают элегантностью модного журнала. В строгой простоте формы есть что-то невыразимо современное, несмотря на характерные для той эпохи детали.

Но и здесь юмор веков подшутил над человеческим тщеславием. Когда в 1812 году Буркхардт** первым проник сюда и оповестил мир о своем открытии, он не удержался от искушения и выбил свое имя на камнях алтаря. В 1817 году итальянец Бельцони удалил слой песка внутри и снаружи храма и высек свое имя на фасаде под фризом с изображением павианов. Затем явились новые открыватели. Рядом с головой Рамсеса мы

---

* В 1960 году ЮНЕСКО утвердила проект спасения храма. Он заключается в том, что это гигантское архитектурное сооружение будет поднято на 62 метра и установлено на площадке, которая господствует над уровнем будущего моря.

** Буркхардт Иоганн-Людвиг (1784—1817) — известный швейцарский ориенталист, один из первых европейцев, составивших описание древних памятников Нубии.

читаем имя Лессепс. В другом месте — Мариетт*, а внизу, возле скульптуры Нофрет, любимицы богини Мут, расписался... пан Скршиван. Скршиван с «гачеком»** над «р». Не преминули оставить здесь свои следы и международные любители порнографии, разукрашивающие в городах стены и ватерклозеты. У жен Рамсеса, окружающих колена колоссов, на определенных местах нацарапаны треугольники. Я было заподозрил в этом пресловутого пана Скршивана, но, пожалуй, незаслуженно. Просто чешская фамилия вызвала у меня тоску по дому.

Оказалось, что слабости присущи не только представителям нашего времени. Задолго до них — более чем за две тысячи лет — сюда по Нилу доплыли финикийские наемные солдаты и увековечили свои имена на всех колоннах. Два грека, в безотчетной жажде соединить свое смертное ничтожество с памятником вечности, выдолбили на камне свои имена. Вот что они писали: «Когда царь Псаметих добрался до Элефантины, сие записали проводники Псаметиха, сына Феокла, доплыв сюда далеко за Керкс, насколько позволила река. Чужестранцев вел Потасимто, египтян — Амос. Сие записали Архон, сын Амбоиха, и Пелекос, сын Удамы».

Подобные надписи трогательны своей ужасающей человечностью. Это уже не мещанство, а что-то присущее всем людям; дети, солдаты, туристы, любовники — все охвачены желанием прикоснуться к бессмертию. Мы так безгранично смешны в своей безнадежной борьбе со временем, что заслуживаем снисходительной и сочувственной улыбки.

Мы вернулись на судно, преисполненные смирения, умиленные, и предпочитали молчать, чтобы не сказать что-нибудь банальное. Мне казалось, что отныне я постоянно буду думать о величии искусства ваяния, с которым столкнулся лицом к лицу, — но нет — огромное впечатление растворилось в повседневных мелочах.

---

* Мариетт Огюст (1821—1881) — известный французский археолог, основатель и первый директор Каирского музея египетских древностей и Службы древностей, ведающей охраной памятников и археологическими раскопками.

** Значок над буквой «р» обозначает звук «рш» в чешском алфавите.

Наш пароходик развернулся кормой ко второму порогу и двинулся по течению. Плыли по-прежнему медленно. Мы лежали на палубе, когда месяц висел горизонтально на небе. На палубе мы загорали с раннего утра, разговаривая о вещах холодных или прохладных.

В Эд-Дирре мы встали на якорь у изрезанной заливами каменной громады, где доцент Жба отыскал до сих пор неизвестную наскальную живопись неопределенного и, вероятно, неопределимого века и происхождения. Подобных рисунков на свете много. И в Египте они встречаются в самых различных местах. Но такой живописи, как эта, и впрямь никто еще здесь не видел. Поскольку тут были изображены звери, которые теперь в Египте уже не водятся, мы решили, что рисунки весьма древние. Но среди наших ученых разгорелся принципиальный спор: не являются ли рисунки просто делом рук озорных ребят, или, может, они вообще относятся к временам доисторическим, более древним, чем египетские? Мы все гордились сделанным открытием.

У подножия каменной глыбы, в изрытом ветром песке тянулся след пресмыкающегося. Отпечатки были столь отчетливы, что у нас мороз пробежал по коже. Отпечатался каждый сегмент крупной песчаной змеи.

Постепенно мы свыклись с пейзажем Нила и стали более разговорчивыми. Над нильскими просторами, спугивая жару, комаров и тягостное величие реки, неслась песенка:

По реке Влтаве
плавал крокодил
тот, который раньше
переплыл весь Нил.

Таким образом, и дракон из Брно * получил свою долю славы. Абдель Салам Бадран остался весьма доволен взаимоотношением чехословацкой делегации с крокодилами.

Затем мы увидели черно-зеленых и черно-лиловых рыбаков, вытаскивающих сети. Пароходик пристал к

---

* В городе Брно находится чучело крокодила, выдаваемого за дракона, который, согласно легенде, пожирал людей.

Незаменимый Абдель Салам Бадран

берегу, и Али начал переговоры о покупке рыбы. Но это оказалось делом преждевременным. Улов составлял 1 — прописью «одну» — рыбину. Рыбаки ужасно конфузились и бурно оправдывали свое рыбацкое невезение.

Вокруг голо — ничего, кроме песчаного, удивительно желтого берега, круто спускающегося к реке. На откосе вбит фонарный столб с названием селения, скрытого за дюнами. Рыбаки — красивые нубийцы, белки их глаз как фарфоровые. Народный артист Андрей Багар хотел их сфотографировать. Он вернулся на судно за аппаратом, но, спускаясь с палубы по трапу, поскользнулся. Сами понимаете, актеры привыкли к широким жестам. Он взмахнул рукой, пытаясь сохранить равновесие, и ремешок фотоаппарата выскользнул из рук. Аппарат пошел ко дну. Рыбаки, юнги, повара, Багар, Фрич и даже сам капитан, ныряя в илистую жижу нильской воды, шарили по дну и копались в грязи. Рыбаки хотели было вытащить аппарат сетью, но оказались не на высоте своего ремесла — они так и не нашли его. После такой потери — даже если артист и сыграет весьма убедительно роль человека, примирившегося с судьбой, — пройдет еще немало времени, пока чья-либо шутка разорвет завесу скверного построения.

Нильская вода буквально кишит бактериями. Мы никогда ее не пили, отдавая предпочтение виски, но как избежать опасности заражения, если купаешься в ванне, чистишь зубы или моешь руки! Будьте осторожны с водой! Академик Лекса налил себе стакан и рассказал, что однажды («двадцать пять тысяч лет назад, нет — тут уж я явно переборщил, — это случилось всего двадцать пять лет назад») он, возвращаясь с каких-то раскопок, после трехчасового пути по полуденной жарнице добрался до Нила; его дико мучила жажда. Прямо в башмаках и брюках — по местному обычаю — он забрел до середины реки, далеко от берега, и там напился.

— Говорят, кто хоть раз напился воды из Нила, тот обязательно вернется в Египет. Вот я и вернулся, — заключил он.

Что ж, никто не возражал бы побывать здесь еще разок.

На колоннах храма отметки разлива. Разливы определяли жизнь Египта. Они наступают регулярно и если опаздывают, то дни и часы решают судьбу народа. Как-то раз — случилось это в 1908 году — разлив Нила опоздал на несколько недель. Стране грозил неврожай и голод. И вот тогда в Египте произошло невероятное событие. В городе Амр ибн-эль-Аса образовалась немыслимая доселе конгрегация. Коптские монахи, еврейские раввины и исламские муллы собрались, чтобы вознести общую молитву. Они просили влаги. Кажется, эта солидарность различных служителей культа оправдала себя. Во всяком случае разлив Нила наступил, хотя и с опозданием.

Мы посетили египетскую деревню. Мимо библейской смоковницы, где сейчас отдыхали ослы, египтянки с кувшинами на голове совершают свой ежедневный путь, поднимаясь вверх, в деревню. В селении не видно ни души. Глиняные домики чистые, слепые и строгие. Только парикмахер собственноручно разрисовал фасад своего заведения. Да мечеть выкрашена белой известью и расписана синими пятнами. У домиков более зажиточных хозяев — ох, как относительна эта зажиточность! — фасад украшен вмазанными в глину над дверями и окнами тарелками. Обычные столовые тарелки фирмы «Эпиаг» из Чехословакии. Из тени домов показались мужчины, проявляя к нам явный интерес. Нас провели в тесное помещение с несколькими скамейками. Здесь радиоприемник и предвыборный плакат с портретом Насера.

Мы накупили детям в единственном здешнем магазине коробки с леденцами. Для деревенских ребятшек это было настоящим праздником. Старики стали относиться к нам с большим доверием. Они спросили, откуда мы. — Из Чехословакии. Об этой стране они слышали. Феллахи не умеют ни читать, ни писать. Иероглифы им тоже незнакомы. Они лишь трудятся усердно и молчаливо. Веселье молодости давно забыто. Говоря «недавно», или «прошлый раз», или «вчера», они, может быть, имеют в виду или наверняка могли бы иметь в виду «тысячу лет назад» или «три тысячи лет

назад», в равной степени как «в позапрошлом году» или «до войны». За это время их одежда не изменилась. Их труд по-прежнему тяжел. Та же система орошения полей и подача воды. И деревянный плуг. И лица их тоже не изменились. Лица феллахов в профиль такие же, как на барельефах в царских покоях и храмах. В стране с двадцатитрехмиллионным населением феллахов восемнадцать миллионов. Их жены и дочери стройны, как молодые деревца, у них красивая походка. Они тоже не изменились со времен древнеегипетских царей. Только теперь женщины получили избирательные права. Осознали свое человеческое достоинство. Но далеко еще не все. Благодаря простым феллахам египетская нация, менявшая язык и веру, развивается, сохраняя свой облик, характер и образ жизни. Когда мы уходили, выпив со старостой чаю, мужчины безмолвно махали нам вслед.

В этот вечер наш капитан вновь бросил якорь. Когда мы спросили, в чем дело, он заявил, что поднимается ветер и вскоре волны будут бить о борт судна. Пароходик может легко зачерпнуть воды, что тогда будем делать? Мы взглянули на реку, кроткую, как остывший суп, и тогда капитан произнес фразу, которая в переводе на чешский язык становится сакраментальной. «Есть Нил ленивый и Нил иной». Мы вошли в заливчик и переночевали здесь. Никакого волнения на реке, разумеется, не было.

После полудня мы снова увидели затопленный храм на острове Филэ и гранитный лабиринт островков возле Асуана. У порогов чешские характеры проявились в превосходном аппетите и непоседливости. Мы плыли по реке пять дней и уже потеряли покой. По пути мы приветствовали направляющиеся в Вади-Хальфу пароходы. На этих трех- и четырехпалубных пароходах люди не путешествуют — здесь разбивают настоящие лагеря с очагами и палатками. Они помахали нам цветными платками.

Каждую минуту мы лезли под душ, так как пот с нас лил градом, как в парной. К тому же нас одолели комары и мухи, и мы докрасна обгорели. Короче говоря, мы мечтали поскорей выбраться отсюда и были счастливы, когда сошли на берег в Асуане.

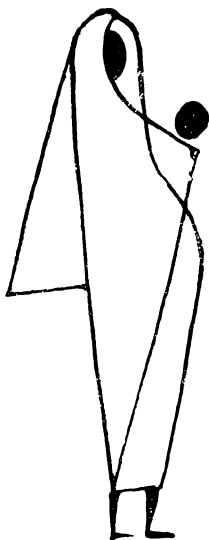
Египтолог доктор Збынек Жаба в тропическом шлеме

К нам на обед приехал инженер Собхи. И тут мы поняли всю разницу между нами, гостями и туристами, и инженером, для которого в этой адской каменной сковородке, где на камнях можно сварить яйцо, заключен смысл всей жизни. Именно здесь, у Асуана, Египет пробивается через гранитную скалу к независимости, в новое будущее. Здесь, где вообще не говорят, ибо слова высыхают на губах, где трудятся в поте лица в три смены. Шапку долой! В этом месте все гремит, словно фортиссимо оркестра, механические «бабы» — музыканты, а барабан — земля. При взгляде вниз на дно котлована начинает кружиться голова не только от высоты, но и от вида этого творения рук человеческих, схватки полуобнаженных людей с горой. Сейчас здесь пробуравливают гранитную громаду, строят четыре колоссальных туннеля для подачи воды к будущей гидростанции. Лязгают краны, скрипят землечерпалки, и грейферы судорожно царапают каменные стены. Огромная стена из плит растет, по грандиозности она не уступает плану строительства. Машины вывозят с горы раздробленный камень. Краны когтями поднимают многотонные блоки и уносят их к месту возведения дамбы будущей электростанции. На первый взгляд это бессмысленная работа. Здесь выкапывают, а сюда переносят. Но нет! Все делается по плану. Здесь ни для кого ничего не существует, кроме стройки. Строителей охватило честолюбие. В них пробудилось честолюбие созидателей, которое с каждым днем все больше и ошутимее превращается в честолюбие национальное. Впервые за тысячелетия египтяне сами осуществляют техническое сооружение — сами и для себя. И на стройке трудятся такие же люди, что воздвигали пирамиды. Феллахи, которые познают в труде свою силу.

Огромная река, ось страны, потечет так, как ей прикажет человек, неся не только воду, но и свет. Нил становится донором, дающим кровь египетской земле. Нил — это все.

Бросили якорь у почти безлюдной пристани

ЕГИПЕТ В РАЗРЕЗЕ

Наша делегация состояла почти сплошь из фотолюбителей, за исключением Ивана Фрича, высококвалифицированного профессионала из Управления Чехословацкой государственной кинематографии. Мы выстроились у пирамид, как артиллеристы, нацелив свои объективы на сорок столетий, довольно тупо взиравших на нас. Затворы фотоаппаратов весело защелкали. Если бы вместо такого щелканья раздавался пушечный выстрел, то по всему Египту несомненно гремела бы артиллерийская канонада. Стоит только фотолюбителю очутиться перед каким-нибудь самым избитым видом — и кончено дело: он теряет рассудок. Тем более, если солнце творит настоящие чудеса со светом и тенями.

— На сотку, диафрагма 12,7, и затени объектив шляпой.

— Не заслоняй мне пирамиду!

— Встань вон туда, пусть видят, какая пирамида огромная, а ты маленький.

Я перестал фотографировать уже со времени своей первой поездки в Америку в 1936 году, придя к выводу, что тот, кто фотографирует, — ничего не видит. Ему

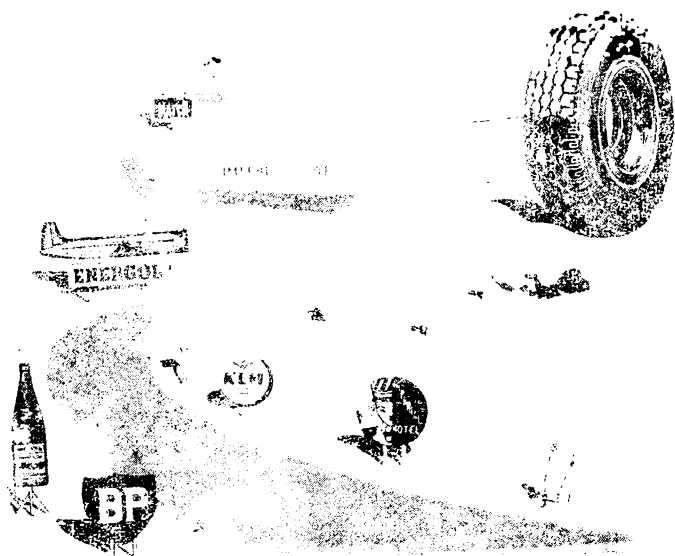

Кинооператор Иван Фрич

нужна не природа, а кадры. И смотрит он не глазами, а цейссовским объективом. Ему не к чему набираться впечатлений. Аппарат заменяет ему память. И, наконец, когда спустя несколько месяцев в результате сверхмедлительных фотосостязаний друг с другом проявят и отпечатают все снимки, на свет божий появятся кадры с пейзажами, предметами и людьми, которых ты никогда не видел, сам не знаешь, откуда они взялись и что собой представляют. У фотолюбителя нет времени что-либо осмотреть, ибо ему приходится взбираться, подобно козе, на ближайший скалистый утес, чтобы снять вид сверху, да еще чтобы при этом в левый угол кадра вошла вон та пальма. А если объект съемки движется? Тогда фотолюбитель мчится так, словно его преследуют. Но преследует фотолюбителя лишь его собственная идея. Когда же, наконец, поймано в кадр все, что нужно, оказывается, что стоишь против солнца!

Для съемок необходимо время. В Египет следует приезжать или познавать его, или фотографировать. Одно исключает другое.

Некоторые вещи в Египте вообще невозможно снять, а другие, весьма броские фотогеничные объекты не имеют ничего общего с Египтом. Но хуже всего, когда в одной делегации оказываются и любители, и профессионалы. Профессионал необычайно упрям, и ему по душе лишь то, что хорошо получится на снимке. Если однажды в жизни и, возможно, в первый и последний раз вы случайно очутитесь перед памятником вечности в полдень, то сердцу профессионала он ровным счетом ничего не скажет, поскольку только до полудня этот памятник получился бы на снимке объемным, а сейчас он плоский, как бумага. Профессионал торопится, боясь, что у него перед самым носом зайдет солнце, или, напротив, готов сколько угодно ожидать заката. Поэтому он постоянно не согласен с планами остальных. Любитель... о, любитель щелкает повсюду, ему нипочем запреты, ограничения, его даже не волнует, светло сейчас или темно. По его мнению, всегда стоит попробовать, его честь не ставится на карту. Все необходимое у него всегда с собой. Профессионал, наоборот, вечно все взвешивает, что и приводит его частенько к ошибкам. Стоит ему очутиться там, где природа играет все-

Вот какова пустыня!

ми цветами радуги, оказывается, что он как назло не взял цветной пленки. Всякий раз, когда делегация случайно наталкивается на какие-либо драматические события, можно биться об заклад, что профессионал именно сегодня оставил дома кинокамеру и прихватил с собой только зеркалку.

Писателю в этом отношении намного легче. Он опишет все, что видел, а остальное домыслит сам. Читатель требует от него лишь правдоподобия и увлекательности. Хуже приходится писателю, когда он сталкивается с такой красочной действительностью, что не в силах описать ее, ибо чем точнее он преподносит материал, тем менее правдоподобным становится повествование. Тогда, пожалуй, литературное описание уместно дополнить рисунком. Рисунку верят больше, чем фотографии, ибо рисунок — это скорее взгляд на вещь, чем ее копия. В нем есть нечто от действительности и нечто от самого писателя и его стиля. Таким образом, рисунок более достоверен, чем фотография, поскольку

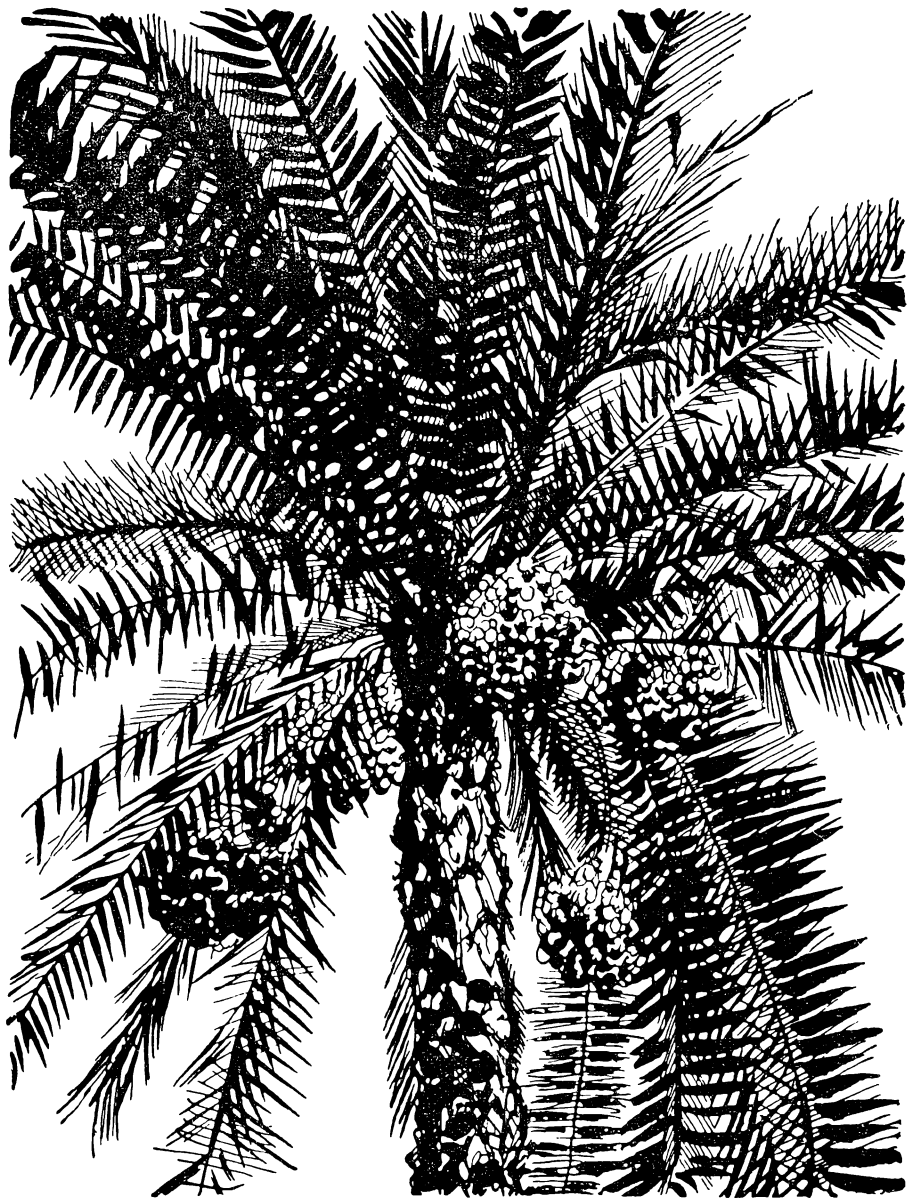
читатель получает информацию о событии как бы с двух сторон — от писателя и от иллюстратора.

Кто пишет о Египте, тот рискует заблудиться в веках или безвозвратно завязнуть в египтологии. Поэтому время от времени следует выбираться из храмов богов и царей, из гробниц фараонов и священных быков, чтобы полюбоваться на витрину шляпного магазина, афишу кинотеатра или на регулировщика.

Иногда египетская природа, увлекаясь контрастами, играет с туристами, точно кошка с мышкой. Шоссе из Каира в Александрию идет через пустыню. Почти тридцатикилометровая черная лента среди унылых песков. Точно едешь через «ничто». Лишь изредка встретишь грузовую машину и никогда не увидишь велосипедиста. По краю песчаных дюн бредут караваны верблюдов. Иногда возле шоссе маленькое верблюжье стадо делает вид, что пасется. Здесь ничего не растет, и поведение верблюдов абсолютно абсурдно. Гораздо более убедительно выглядят, побелевшие от солнца скелеты животных, валяющиеся вдоль шоссе. Они лишней раз напоминают человеку, что с пустыней шутки плохи.

Различные предприниматели и агентства, как местные, так и иноземные, быстро сообразили, что пустыня таит в себе богатые возможности для рекламы. Они расставили вдоль шоссе колоссальные стенды с изображением всяческих яств, фруктовых соков, садов многочисленных отелей, а также огромные автомобильные шины. А некоторые туристские компании сочли уместным посоветовать водителю, вихрем пролетающему на стодвадцатикилометровой скорости, сегодня же не теряя времени заказать билет на самолет в Норвегию. Нигде реклама не притягивает человека так, как в пустыне. Почти с нетерпением ожидаешь каждый следующий щит и через две поездки уже знаешь наизусть названия всех зубных паст, компотов и шин, а тем более экзотические привлекающие сердце туриста наименования отелей. А что говорить, если в постылом «ничто» засияет красный холодильник с бутылкой кока-кола и за пару монет вы сможете выпить охлажденный напиток. Компания по продаже кока-кола тратит на рекламу почти девяносто пять процентов стоимости каждой бутылки.

Пальма как она есть и как я ее нарисовал

А в действительности пальма такова,

В пустыне никто не устоит перед подобным искушением. Ни автомобилист, ни погонщик мула.

Не знаю, можно ли считать пустыню природой, но если это природа, то реклама ее нисколько не портит. Для рекламы здесь вполне хватает места, да собственно, кроме нее, здесь ничего нет, ибо львы, фата-моргана и дикие разбойники давным-давно переселились в приключенческие романы. В Италии или Франции, там, конечно, все-таки, вероятно, при определенных условиях... хотя, впрочем, это зависит от вашего отношения к современной цивилизации. Вспоминаю, что как-то в дни пражской спартакиады я и покойный Фернан Леже, известный французский художник, ехали через полабские земли, поля и леса. Фернан Леже все с большим интересом выглядывал из машины и наконец сказал: «*Mais c'est incroyable! Voilà un paysage sans publicité!*» *.

Обратили ли вы внимание на то, что в Чехословакии исчезли из жизни целые категории понятий — крикливые рекламы, брачные объявления, коммерческие рекламные сообщения по радио и в кино, теннисные башмаки, на всю газетную полосу автомашины и цветные мыльные хлопья, занимающие полполосы? Облик социалистического государства изменился и внешне, и внутренне.

Но египетскому дорожному управлению я непременно порекомендовал бы сохранить рекламу в пустыне. Это частица ее характера.

Впрочем, совсем не обязательно пустыне оставаться пустыней. Планы превращения пустыни в море — это не новость. Еще Жюль Верн в романе «Затопленная Сахара» упоминает о «великолепном плане штабс-капитана Роже» — проекте «внутриземного моря».

Египетское правительство, связывающее будущее страны со строительством новой высотной Асуанской плотины, уже превратило небольшую часть пустыни, правда, не в море, а в плодородные земли. На этом месте, после революции 1952 года было решено создать новую провинцию Ат-Тахрир («Освобождение»).

---

* Трудно поверить! Перед нами пейзаж без всякой рекламы! (фр.).

Деревни с голубятнями на Ниле

Почвоведы, агрономы и геологи установили, что почвы этого района пустыни незасолены, и их можно превратить в плодородные. Постепенно — по тридцать федданов * в день — механизированная армия рабочих изменяет облик этой части пустыни. Сеть каналов и пятнадцать буровых колодцев, проникающих глубоко, в самое сердце земли, превращают мертвую землю в живую.

Вдоль каналов протянулись полоски тамарисковых рощ. Поля с нежностью молодых матерей, гордящихся своими первенцами, выставляют напоказ дыни, тыквы, кабачки, баклажаны, стручки бобов, клубнику, манго. Цветы вокруг пасек и огороды вокруг деревень. В деревнях — коровы, овцы, куры, кролики.

Здесь есть больницы, школы, мечети. В ветеринарной лечебнице мы видели быка с воспалением среднего уха и шесть телят, заболевших крупом.

---

* Феддан — 0,42 гектара.

Египтяне и иностранцы приезжают подивиться на все это, точно на библейское чудо. Только в 1956 году здесь побывали 170 тысяч египтян и 10 тысяч иностранцев. Сулейман Абд ар-Рахман Сулейман, молодой восторженный чиновник отдела пропаганды, сопровождал нас от чуда к чуду. Но самое интересное — это люди, преобразующие природу. Им большей частью от 23 до 30 лет. У каждого за плечами служба в армии. Но здесь не может поселиться кто попало, кому это просто взбрело в голову. Каждый новый переселенец тщательно проверяется в отделе кадров. Прежде чем ему будет позволено трудиться в этом пекле изо дня в день от зари до зари в жестокой схватке с горами песка, он должен рассказать о своем социальном происхождении, образовании и пройти тщательный медицинский осмотр. В жизни этих пионеров немало мрачных и тяжелых дней, немало горестей, следы которых заметны и сейчас. Этим людям еще не хватает образования, культуры, но они энергичны и решительны. Сила воли и сила мускулов. Сила человека, умножающая лошадиные силы машин.

Возможно, через несколько лет пустыня превратится в цветущий искусственный оазис, подобно Файюму, городу садов, краю роз и винограда. Ведь говорят, что и Файюмский оазис некогда был просто грязным болотом.

Цари XII династии пустили нильские воды через трехсоткилометровый Канал Иосифа на поля, соорудив нынешний Биркет Карун — гигантское водохранилище, вверенное защите бога Собка. У этого бога, покровителя храмов города Крокодилополис, голова крокодила, прикрытая черным пышным париком, и огромная корона со змеями и солнцем. Его придворные крокодилы, обитавшие в озере при храме, питались исключительно жертвоприношениями. Этих животных украшали золотыми ожерельями, браслетами, кольцами, которые изготовлялись на деньги верующих. Вероятно, забавно было смотреть, когда вот такой толстокожий крокодил, увешанный безделушками, покрытый илом, вылезал из воды погреться на солнышке на лестнице храма, а потом лениво открывал зубастую пасть и заглатывал одним махом целого поросенка. В те времена из озера подни-

мались две мощные пирамиды, которые еще Геродот видел во всей их красе и прелести. Они служили треном двум колоссам, взирающим на богатства земли. И по сей день в деревеньке Биахму показывают туристам груды камней, оставшиеся от пирамид.

Когда пресыщенный археологическими раскопками иностранец присядет в ароматной тени эвкалиптовых аллей или скудной тени тамарисков, он невольно начинает сравнивать судьбы памятников славного прошлого. Памятники богам и щеславным царям в течение столетий постепенно засыпались песком пустыни — милосердная смерть на западном берегу Нила. И где-то в Копане или Чиченитце на Юкатане* плотоядные джунгли шаг за шагом овладевали другими руинами. Лес наступал, прорастая сквозь дворцы, могилы и лабиринты. А здесь, в Файюме, дыни, оливы, гранаты, апельсины, лимоны, миндаль, виноград, финики, кокосовые пальмы, как гигантский натюрморт, украшают каменные стены, колонны и надгробья. Сочные и ароматные фрукты словно овладели тайной лабиринта царицы Арсиной, сестры и супруги Птолемея Филадельфа. Как будто хлопок, хлеба, рис, тростник и кукуруза волнами своих колосьев старались прикрыть наготу мрамора. Да, отдыхающий путник, пресыщенный раскопками, ощущает удовлетворение от того, что эти щедрые земные дары поглотили убожество царской славы.

С рябоватого от ветра и изобилия рыбы озера поднимаются тучи водоплавающих птиц, их подхватывает резвый ветер, причесавший пальмам синие «конские хвосты». По полям прохаживаются бригады ибисов и собирают жуков-листоедов. Эти птицы живут только организованными коллективами. Кроме того, здесь, в деревнях, полно голубей. Фрески на могилах и барельефы храмов рассказывают о белых и сизых голубях и горлицах, перепелках и дроздах, приносимых в жертву богам и служивших отменным угощением на пирах. Население Египта с незапамятных времен разводит голубей для еды, хотя все путешественники — от Геродота и Страбона до Ганса Тухера из Нюрнберга (1479 г.),

---

* Полуостров в Мексике.

его превосходительства посла французского короля, мосье Д'Арамонта (1549 г.), арабского поэта XV века Макризи и доминиканца П. Жана Мишеля Ванслеба (XVII в.) — сходятся на том, что люди разводят голубей лишь в силу своей сентиментальности. Голубь, голубок, голубка — символы семейного счастья.

Неутомимые веселые деревенские жители сооружают голубятни самой невероятной архитектуры. Я полагал, что в замке Тальси на Луаре мне довелось увидеть крупнейшую голубятню мира, но, осмотрев дворцы и замки, построенные для египетских голубей, я был поражен и буквально онемел. А говорят, что раньше, во времена фараонов, голубятни были поистине колоссальных размеров.

Сейчас на крышах домов торчат башнеобразные домики, точно вынутые из формы кулича, перевернутые цветочные горшки или пузатые вазочки, поставленные одна на другую. Если смотреть против солнца, то организованное нагромождение этих построек образует некий силуэт нью-йоркской панорамы или сказочный стобашенный замок готической, а порой африканской архитектуры. Голубятни — самые благоустроенные постройки в глиняных египетских деревнях.

Здесь, в Файюме, министр двора султана аль-Кемала и эмир Файюмской провинции Фахр эд-Дин Охман завели ежедневное голубиное почтовое сообщение с каирским дворцом султана. Голубь с пластинкой на горле или с запиской на ножке стал прообразом авиапочты. Пожалуй, можно утверждать, что родина почтовых голубей — Египет.

После прогулки по Файюмскому оазису, осмотра пирамиды в Хавара, поднимающейся из моря осколков сосудов, пепельниц и горшков, посещения современного детского дома, от которого так и веет тоскливой благотворительностью, после того как мы напились тепловатой минеральной воды в Силиджинских Варах * в лесу осыпавшихся опунций и столетних магнолий, — голова у нас была настолько забита впечатлениями, что мы, профессиональные писатели, почувствовали непреодоли-

---

* Намек на Карловы Вары, известный бальнеологический курорт в Чехословакии.

мую потребность записать увиденное. Мы просто должны были с кем-то поделиться, ибо в библиотеке мозга все это совершенно не укладывалось. Не забуду, как сразу потухли глаза Путика, когда он изрек: «Ручка моя испортилась, карандаш я потерял, что ж, я мертвый человек. Мне здесь больше нечего делать».

В Египте не всюду такое плодородие, и египетскому крестьянину приходится изрядно потрудиться, прежде чем он снимет три урожая в год. Работать буквально голыми руками. Деревянной сохой, примитивной киркой. Египетские крестьяне — феллахи — составляют большинство населения Египта. Их средний заработок колеблется от 2 до 6 фунтов в месяц. Это мало. Очень мало. Меньше, чем можно себе представить. А ведь на эту сумму живут огромные семьи. Правда, они могут прокормиться с трудом, влача жалкое, нищенское существование. Заработок остальных четырех-шести миллионов египтян — 39 фунтов в месяц. Рабочему в этом отношении лучше, нежели крестьянину. Он может заработать 35, 50 и даже 70 пиастров в день. А в одном фунте 100 пиастров. Говорят, министр получает 250 фунтов в месяц. Крупные чиновники — от 35 до 75 фунтов. В то же время богатые египтяне — правда, их не так уж много — имеют по 100 тысяч фунтов ежемесячно.

Мы побывали в Египте на многих промышленных предприятиях. В стране медленно, но неуклонно растет рабочий класс. До национализации в промышленности преобладал иностранный капитал, но уже перед национализацией «Мисрбанк» вытеснял иностранных акционеров. Машины здесь новейшей конструкции. Швейцарские, шведские, американские, чехословацкие. Рабочие помещения сияют ослепительной чистотой. В цехах с отраженным светом и искусственным климатом у монотонно гудящих ткацких станков почти не увидишь женщин. Их можно пересчитать по пальцам.

Нам очень полюбились улыбающиеся египтяне. В день референдума о конституции и выборов президента республики мы, желая удовлетворить свое любопытство, попросили машину. Самоотверженный служащий из местной цензуры, улыбающийся, неутомимый человек, вызвался нас сопровождать. Он не предлагал нам определенного маршрута. Просто мы ехали туда, куда тыка-

ли пальцем на карте. Мы посетили с десятков избирательных пунктов в центре города, в квартале вилл, в самом бедном предместье, в рабочем районе — и всюду встречали плотные ряды избирателей, толпящихся перед помещениями для голосования. Все они радовались, как дети, выполняя свой гражданский долг. Многие из них помнили еще феодальные времена. Избирательные пункты — и в этом чувствовался какой-то оттенок административного юмора — помещались не только в школах, но и в полицейских комиссариатах и даже в управлении тюрем.

Имелось два бюллетеня. На одном была изображена открытая книга конституции, на другом рядом с именем кандидата в президенты — Насера — его фотография. Неграмотные голосовали ставя черный или красный кружок на бюллетене. Неопытность избирателей, естественно, затягивала работу избирательной комиссии. Была здесь и знакомая нам ширма, и соответствующая суматоха, — но суматоха праздничная, царящая обычно на избирательных пунктах.

Конституция была одобрена большинством — за нее было отдано 99 процентов голосов. Первым президентом Египетской республики был избран Гамаль Абдель Насер.

Экономическое положение Египта отнюдь не блестяще. Потребности пробужденной к жизни страны превышают то, что может дать местное производство. И даже плодороднейшая почва Египта в настоящее время не в состоянии накормить двадцать три миллиона человек. Хотя продукты сельского хозяйства здесь, казалось бы, дешевы, но труд еще дешевле и не дает миллионам феллахов средств на покупку самого необходимого. Прежде всего должен возрасти национальный доход или его следует иначе распределять. Но правительство Египта еще не столь революционно в своих начинаниях. Все это не так-то просто, говорили мы себе, проходя по улицам, где импортированная роскошь чередовалась с местной нищетой. Нам легко говорить: у нас, в Чехословакии, успехи и связанные с ними трудности запланированы на несколько лет вперед, и нам не приходится сталкиваться с непредвиденным участием предприимчивой национальной буржуазии, не го-

зоря уже о рассчитанном вмешательстве международного капитала. А в Египте уже свыше двух лет довольно сложное положение, и нам, прожившим здесь ровно столько времени, чтобы увидеть лишь те внутренние противоречия, которые прорываются на поверхность, это положение, разумеется, казалось еще более сложным.

* * *

*

20 июня 1956 года мы видели парад вооруженных сил ряда арабских стран. Это была демонстрация боееспособности. Точнее — роста боееспособности.

Хотя мы встали очень рано, но весь город уже был на ногах. Улицы кишмя кишели одетыми в белое людьми. Стояло погожее утро. На большой площади под огромным тентом гудела гостевая трибуна. Окна и крыши были усыпаны зрителями. Белые деревянные башни для фотографов и кинооператоров угрожающе наклонялись и качались уже за час до начала парада. На площади в положении «смирно» застыли египетские воинские части.

Улицы были наглухо перекрыты полицейскими кордонами, и все же сотни людей стекались к площади со всех сторон. За отгороженные и нумерованные места велись темпераментные схватки. Полицейские и офицеры приводили своих жен и детей, выстраивая их по некоему, индивидуально понимаемому сверхплану в проходах, так что через некоторое время на трибуне нельзя было и шевельнуться. Сгустившийся под тентом тяжелый воздух низвергался на зрителей. Он весил центнеры. Рядом, слева от нас восседали высокопоставленные особы в колоритных национальных костюмах, в мундирах и в белой тропической одежде. С их лиц градом катил пот.

Парад запаздывал. Но это никого не огорчало, даже наоборот. В конце концов в толпе нашли место и последние опоздавшие. Куда ни глянь — всюду примостились каирские мальчишки. Полицейские с отсутствующим выражением на лицах вытянулись в струнку. Оркестр грянул гимн, и показалась головная колонна.

Мне довелось видеть в жизни немало военных парадов. Но этот был совершенно особенный, захватываю-

щий, на каждом шагу зрителя могло ожидать непредвиденное. Между тем солнце нагрело асфальт. Он плавился, источая запах, который был сильнее аромата, исходящего от надушенных зрителей.

За знаменосцами шагали взводы, представляющие все государства Арабской лиги. Это была тоже демонстрация. Демонстрация арабского единства. Иордания, Судан, Сирия, Саудовская Аравия, Ливан, Ливия, Йемен. Некоторые выставили напоказ всю свою военную красу — это суданцы. У других мягкие движения и решительное, боевое выражение — Йемен. Тюрбаны, платки, фески, кокарды, перья, береты. Добродушную улыбку вызывают ливанцы, марширующие в белых спортивных костюмах с лыжами за плечами. А ртуть в термометре уже поднялась выше температуры человеческого тела.

Город охвачен лихорадкой. Раскаленная улица прилипает к подошвам марширующих. Вот по площади прошла военная академия Египта. В ее рядах представители всех арабских стран. Египет обучает их офицеров. Затем двинулась пехота. Быстро пробежали парашютисты. Появилась национальная гвардия во главе с десантниками. Мотоциклисты, моторизованная полиция, танки. Когда на площадь выехали орудия, шум, суматоха и выкрики достигли такой силы, что молчать уже никто не мог. Все оглушительно кричали, энергично размахивая руками. Среди тех, кто стоял на площади прямо под солнцем, вероятно, часов с пяти утра, некоторые падали без чувств. Растопившийся асфальт прилепился к гусеницам танков, и главная улица превратилась в перепаханное поле. Танки, нарушая построение, стремительно проносились по площади. Эскадрилья за эскадрилей прогрохотали над нами. Со звуком щелкнувшего бича пронеслись реактивные истребители. Но вот прошел последний боец, и парад закончился.

Когда мы под полуденным зном плелись в гостиницу, вместе с нами шли толпы людей. После колоссального напряжения у всех развязались языки, все трещали и болтали разом. Это было похоже на рынок, биржу, школьную перемену, прямо на улицах города. Египтяне гордились своей новой революционной армией, но

в этом не было ничего агрессивного. Просто они радовались, как дети. А мы тем временем размышляли об увиденном. Мы воочию убедились в солидарности арабских народов. От Атлантики до Индийского океана. Марокко, Алжир, Тунис разъединить нельзя — их объединяют язык и вера. Их отличает уровень развития и по-разному решаемые проблемы национальной независимости. Но глубоко под слоем влияний, вопреки искушениям и опасениям все больше разгораются искры ненависти к империалистическим колонизаторам. Такой внутренний огонь превращается и кое-где уже превратился в пожар небывалой силы.

Над взволнованной гудящей толпой неслись оглушительные звуки радио. Кругом репродукторы пражской фирмы «Тесла». Египетское радио ежедневно, с шести утра до часу ночи транслирует на 17 языках. Видимо, в этот момент все репродукторы оглушительно гремели сразу на всех языках. На абиссинском, арабском, малайском, индонезийском, урду, английском, турецком, португальском и т. д. Никто ничего не слушал. А если и слушал, то все равно ничего не понимал. Но репродукторы на празднике народа не должны молчать.

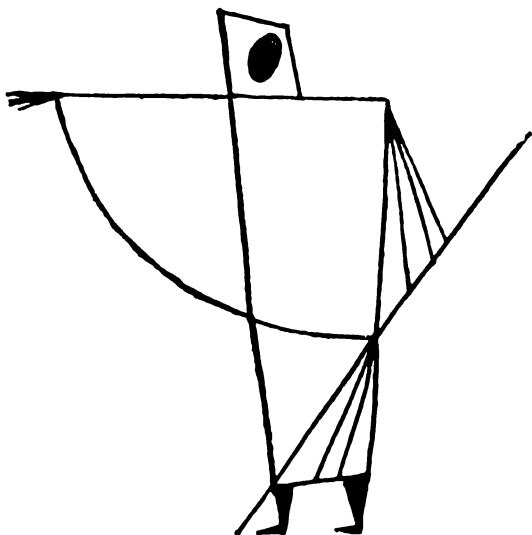
К вечеру улица затанцевала. Оркестры сначала играли, потом выли, потом сипели и наконец охрипли. С балконов сыпался дождь конфетти и серпантина. На лестнице нашей гостиницы примостились усталые египетские кинооператоры, томимые жаждой и выжатые как лимоны. Среди суматохи и веселых проделок толпы мы пили холодное египетское пиво и беседовали о вещах, абсолютно неактуальных. Сквозь просветы домов виднелось вечно ясное, усыпанное звездами небо, склонившееся над землей, где никогда не бывает дождей, и мы спросили наших друзей-операторов, как они снимают бури?

Впоследствии мы узнали, что один из них погиб во время съемок военной бури. При нападении англо-франко-израильских отрядов на район Суэцкого канала.

Несколько месяцев спустя после великолепного парада военные действия колонизаторов потерпели полный крах. Они натолкнулись на огромное препятствие. На стремление человечества к миру.

СУЭЦ

Действие первое

Стояли снежные рождественские праздники. Двадцатые годы были на исходе. Энергичная хозяйка винного погребка «Эст-эст-эст» на Малтезской площади посыпала золой садовую дорожку.

В погребке было жарко. За столиками сидели одни мужчины. В сочельник обычно дома не готовят, и заботливые мамы украшают детям елку. В такое время мужчины предпочитают посидеть за стаканом вина и, пребывая в общительном настроении, любят обстоятельно потолковать о животрепещущих событиях прошлого века.

За одним столом расположились представители старшего поколения мастеров искусства с Малой Страны* во главе с Цельдой Клоучеком. За другим, более шумным столом сидела юная гвардия художников, скульпторов, архитекторов и поэтов, отнюдь не собиравшихся поститься.

Хозяин и сам не знал, радоваться их приходу или нет. Конечно, для его заведения это была прекрасная реклама — заманчиво прослыть владельцем погребка

* Мала Страна — один из районов Праги.

малоостранских художников, но с другой стороны, с ними одно горе. В прошлом году, например, они устроили рождественскую елку на столе и прожгли скатерть. А в позапрошлом наносили ведерком снегу и принялись обстреливать снежками постоянных клиентов — у тех, видите ли, реакционные взгляды на искусство. И вдобавок облепили свечками старый «шевроле», принадлежавший одному молодцу из их компании, зажгли свечи, вытащили приятеля из-за стола, посадили в машину, а он — ведь вот какой деликатный человек — даже не рассердился. Так со свечками и доехали на своей гарахтелке до Карлова моста, там уж свечи погасли. — Странные люди! Но счет у них солидный, платят они сообща, а деньги между собой собирают. Только бы не гадали так.

Из года в год в полдень сюда заходил старый, очень старый человек в длинном пальто-реглан. У него изборожденное морщинами лицо с беззубым ртом и такие руки, что по ним, как по срезу старого дерева, можно сосчитать прожитые в тяжком труде годы. Он переходил от столика к столику, и всюду его встречали приветливо и радушно. Шумные компании тотчас же затихали, и старик, развязав розовый платок, угощал каждого кусочком витого рождественского хлеба. В этом было что-то напоминающее библейские сказания или сказку о чудесном старичке с Малой Страны. И когда брошенное кем-то вскользь слово пробуждало его воспоминания, он принимался за свой рассказ.

А рассказывал старик всегда одно и то же — о том, как он с Фердинандом Лессепсом строил Суэцкий канал. Видимо, это было самое волнующее событие в его жизни, и поэтому ему казалось вполне уместным всегда и повсюду рассказывать о нем. Имя этого человека я то ли забыл, то ли вообще не знал. Но мне не забыть гордого блеска старческих глаз, когда он рассказывал нам, зеленым юнцам, еще только вступавшим в жизнь, какое это было грандиозное строительство — и он был его участником.

Несколько лет спустя я попал в Порт-Саид и собственными глазами увидел Суэцкий канал. Тонкая лента голубоватой воды застыла неподвижно — я бы сказал, покоилась в белой, выцветшей равнине, скудной,

сыпучей и сухой. А вокруг разбросала свои железные аксессуары цивилизация. Паутина проводов, дорожные знаки, рекламные стенды и семафоры. Так вот он, Суэцкий канал! На первый взгляд ничего особенного!

Около 161 километра в длину, не более 120 метров в ширину (только в одном месте 150 метров). Наибольшая осадка судов 10 метров, поскольку глубина самого канала всего лишь 12—13 метров. Но, несмотря на это, по каналу проходят громадные океанские пароходы и военные крейсера. Ганзелке и Зикмунду удалось запечатлеть на пленке даже британскую авиаматку. Она возвышается, точно пузатый небоскреб, над плоской белой равниной. Кажется, ее борта, как своды, нависают над гранитными берегами.

Просто диву даешься, насколько узок Суэцкий канал! Куда ему до Влтавы! И абсолютно никакой пышности! Никаких пилонов, колоннад или стопудовых статур из гранита — вот египетские фараоны, те строили иначе! И только на западном волнорезе в Порт-Саиде, на прекрасном пьедестале возвышалась семиметровая фигура из бронзы, увенчанная лавровым венком. Старомодная фигура во фраке с перекинутым через плечо пальто. Памятник Фердинанду Лессепсу.

На пьедестале памятника торжественная надпись: *Arretere terram ventibus* (Открыть землю человечеству). Таким громким и красивым словам охотно верят. А те, кто их произносит, часто начинают в них верить сами.

Фердинанд Лессепс был дипломатом. Ему еще не исполнилось и тридцати лет, когда французское правительство направило его в Каир. Там он познакомился с юным офицером Вагхорном, одержимым идеей соединить моря Европы и Азии, прорыв канал через Суэцкий перешеек. Вагхорн принадлежал к числу идеалистов и восторженных мечтателей. Он разбудил в душе Лессепса честолюбие и страсть к авантюрам.

Лессепс, очевидно, был искренним поборником развивавшегося французского капитализма, но умел ли он заглянуть в будущее? Мог ли он предполагать, что задуманное им, смелое и, несомненно, рискованное предприятие — канал — превратят в одну из баз мирового империализма? Сделают очагом пожара на Среднем Востоке?

А если Лессепс даже и понимал сущность империализма, то все же имел в виду только интересы империализма французского. Он мечтал о славе Франции и горько переживал, когда впоследствии господствующее положение во Всемирной компании Суэцкого канала занял английский капитал. Лессепс так и не понял, что у империализма нет иной родины и иного родного языка, кроме золота.

Лессепс недолюбливал англичан, но и англичанам проект канала пришелся не по вкусу, ибо они опасались, что Франция укрепит свои позиции в Египте и слишком приблизится к британским владениям в Азии. И хотя переговоры о Суэцком канале велись в период Крымской войны, в период англо-франко-турецкой коалиции против России, однако правительство Пальмерстона чинило всяческие препятствия Лессепсу. Англичанам был нужен Суэцкий канал, но только для себя. Они прекрасно понимали, что хотя это предприятие и рискованное, но исключительно прибыльное, если удастся его осуществить, не говоря уже о стратегическом значении канала. Но как быть, если проект французский! Это упрямое соперничество еще больше подгоняло Лессепса. Когда Лессепс получил, наконец, концессию на строительство канала, англичанам удалось добиться от султана Османской империи заявления, где говорилось, что египетский вице-король не имел права предоставлять такую концессию французскому капиталу. Но Лессепс не пал духом. Он слишком хорошо знал египетские нравы. В ту пору он уже занимал пост французского генерального консула в Александрии.

Несомненно, Лессепс обладал решительностью биржевого игрока, за что и поплатился жестоко на склоне лет. В Суэце он реализовал свой замысел, завоевал славу и пост председателя Административного совета. Но в другой раз, в 1879 году, добиваясь осуществления проекта Панамского канала, Лессепс оказался замешанным в грандиозном скандале, известном под названием «Панама». Банкротство Всеобщей компании по строительству межокеанского канала разорило более полу-миллиона мелких французских акционеров, и Фердинанд Лессепс был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Однако при пересмотре дела его оправда-

ли, и спустя год он спокойно скончался в благочестивом уединении.

План Лессепса нельзя назвать новым. Идею соединения Средиземного моря посредством восточного рукава нильской дельты с Красным морем еще в 1970 г. до нашей эры выдвигал Сенусерт, царь XII династии времен Среднего царства. Я не знаю, почему эта идея не была осуществлена. И только в поздний период древнеегипетской истории царь Нехо I (610—595 годы до нашей эры) — властитель Сирии и Иудеи — принялся за строительство нильско-красноморского канала. Геродот, чьи сведения нередко весьма приближены, утверждает, что это строительство стоило жизни ста двадцати тысячам рабочих.

Разумеется, в царские планы немедленно вмешалось египетское духовенство, и верховный жрец предсказал, что канал будет служить не интересам страны, а пойдет на пользу варварам. Варварами тогда называли персов. Сто лет спустя на Египет действительно напали персы, и строительство канала продолжал уже персидский царь Дарий II. Наконец канал, по которому одновременно могли проплыть две трехвесельные лодки, был закончен. Птолеми (Лагиды) еще больше благоустроили канал, но на рубеже нашей эры его засыпали пески, и им перестали пользоваться. Позже римский император Троян вновь очистил канал. Когда в 640 году Амр ибн-эль-Асом одержал победу над Египтом и захватил нильскую крепость Вавилон, этот прозорливый араб верно оценил преимущество судоходного пути из Египта в Аравию и приказал опять расчистить старый канал. Но в 767 году этот канал был вновь — теперь уже намеренно — засыпан по приказу халифа Мансура якобы для спасения священной Мекки от возможного нападения неверных. В действительности же халиф испытывал жестокую зависть при мысли о том, что Египет, пользуясь своим морским каналом, нанесет ущерб торговле Дамаска — резиденции халифата и центра европейской торговли с Востоком.

На этом обрывается биография первого канала. Века засыпали всякое воспоминание о нем.

На заре развития капитализма, когда заокеанская торговля и хищнические морские походы в далекие края

за золотом и пряностями проложили вдоль материков новые пути для гордых парусников, некий венецианец вновь выдвинул план прорытия Суэцкого перешейка. Но совет дожей не одобрил плана. Немецкий философ и математик член Французской академии наук Готфрид Вильгельм Лейбниц еще в XVII веке перечислил королю-солнцу, Людовику XIV, все преимущества, которые даст прорытие Суэцкого перешейка, но и его предложение пропустили мимо ушей. Монтескье и Вольтер в таком канале видели путь к мировой общности народов. Сен-Симон считал, что Суэцкий канал внесет серьезный вклад в дело «преобразования человеческого общества», и писал о нем как о чем-то предрешенном, хотя в те времена это было лишь мечтой.

Франция стремилась захватить выход из Средиземного моря через Суэцкий перешеек и тем самым обеспечить себе господство в Индийском океане. Когда в 1798 году Наполеон Бонапарт в результате битвы у пирамид временно захватил Египет, ему пришло в голову осуществить давно задуманный план. Он дал приказ своему личному инженеру Леперу приступить к обмерам перешейка. Лепер действительно обмерил весь Суэцкий перешеек — и допустил ошибку. Арифметическую ошибку. Он ошибся почти на девять метров. По его расчетам получилось, что уровень Красного моря на десять метров выше Средиземного. Не подозревая об этой ошибке, Наполеон отказался от своего плана. Морское сражение с англичанами у Александрии, стоившее Франции средиземноморского флота, закончило бесславную африканскую кампанию молодой французской республики. Но даже на острове Святой Елены сосланный император еще раз возвращался к проекту канала.

Первым, что попало в руки Лессепсу по прибытии в Египет, были записи Лепера. Их, по-видимому, привез Вагхорн. Впрочем, ошибка Лепера была исправлена еще до того, как Фердинанд Лессепс превратил свой грандиозный проект в конкретный план.

В 1854 году Фердинанд Лессепс впервые посетил египетского вице-короля Саид-пашу и представил ему тщательно продуманный проект. Французский дипломат с трудом сдерживал свое волнение — ведь к этому

моменту он готовился в течение двадцати лет. Вице-король не сразу принял решение. Два года он размышлял над тем, какие выгоды принесет ему строительство канала. Наконец, 5 января 1856 года Саид-паша подписал документ о передаче Фердинанду Лессепсу концессии на строительство канала и использование его для иностранных судов сроком на девяносто девять лет. Прошло еще три года, прежде чем Лессепс достал необходимые средства. И лишь в 1858 году он создал Всемирную компанию Суэцкого канала с основным капиталом восемь миллионов фунтов. 22 апреля 1859 года на Суэцком перешейке приступили к первым земляным работам.

И тут обнаружилось, что вице-король понял то, до чего не додумался Лессепс. Саид-паша сообразил, что, разрешив иностранцам постройку канала для прохода их судов через египетскую территорию, он совершил измену. А за измену должны платить. Используя свое положение и не скупясь на взятки, он добился разрешения каждые три месяца поставлять на строительство двадцать пять тысяч рабочих, которым компания платила жалкие гроши, а то и вовсе не платила. Это был буквально каторжный труд. За кусок хлеба и глоток воды. Зато в кассу вице-короля текли проценты с прибыли, получаемой за доставку воды на верблюдах в пески и пустоши среди соляных озер перешейка, пока, наконец, не подвели пресную воду к бурно растущей Исмаилии.

Строительство канала в суровых природных условиях, среди зноя и песка, уносило сотни жизней и сотни тысяч фунтов.

Сколько жизней оно стоило? Двадцать тысяч, тридцать, сто двадцать или несколько сот тысяч?

Советский историк И. А. Дементьев в качестве официальных данных о количестве смертных случаев на строительстве канала приводит цифру двадцать тысяч.

Польский журналист Мариан Брандыс утверждает, что, согласно официальным источникам, на строительстве погибло тридцать тысяч рабочих.

Президент Гамаль Абдель Насер в своем выступлении после национализации канала сказал, что при прокладке канала погибло сто двадцать тысяч рабочих.

Американский еженедельник «Тайм» пренебрежительно утверждал, что их было лишь несколько сотен.

Дело не в этом. Что говорить о количестве, когда дорога каждая человеческая жизнь.

Во сколько обошлось строительство канала? В общей сложности оно стоило свыше девятнадцати миллионов фунтов. Когда деньги акционеров были исчерпаны до конца, преемник Саид-паши Исмаил-паша вложил в строительство египетские средства. Исмаил-паша уже ясно видел, что строительство — вещь реальная. Опираясь на поддержку англичан, он заставил упорно сопротивлявшихся французских предпринимателей пойти на уступки.

Каналом занялся сам император Наполеон III. Последний был готов отказаться от некоторых, в частности территориальных, прав компании, но, разумеется, в обмен на финансовую помощь хедива. В конце концов султан под давлением Франции и Высокой Порты вновь утвердил концессию. Но теперь перед Египтом было поставлено условие — выкупить предоставленную компании землю.

Для уплаты «штрафа», наложенного пристрастным арбитром спора — французским императором, Египту пришлось взять в долг английские фунты. Но все же, когда канал был закончен, почти треть всех акций и 15 процентов дохода принадлежали хедиву Исмаилу.

Чешский инженер не принимал участия в политических интригах и не имел никакого понятия о том, что творится за кулисами денежных сделок. Я представляю себе, что он должен был чувствовать, стоя на берегу Озера крокодилов или одного из старых горько-соленых озер, когда на его глазах открылись шлюзы канала на средиземноморском берегу и морские волны хлынули в полувысохшие озера. Произошло это 18 марта 1869 года. Только узенькая перемычка отделяла воды двух морей. Инженер, конечно, не думал о том, что сооружение канала даст толчок хищнической борьбе империалистических держав за нефть Среднего Востока и за кратчайший путь в Индию. Из средиземноморских портов путь в Индию в три с лишним раза короче, чем вокруг мыса Доброй Надежды. Для чешского инженера это было чудом техники. Человек приображал природу,

и инженер даже не представлял себе, насколько в эту минуту он мыслил по-социалистически.

16 ноября 1869 года официально объявили о про-
рытии канала. Строительство закончилось. Хедив ра-
сточал деньги и восторги.

Каир неделю торжественно праздновал это собы-
тие. Исмаил-паша приказал возвести для приглашен-
ных на открытие канала знатных гостей новые роскош-
ные отели. Он построил великолепный, по тогдашним
временам и в особенности для Каира, театр специально
для постановки оперы на египетский сюжет. Хедив лич-
но заказал ее итальянскому композитору Джузеппе
Верди и пригласил в Египет итальянскую труппу.

В каирском театре, а потом в золотом зале коро-
левского дворца состоялась премьера «Аиды». Венти-
ляторы не успевали разгонять душный воздух и тяже-
лый аромат духов. Генералы вытирали белыми платками
багровые лысины, героически выдерживая груз своих
орденов. Хедив, утопавший в сиянии алмазных звезд,
был неизмеримо щедр. Экономные французы шепотом
обменивались мнениями по поводу того, сколько все это
может стоить. Но они отнюдь не жалели хедива. И, ко-
нечно, еще меньше его подданных, которых он согнал
на строительство канала. О последних в те времена во-
обще не принято было упоминать в обществе. Фран-
цузские дипломаты говорили: «Богатая страна!»
И вспоминали при этом о неудачном походе Наполеона
к пирамидам. Уж он-то знал, зачем шел сюда с войска-
ми. Ну вот, а теперь у нас есть здесь свой канал.
Свои французские капиталовложения. — О, посмотрите,
какой роскошный наряд!

В царском ложе появилась французская императ-
рица Евгения. Потом в зал вступил австрийский монарх,
наследные принцы и европейские князья, члены Адми-
нистративного совета, и, вероятно, где-нибудь на вто-
ром балконе скромно сидел инженер из Праги. Без за-
висти смотрел он на Фердинанда Лессепа, которому
был предан душой и телом, ибо по его искреннему убе-
ждению только Лессепсу должна была принадлежать
вся слава и почести.

Спустя день, 17 ноября 1869 года, по Суэцкому ка-
налу прошло первое судно — французский корабль

«Эгль» и вслед за ним флотилия из шестидесяти семи кораблей различных наций. На палубе «Эгля» стояла бледная французская императрица в пышной сборчатой юбке — как эта мода не подходила для знойного климата Египта! — и обмахивалась веером.

Продажное правительство Исмаила растранижило миллионы на торжества по случаю открытия канала. Экономическая политика египетского правительства безнадежно терпела крах, а ожидаемые прибыли от пошлин за судоходство по каналу все еще не поступали. Британская секретная служба подстрекала кредиторов Исмаила не соглашаться ни на какие уступки. Банкир, подсланный британским правительством лорда Дизраэли, предложил хедиву помощь, и тот, чтобы выйти из финансового тупика, продал за 4 миллиона фунтов 176 602 акции компании. С тех пор пошлина за судоходство по каналу через египетскую землю потекла в карман иностранной компании. А сам Египет ровным счетом ничего не получил.

Английские и французские акционеры повели борьбу за раздел прибыли. Англичанам в то время принадлежало уже 44 процента акций. Но только в 1884 году британские акционеры добились существенного перевеса в Административном совете компании. Правда, теперь они опирались на английские штыки. При первом же удобном случае Великобритания прибегла к военному вмешательству. Этим случаем явилось восстание Ахмеда Ораби против феодального самодержавия хедива. Британские корабли открыли огонь по Александрии, а британские части, высадившись в Порт-Саиде и Суэце, разбили в сентябре 1882 года египетские войска повстанцев в битве при Тель эль-Кебира.

Англия фактически оккупировала Египет на целых 74 года. С тех пор корабли по Суэцкому каналу проходили под дулами британских орудий. Власть Англии над зоной Суэцкого канала, осуществлявшаяся в форме военной оккупации, продолжалась вплоть до 18 июня 1956 года, когда последний английский солдат покинул египетскую территорию.

Исторически это случилось не совсем так. То есть действительно предполагалось, что в этот день последний английский солдат покинет казармы в так называе-

мой военной зоне Суэцкого канала, что должно было послужить началом торжеств по случаю эвакуации иностранных войск.

Уход последнего английского солдата предполагали обставить торжественно и церемонно. Организаторы церемонии представляли ее, очевидно, вроде смены караула. Последний английский солдат сменяется первым египетским. Все журналисты из Каира готовились стать свидетелями незабываемого момента в истории современного Египта. Операторы киножурналов и просто фоторепортеры со всех частей света заранее предвкушали грандиозные предложения агентств. Уже задолго до назначенного часа они горделиво, точно петухи, разъезжали в своих ярких крикливых машинах по Мосту хедива Исмаила, близлежащим улицам и площадям или самоуверенно крутили по площади Ат-Тахрир.

Но, очевидно, англичанам не нравится, когда кто-нибудь веселится за их счет. Во всяком случае уже за два дня до установленного срока последний английский солдат под покровом ночи поднялся на борт последнего английского корабля. Почти целый день жаркая военная зона оставалась без солдат. Просто удивительно, как это могло случиться. Но это случилось.

Точно в назначенный срок в Порт-Саид прибыл на самолете председатель совета министров Гамаль Абдель Насер. Толпы народа прорвали полицейский кордон. Облепив со всех сторон машину Насера, они энергично вмешивались в приготовления к торжественной церемонии. В конце концов небольшой отрезок пути от аэродрома до бывших британских казарм главе правительства пришлось проделать пешком. Напряжение росло. Перед зданием английского Дома морского флота, устремившись в раскаленный голубой купол небес, возвышался пустой флагшток. Насер подошел к нему. Египетский моряк передал ему сложенный зеленый флаг с белым полумесяцем и звездой — государственный флаг Египта. Насер прикоснулся к нему губами. Стояла томительная тишина. Казалось, можно было услышать биение человеческих сердец. Египетский флаг пополз вверх по мачте. И в тот момент, когда он наконец достиг вершины и радостно затрепетал на ветру, тишину разорвал оглушительный взрыв восторга, точно

взорвался хранившийся в течение семидесяти четырех лет динамит. Не только народ, но и солдаты, моряки и полиция в едином порыве со всеми бурно выражали свою радость. Восторженные возгласы, точно пенный прибой, заполнили до краев всю набережную. В эту минуту по каналу к Суэцу подплыла эстафета из двухсот пловцов. Миноносцы «Гумхуриат Миср» и «Дамиэтте» двадцатью одним орудийным залпом салютовали египетскому флагу. В глазах солдат стояли слезы. Гамаль Абдель Насер под оглушительный рев и восторженное ликование многотысячной толпы закончил свое выступление словами: «Дай бог, чтобы никогда другой флаг не развевался над египетской землей».

Проходившие в этот день по Суэцкому каналу иностранные суда учтиво приветствовали гордо развевающийся египетский флаг.

Первое действие драмы Суэцкого канала торжественно закончилось в саду военного клуба, в очаровательном Земалеке, где был устроен банкет для десяти тысяч гостей правительства. Состав приглашенных необычайно пестр — чанозники, солдаты, моряки, офицеры, ученые, деятели искусства. Все они радовались, как дети, отламывали хрустящие крылышки жареных индеек, вонзали зубы в бараньи бока и фаршированных голубей, уничтожали наперегонки торты и паштеты, и кровь переспелых арбузов обагряла белые бурнусы. Право, это было далеко не чопорное общество. Ели с аппетитом, устав от бесчисленных восторгов и не пресыщаясь новыми блюдами и новыми тостами.

Гости, заполнившие огромный зрительный зал под открытым небом, уже вероятно в сотый раз поднимались с места, провозглашая здравицу в честь председателя совета министров. Мы сидели на почетных местах во втором ряду, прямо за его спиной. Прохладную бездонную ночь подогревали колоссальные рефлекторы. Кинооператоры сновали буквально повсюду. Они снимали, ползая на животе, сидя на корточках, и точно художники, оформляющие комнату, взбирались на свои передвижные лестнички, стоявшие среди пальм. Какое богатое пиршество выразительных лиц и улыбок для журналистов и фотографов! Рядом с Насером сидели советский министр иностранных дел, наследные прин-

цы Марокко и Саудовский Аравии, представители всех арабских стран. Египетский праздник завоеванной независимости явился праздником всех арабов. Неожиданно начинаешь понимать, какая это все-таки огромная сила. Растущая сила.

А тем временем на сцене уже исполнялись танцы из оперы «Аида». Разумеется, я не мог не вспомнить, что восемьдесят семь лет назад та же музыка исполнялась в каирском театре в честь открытия Суэцкого канала. Возможно, тогда балерины итальянской оперы танцевали лучше и программа вечера, может, была составлена более удачно, но в чью честь проводились те торжества? Кто радовался в тот день? — И как изменились зрители в театральных ложах! Как изменился политический климат в этой стране с тех, давно ушедших времен!

В этот вечер изнывающие от жажды и обессиленные от усталости тысячи зрителей без конца вызывали народную египетскую певицу Умм Кальсум. Готовая петь до скончания века, она сорвала свое контральто. К концу представления сомнительный уже с самого начала порядок окончательно вылился в организованную недисциплинированность, и зрительный зал превратился в жизнерадостное народное гулянье.

Этот праздник явился радостным и светлым праздником всего египетского народа. Праздником двадцати трех миллионов. Праздником народа, которому принадлежит не только сегодняшний день, но и все будущее юного Египта и Суэцкого канала.

На этом обрывается мой репортаж о Суэцком канале. Прошел месяц, и мир услышал по радио и прочитал в газетах первые слова второго действия драмы: национализация Компании Суэцкого канала.

Действие второе

Это действие мне довелось наблюдать в Париже. Во французском тылу нападения на Египет.

Надо же так случиться, что именно в тот день, когда президент Насер объявил о национализации Компании Суэцкого канала, я находился на Кэ д'Орсе. Я пришел вести переговоры о выставке чешской и сло-

вацкой готики в Париже. Ни у кого не нашлось для меня времени. Очевидно, в этот день было не до работы. В коридорах люди собирались группами. В залах ожидания царило нервное возбуждение. Пожилая дама с вуалеткой, приезжий из деревни в шерстяном костюме, двое усталых людей с ленточками «Почетного легиона». Старая женщина, по всей вероятности, вдова, потерявшая мужа на войне, держала сумочку с какими-то документами, которые вот уже трижды высыпались на пол. Долговязый юноша барабанил костлявыми прозрачными пальцами по оконному стеклу. Люди в зале ожидания озабоченно обсуждали международные сообщения, даже не представившись друг другу.

У меня создалось впечатление, что все эти возмущенные люди — акционеры Компании Суэцкого канала. Служащий, к которому я обратился, явно переиграл, пытаюсь сохранить административное равнодушие, которое должно было выглядеть как беспристрастная объективность. Во всяком случае он пропустил мимо ушей мое замечание и ограничился вежливой и высокомерной фразой, которая была тогда в моде в Париже, что «президент Насер на этот раз пересолил».

Газеты, не брезгуя клеветой, смакуя, описывали резкие сцены между послами и министрами во Франции и Египте.

Я отправился взглянуть на здание Компании Суэцкого канала. Решетчатые двери были полуоткрыты. Каменный особняк точно вымер. Полицейский с жевательной резинкой, прилипшей к нижней губе, медленно прохаживался взад и вперед, не обращая никакого внимания на здание, ставшее центром мирового напряжения. Я готов спорить, что он и понятия не имел, что значит этот дворец. Он просто прошел мимо него. Совершая обход, двинулся по направлению к улице до ля Бэти.

В узкой улочке царили прохлада и тишина. Только высокие каблуки какой-то девицы, спешившей на свидание, торопливо постукивали по тротуару. Потом она зашла в дом, и я представил, как она поднимается в комнатку своего милого. Ну и так далее.

Сонный, охваченный дремой летний Париж.

19 июля 1956 года — это было в четверг — Джон Фостер Даллес сообщил египетскому послу Ахмеду

Хусейну, что США отказываются предоставить кредит Египту на строительство Асуанской плотины и аннулируют свою, условно обещанную в 1955 году, пятидесятишестимиллионную безвозвратную ссуду. Государственный секретарь не сказал при этом, что владельцы хлопковых плантаций американского Юга, судовладельцы с атлантических верфей и представители Нью-Йоркской биржи, сменяя на прошлой неделе друг друга в его приемной, весьма резко выразили протест против всего, что могло содействовать преуспеваю Египта. Государственный департамент сообщил о своем отказе журналистам. Господин Блейк из Международного банка взял обратно свое предложение о кредите. Очевидно, по этому вопросу уже существовала определенная договоренность. Политическая роль Египта должна была быть сведена на нет. А в следующий четверг, 26 июля, в годовщину отречения короля Фарука Последнего, президент Гамаль Абдель Насер на митинге в Александрии объявил, что египетское правительство решило национализировать Компанию Суэцкого канала. Таким образом, президент Насер прямо и открыто признал связь этого политического акта с отказом в кредите на строительство Асуанской плотины. Национализация явилась ответом Египта империалистическим державам.

Президент Насер тогда заявил: «Мы построим Асуанскую плотину. Тридцать пять миллионов фунтов, которые получала ежегодно Компания Суэцкого канала, отныне будет получать только Египет. Мы возвращаем свои права и будем защищать их до конца. Мы не отступим перед натиском поджигателей войны и будем до последней капли крови бороться за нашу свободу и независимость».

Этот четверг, 26 июля 1956 года, вывел мир из состояния довольно шаткого покоя и равновесия. В сущности империалистические державы меньше всего беспокоились о судьбе держателей акций компании. Их волновала дальнейшая судьба всего Среднего Востока и стратегических пунктов на пути в Азию, судьба нефти.

В чехословацкой деревне Странчицах 26 июля в день святой Анны обычно устраивают ярмарку в березовой роще у часовенки. С самого утра бродячие музыканты

обходят дом за домом, играя в честь всех Аничек. Во время этого праздника в 1914 году я узнал об объявлении войны Сербии. Так началась первая мировая война. Очевидно, у праздника Анны есть своя опасная традиция.

Мир находился в опасности. Акции Компании Суэцкого канала за один день упали на девятнадцать тысяч франков. Положение с нефтью было неопределенным. Акции то падали, то поднимались.

27 июля британское правительство наложило арест на счет Египта в банках Лондона. Никого не касалось, что вложенные в строительство Суэцкого канала средства были многократно возвращены тем, кто их инвестировал. В своей борьбе за независимость Египет не должен был одержать победу. Это послужило бы нежелательным примером для других стран. Ему могла последовать вся Африка.

И тогда в Лондоне собрались для переговоров представители Англии, Франции и Америки. Американцы вели себя сдержанно. Они загибали пальцы под столом, прикидывая в уме, что можно выгадать при данной ситуации. Генеральные штабы и адмиралтейства Великобритании и Франции готовились к войне. Корабли военно-морского флота концентрировались на британской военной базе на Кипре. Восточная часть Средиземноморья гудела и дрожала от рева реактивных самолетов.

Спустя некоторое время была созвана новая конференция. Речь шла о конвенции 29 октября 1888 года о свободе судоходства через Суэцкий канал. А между тем суда без всяких препятствий проходили через него, и египетская администрация канала не чинила никому никаких препятствий.

В конце октября я вновь прибыл в Париж. По паткам цветочниц у «Мадлен» струились потоки дождя. Вереницы машин шуршали по асфальту. Ни зима, ни лето. Полицейские в пелеринах оглушительно свистели, поигрывая своими белыми дубинками. Булочки набросили на корзины с длинными батонами белого хлеба нейлоновые капюшоны. Мостовая блестела, отражая спешащую улицу. Возле газетного киоска выстроилась очередь. Что случилось? Война.

Этой ночью триста шестьдесят восемь депутатов французского парламента, исключая коммунистов и прогрессивных левых, сказали свое «да» войне. Израильские войска вторглись на территорию Египта. Флот Англии и Франции покинул Кипр. В этот день «Юманите» вышла с дюймовым заголовком: «A bas la guerre» *.

Это произошло в среду 31 октября 1956 года. В восемнадцать часов тридцать минут английский реактивный самолет сбросил первую бомбу на Египет. Но в Париже никто не хотел войны. Индифферентные парижане не обращали на нее особого внимания. Бульварная пресса в этот день вышла огромным тиражом. В кафе возрос спрос на аперитив и черный кофе. Политики у цинковых стоек кафе громогласно заявляли: «Капиталисты гениальным маневром заставили социал-демократическое правительство проделать за него всю грязную работу — Алжир и Суэц», «Социал-демократы ведут войну за акционеров канала». «Монд» и «Экспресс» открыто заняли антивоенную позицию.

Советский Союз реагировал на агрессию весьма решительно. В Париже стояли скверные дни. Известия о событиях в Венгрии день за днем заглушали сообщения из Египта. Они должны были отвлечь внимание от вылазки в Египте, которая стремительно катилась под уклон, становясь явным политическим проигрышем.

Вопросы мира решались за пределами Франции.

Истеричный наемный сброд устраивал антисоветские и антикоммунистические вылазки. Разнузданные инстинкты мелкобуржуазных парижских подонков нашли выход в трусливых демонстрациях, крикливых лозунгах и потоках брани. Зачастую «благородные убеждения» союзников Израиля явно и открыто выражались в антисоветской пропаганде. Иностранцы покидали Париж, и это еще больше усиливало разброд. Оставшиеся не показывались в обществе. Нас не покидало чувство какой-то подавленности и в печально пустынном Тюильри, и на площади Согласия, и на Елисейских полях. Даже там, где себя чувствуешь, как дома.

В четверг вечером, 1 ноября, представители семидесяти шести наций на чрезвычайном заседании ООН

---

* Долой войну (фр.).

осудили политику агрессоров. Это произошло после дневного заседания Совета Безопасности во вторник, где французская и английская делегации пустили в ход свое право «вето».

Затопленные суда преградили путь через Суэцкий канал. Танкеры, ожидавшие в Красном море, развернулись и ушли окружным путем вокруг Африки. Американские и венецуэльские нефтяные компании наживали колоссальные барыши.

В Париже остановился почти весь городской транспорт. Парижские улицы вплоть до момента воскрешения черного рынка, погребенного после мировой войны, стали безопасным местом игр юных парижан. В Англии и Франции были введены карточки на бензин. В отелях с мазутным отоплением перестали топить. Специалисты, которые иногда способны не только «каркать», утверждали, что на расчистку канала и работы по возобновлению судоходства по Суэцкому каналу потребуется не менее трех месяцев.

Дни казались бесконечными, хотя вся авантюра агрессоров в Египте длилась всего лишь семь дней. 7 ноября 1956 года в день празднования Великой Октябрьской социалистической революции в час ночи войска на египетском фронте прекратили огонь.

И снова моросил дождь, и букеты в руках цветочниц нежно благоухали. И снова замирал, а затем устремлялся в разные стороны поток машин, точно ничего особенного не произошло. Я купил газету и позволил себе в десять утра рюмку аперитива. Этого со мной не случилось уже много лет. Пожалуй, лет тридцать.

Итак, собственно на этом кончилось второе действие драмы Суэцкого канала. Начались длительные действия иного характера. Войска Объединенных Наций постепенно занимали освобождаемую агрессорами территорию.

Но я вовсе не собираюсь писать политическую статью. Я с огромным удовольствием тогда же в ноябре уехал из Парижа.

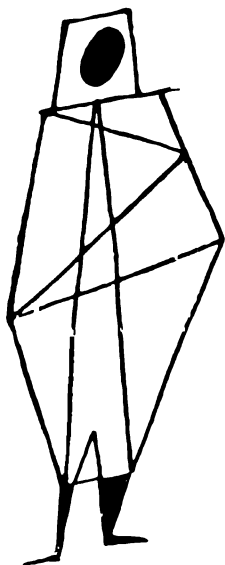
В Париж я приехал еще раз в марте 1957 года. Как раз в тот момент, когда в Порт-Саиде, освобожденном от англо-французской оккупации, сбросили с пьедестала бронзовый памятник Фердинанду Лессепсу. Разбитая

статуя валялась на набережной. Бронзовая голова с бородой точно шептала камню: «А я тут при чем?»

По каналу уже прошли первые корабли небольшого водоизмещения.

Итак, агрессия против Египта потерпела позорный крах, но на свете есть немало людей достаточно равнодушных, чтобы все забывать, и достаточно безучастных, чтобы все прощать. Только полученные раны не забываются. И даже если раненый в минуту слабости поддастся соблазну предложенного благополучия, рана дает о себе знать. И предостерегает.

Это была классическая драма. В первых двух действиях речь шла о Суэцком канале. В третьем действии речь пойдет о Египте. Третье действие классической драмы должно завершиться благополучной развязкой.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Египет расположен на стыке трех материков: Азии, Африки и Европы. Правда, Европа касается этого чувствительного рубежа частей света лишь Средиземноморским мысом, но ее присутствие было весьма ощутимо на протяжении всей истории.

Египтяне иногда утверждают, что Египет является центром мира. Это безусловно несколько преувеличено, но нам, чехам, с национальной точки зрения это вполне понятно. Мы привыкли к сознательным и весьма скромным преувеличениям. Ведь Чехию часто называли «сердцем Европы», «центром Европы», «перекрестком Европы» и т. д. Не последнее место среди подобных определений занимает изречение Бисмарка: «Кто хозяин Чехии — тот хозяин Европы!».

Разумеется тот факт, что Египет был житницей Рима, явно недостаточен для исторического обоснования этой концепции египтян. Гораздо большее значение имело его стратегическое положение, открывавшее удобный путь на восток. Поэтому всевозможные попытки завоевания мирового господства или по крайней мере императорской власти предусматривали покорение Египта.

Исключение составляет, пожалуй, лишь захват Египта нубийцами и гиксосами. Эти две оккупации — случайное недоразумение истории.

Столетнее господство гиксосов — пастушеских племен, спустившихся с сирийско-палестинских гор, — завершилось победоносным восстанием, изгнанием оккупантов из страны и даже истреблением гиксосов как народа *.

Нубия, южный сосед Египта, полностью заимствовала египетскую культуру, религию и государственное устройство. Нубийские цари исповедовали ту же веру, что и египтяне, и потому владычество этих черных царей как будто не воспринималось в Египте как оккупация. Они вошли в историческую хронологию как XXV династия.

В 1730 году нашей эры Пианхи, царь страны, расположенной на четвертом нильском пороге, завоевал Верхний Египет, а нубийский царь Шабака нанес тяжелое поражение царю Нижнего Египта Бокхорсу, предал его якобы сожжению и объединил весь Египет под властью династии, правившей с 726 по 686 год до нашей эры.

Но всем завоевателям, стремившимся к великодержавной власти, всегда приходилось считаться с Египтом. Безразлично, были ли это персы, греки, римляне, турки, англичане или нацисты. В результате похода древнеперсидского царя Камбиза в VI веке до нашей эры в Египте устанавливается господство персов. После Марафонской битвы египтяне попытались сбросить власть Дария, но его сын Ксеркс снова превратил Египет в персидскую сатрапию. Позже Артаксеркс подавил народное восстание, а вождя его приказал распять.

Несмотря на восстания, которые доказывают, что всем народам не по душе, когда в их дела вмешиваются посторонние, нет оснований утверждать, что персы сильно притесняли египтян с точки зрения национальной или религиозной. Кстати, во времена правления Артаксеркса в Египет прибыл Геродот.

---

* Последнее исторически не доказано.

Царь Неферхепрур Уаенра Аменхотеп IV, философ на троне, энергичный правитель, фанатик правды и муж красивейшей женщины того времени, Нефертити, своей собственной сестры, предпринял первую попытку порвать с иерархией различных божеств, во всяком случае освободиться из-под влияния их жрецов. Это был человек весьма реалистических взглядов. В противовес классической традиции рассудочного и элегантного стиля Аменхотеп IV требовал от искусства правдивого изображения действительности даже при создании его собственных портретов, хотя был человеком хилым, с физическими недостатками.

Поскольку составной частью в слове Аменхотеп было имя Амона *, царь принял новое имя Эхнатон **. Основная концепция религиозного мировоззрения бесспорно вытекала из его программы государственного устройства. Очевидно, он хотел дать всем народам своего государства единого и почти реального бога — Солнце. Солнце, существовавшее с первых дней сотворения мира, солнце — источник жизни. Оно одаряет каждый народ всем необходимым и никто не должен посягать на богатства другой страны. Царь Эхнатон даже сложил оду в честь Солнца.

После смерти Эхнатона его учение, не нашедшее поддержки, пришло в упадок, а правительство из города Ахетатона (Тель-эль-Амарна) вернулось в Уасет (Фивы), резиденцию бога Амона.

Когда в страну вторглись арабы, то ряд арабских племен поселился в долине Нила. Связи Египта с Западной Европой сократились.

В период арабского завоевания вся государственная жизнь Египта была подчинена арабскому халифату в Медине, Дамаске и Багдаде ***. Во всех административных органах восседали арабские чиновники, говорящие

---

* Амон — бог Фив и верховный бог Египта в эпоху Среднего и Нового царства.

** Эхнатон — «Полезный Атону» — богу солнца.

*** С десятого века образуется самостоятельное египетское государство.

только по-арабски. К греческому и коптскому языкам и коптским местным диалектам, зачастую резко отличавшимся друг от друга, добавился еще арабский язык правящей верхушки и переселенцев.

С этого периода начинается создание современной египетской нации, сопровождавшееся исламизацией и арабизацией. Впрочем, кажется, арабизация предшествовала исламизации. В разговорной речи греческий язык утратил свой *raison d'être* *, поскольку связи с торговой и особенно с духовной жизнью Средиземноморья были прерваны. Коптский язык все больше и больше оттеснялся в монастыри, в то время как в городах, а потом и в деревнях в разговорную речь все сильнее проникали элементы арабского языка. Рассеянные по всей стране арабы не признавали местной речи. И наоборот, местное население быстро привыкло к арабской. В административных органах иначе как на арабском не говорили. Постепенно коптский язык стал для коптов так же непонятен, как, скажем, латинский для католиков. Коптский язык стал церковным, мертвым языком. В торговой жизни, в речи простого народа и интеллигенции его окончательно вытеснил арабский.

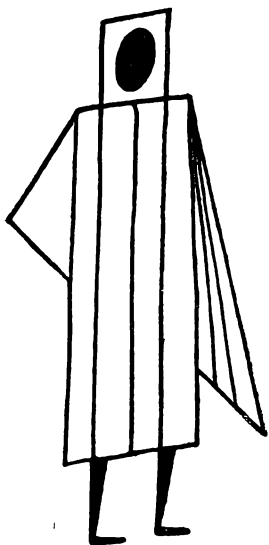
И когда на востоке, в Персии, исламу угрожали монголы, а на западе, в Испании — христианские князьки, Египет — остров мира — превратился в центр мусульманской культуры.

Мусульманская культура в Египте избежала упадка. Аль-Каир (древнее название Каир аль-Миуззия) уже в 1000 году превратился в богатый и культурный центр. Несколько позже университет Аль-Азхар становится мусульманской Александрией.

Сегодня мы можем сказать, что существует египетская нация, говорящая на арабском языке и исповедующая, за исключением коптского религиозного меньшинства, ислам.

---

* Право на существование (фр.)

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Современные египтяне и особенно египтологи, считающие, вероятно, себя более египтянами, чем исконные уроженцы Египта, не любят, когда о древнеегипетских царях говорят в легкомысленном тоне, как, например, Плутарх о Клеопатре.

Виной всему Плутарх.

Родился Плутарх в 46 году в Херонее (в Беотии). С юных лет он проявлял огромный интерес к людям. Позже, когда, по всей вероятности, он установил, что людей слишком много и все они разные, он ограничил свой интерес лишь людьми выдающимися. Учился Плутарх в Греции и Риме. Учился блестяще. Римляне говорили, что присущая ему страсть к сплетням и клевете — черта чисто греческая. Греки же утверждали, что его пристрастие к скабрёзным историям и легкомысленной литературе — свойство римского характера. Но безусловно одно: Плутарх понимал толк в жизни, был образованным человеком и разбирался в людях. Впрочем, вполне вероятно (у некоторых историков, особенно у историков искусства, частенько так и бывает), что то, чего он не знал, он просто домысливал, например о Клеопатре.

От Платона нам известно, что Клеопатра была прекрасна, но Плутарху этого мало. В своей книге «Сравнительные жизнеописания» он пишет следующее: «Но вернемся к Клеопатре. Платон допускает, что она знала четыре способа пленять мужчин, но в действительности она знала их тысячи».

А на другой странице своего объемистого труда, который местами походит скорее на сборник анекдотов, чем на историю, Плутарх так описывает Клеопатру:

«Красота ее якобы не была так уж замечательна, чтобы с ней никто не мог сравниться или чтобы она ошеломляла всякого, увидавшего ее. Но обаяние этой женщины очаровывало всех, и было совершенно неотразимо. Обаяние в сочетании с блестящим даром остроумного красноречия и ее характером, проявлявшимся буквально в каждом ее поступке и каждом слове, действовали магически. И даже звук ее голоса доставлял наслаждение, когда она, точно касаясь струн, с легкостью переходила с одного языка на другой: мало с кем из варварских народов она говорила с помощью переводчика. Она в совершенстве овладела эфиопским, троглодитским, еврейским, арабским, сирийским и многими другими языками. Это было тем более удивительно, что ее царственные предки не прилагали никаких усилий, чтобы выучить прилично египетский, а некоторые из них даже не утруждали себя, чтобы, скажем, научиться македонскому».

Далее Плутарх описывает, как умела Клеопатра привязать к себе душой и телом великих мужей своего времени, превращая их в орудие своей мудрой власти. От Гая Юлия Цезаря у нее был сын, которого при египетском дворе называли Цезарионом. Это было широко известно, хотя и имело несколько скандальный характер, поскольку Клеопатра была замужем — еще в юном возрасте ее выдали за родного брата Птолемея. Неблагодарный Птолемей изгнал свою сестру и супругу, которая якобы плела против него интриги, но потерпел в свою очередь поражение от Цезаря и утонул в Ниле.

Следует отметить, что для римских полководцев все их любовные истории в Египте оказались роковыми. Вот что с мнимым негодованием пишет Плутарх по

поводу египетского похода Цезаря: «Что же касается войны, которую он вел в Египте, одни не считают ее необходимой, — по их мнению, она была позорной и опасной для него и начата ради увлечения с его стороны Клеопатрой. Другие называют виновниками ее царских придворных, в особенности пользовавшегося огромным влиянием евнуха Потина».

Ученые, пожалуй, еще простили бы Плутарху поклев на Клеопатру, поскольку какая-то доля правды в нем была. Но уж никак они не могут простить Плутарху сомнительного сообщения о том, что именно Гай Юлий Цезарь явился виновником пожара Александрийской библиотеки. В глазах этих ученых Плутарх обыкновенный литературный герострат, жадный до сенсаций.

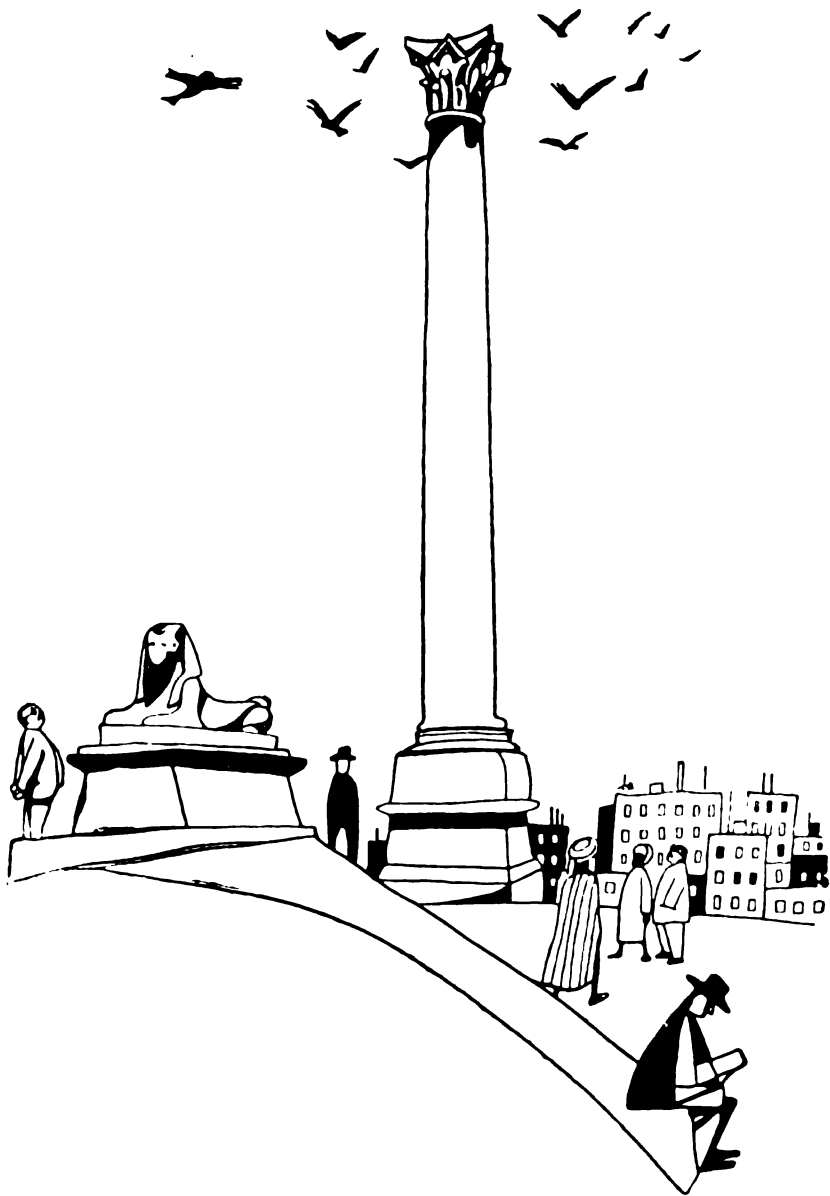
Я нашел у Плутарха фразу о пожаре. Несомненно, подобного рода катастрофа в истории культуры заслуживает более внушительного сообщения, а Плутарх, перечисляя одно за другим первоначальные злоключения Цезаря в Египте, лишь в конце сообщает следующее:

«Другое бедствие заключалось в том, что враг собирался лишить его всякой связи с морем. Тогда Цезарь, желая отвлечь эту опасность, был вынужден поджечь собственные корабли, и пожар, перекинувшись с кораблей на доки, охватил огромную библиотеку».

И это все. Пожар, согласно Плутарху, произошел в 48 году до нашей эры. Но фраза Плутарха вошла затем в историю и приводилась, как вполне достоверный источник всеми историками вплоть до нашего времени. Бернард Шоу сделал это сообщение достоянием театральной публики и широкой общественности, остроумно обыграв его в своей египетско-римской комедии «Цезарь и Клеопатра».

Но теперь уже ничего не поделаешь — Александрийская библиотека и впрямь сгорела дотла, если уже о том говорят даже со сцены театра.

И все-таки странно, что никто, кроме Плутарха, не писал о пожаре Александрийской библиотеки. Нет упоминания об этом ни в одном значительном письменном памятнике той эпохи, хотя при всем цинизме циников, который был в те времена весьма популярным учением, это была культурная катастрофа мирового масштаба. Не упоминает об этом ни сам Цезарь, ни друг его Авл

Столб Помпея, который сегодня называется не Помпеевым, а Диоклетиановым, что также вызывает сомнение, так как он, возможно, поставлен в честь Феодосия. Но библиотеки здесь наверняка не было

Гирций, ни красноречивый Цицерон, ни греческий географ Страбон, приехавший в Александрию лет через двадцать после пожара.

И только стоик Луций Анней Сенека, который из-за своих нравственных принципов был временно выслан на Корсику распутной императрицей Мессалиной, пишет: «В Александрии сгорело сорок тысяч книг». И хотя мы знаем, что Сенека был воспитателем Нерона, тем не менее верить Сенеке можно. Сорок тысяч книг это даже не десятая часть Александрийской библиотеки.

Короче говоря, только Плутарх определенно утверждает, что библиотека сгорела. И мы не знаем, где же истина. Знаем только одно — библиотека была и больше ее нет. Единственное утешение для нас в том, что и другие библиотеки не сохранились.

Больше того, нам даже не известно, где была Александрийская библиотека. Туристам, проводящим свой медовый месяц в тени пирамид, заморским вдовам и экскурсантам гиды с крокодиловыми слезами на глазах непременно показывают место, примечательное лишь тем, что там абсолютно ничего нет, и говорят при этом: «А вот здесь некогда находилась знаменитая Александрийская библиотека».

Обычно, как мы сами были свидетелями, эти слова произносятся у изрытого и перекопанного холма под так называемым столбом Помпея. Но здесь, кажется, было лишь кладбище священных быков — Серапеум, а позднее, возможно, и убежище первых христиан. Столб Помпея — это двадцатиметровый монолит из асуанского чудесного розовато-черного гранита, увенчанный коринфской капителью. Впрочем, столб не имеет никакого отношения к Помпее и никогда не имел. Так он назывался в средние века, потому что под ним якобы было погребено тело Помпея.

Музей и библиотека находились, вероятно, где-то недалеко от порта. Прямо через залив, как раз напротив маяка. Но ныне от всего этого не осталось и следа. Вообще Александрия испытывает острый недостаток в хорошо сохранившихся памятниках. Бесследно исчезло одно из древнейших чудес света — фаросский маяк. Одно из самых грандиозных изобретений мореплавате-

лей — светящаяся башня стовосьмидесятиметровой высоты. Ну, скажем, — половина Эйфелевой.

На островок Фарос, лежащий чуть в стороне от болотистого устья западного рукава Нила и соединенный сейчас с городом дамбой, и высадился некогда со своими войсками Александр Македонский — завоеватель Египта. Он заложил здесь зимой 331 года до нашей эры город Александрию. Очень скоро Александрия превратилась не только в крупнейший порт Ближнего Востока — им, впрочем, она осталась и до сих пор, — но и в прославленный центр культуры — чего нельзя сказать о ней сейчас, хотя благодаря строительству Александрия постепенно начинает занимать важное место среди университетских городов. В артериях города чувствуется гордая традиция культуры Среднего Востока. Александрия — город ученых и вместе с тем город современной цивилизации.

Александр Македонский, наверное, вложил под фундамент этого города какой-то талисман на счастье. Возможно, это была захваченная у персидского царя Дария чеканной работы шкатулка, в которой тот возил с собой в походах гомеровскую Иллиаду, и даже якобы, ежедневно ее перечитывал. Македонец был, конечно, человеком недюженного ума: идея заложить величайшую библиотеку той эпохи и превратить ее в сокровищницу человеческого разума и науки Запада и Востока — Европы, Азии и Африки — принадлежала, несомненно, ему, хотя музей и библиотека были созданы уже после смерти Александра Великого по приказу его сатрапа — наследника египетского трона Птолемея.

Это была первая в мире общественная и государственная библиотека.

Греки смотрели на Александра Македонского как на завоевателя, и, вероятно, поэтому Деметрия, принявшего из рук Александра пост губернатора Афин, они считали коллаборационистом. В 294 году до нашей эры Птолемей пригласил этого выдающегося организатора и ученого в Александрию с тем, чтобы он превратил александрийский Мусейон в крупнейший центр культуры. Кроме того, египетское государство привлекло свыше ста авторитетных философов, чтобы здесь, в стенах музея и библиотеки, они в спорах выявляли истину.

С той поры почти все цари из династии Птолемеев снискали славу тем, что умножали собрание папирусных свитков, состоявшее первоначально из двухсот тысяч экземпляров, собранных Деметрием. Здесь хранились не только письменные памятники древних культур Индии и Китая, но и памятники культур, мало изученных еще и до сегодняшнего дня, культур африканских народов. Полные издания греческих поэтов и драматургов. Труды по медицине и фармакологии, заложившие основы александрийской медицины. В те времена выпускники александрийского факультета медицины считались лучшими врачами.

Хранились в библиотеке и первые карты известных в те времена стран света — карты мира, где и Чехия нашла свое место. В общем здесь было собрано столько достижений человеческого разума, что даже в наши дни подобная сокровищница знаний намного обогатила бы культуру мира.

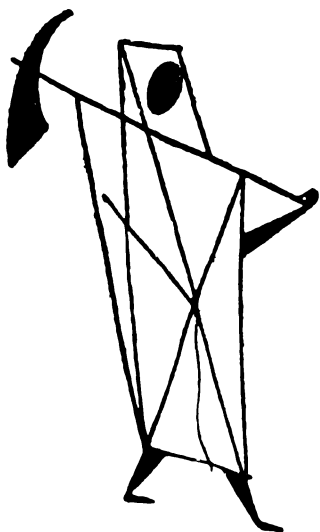
Выдающиеся поэты и писатели считали высокой честью работать в библиотеке Мусейона. В период своего первого путешествия в Александрию римский полководец Марк Антоний подарил Александрийской библиотеке двести тысяч книг, награбленных в Пергаме. Они были написаны на коже, или, как ее тогда называли, пергаменте. В 48 году до нашей эры, когда Цезарь приказал поджечь свои корабли, Александрийская библиотека насчитывала огромное по тем временам — как, впрочем, и по нынешним — и строго систематизированное собрание томов, свитков и книг — около девятисот тысяч экземпляров.

Египет не был замкнутым в себе государством-крепостью, недоступной для ветра идей. Напротив, египетский двор рассылал во все концы мира экспедиции для сбора информации. Это был своего рода научный шпионаж. И все то новое, что привозили с чужбины странствующие египетские академики, мгновенно приспособлялось к условиям Египта. Использование чужеземного опыта способствовало развитию египетской цивилизации.

«Постоянное общение египтян с азиатскими пришельцами и с акклиматизировавшимися еще ранее в Египте ливийцами и нубийцами убеждало их, что, не

считая языка, представители различных народов отличаются друг от друга лишь второстепенными физическими и духовными свойствами, а от признания этого факта оставался лишь один шаг до мысли о равенстве всех людей». Так характеризует академик Франтишек Лекса египетское государство в период правления Аменхотепа III.

Свойство египтян воспринимать чужую культуру ярче всего проявилось теперь, когда Египет очнулся от сонного мертвящего оцепенения периода турецкого владычества и пришлых султанов. Но теперь идеи национальной свободы заносятся в страну не ветрами с Запада, а сообщениями с Бандунгской конференции, газетами миролюбивых государств Азии. Египетский народ быстро учится. Он имеет все предпосылки воспринимать идеи, которые преумножат завоевания революции.

КОПТСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Коптский музей уютно спрятался в тени столетних деревьев. Слово «копт» произошло от греческого слова «Aigypotos» — Египет-гипет-копт. Копты — это египтяне, исповедующие христианство.

В Египте немало мест, связанных с легендой о том, что здесь некогда жили Иосиф, Мария и Иисус: в том месте, где теперь расположен склеп соседнего храма, якобы отдыхал Иосиф с девой Марией и младенцем, когда они бежали из Вифлеема в Египет, в другом месте они напились воды из источника и т. д. Под смоковницей в селении Матария, неподалеку от обелиска в Гелиополе, они также отдыхали. А церковь святого Сергея (Абу Сарга) в старом Каире находится именно там, где они скрывались. Естественно, коптское христианство выбрало для своего храма место, связанное с легендой. Здесь уже во времена императора Августа возвышалась над нильской пристанью могучая крепость. Заложена она была в тридцатые годы до нашей эры, а достигла своего расцвета несколько позже, уже во времена Траяна (98 г.) и Аркадия (395 г.).

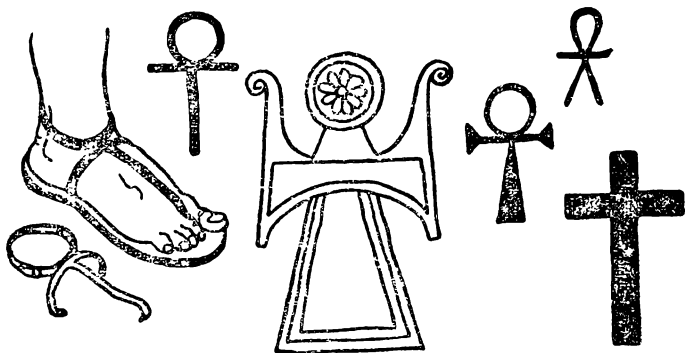
Музей замкнут в кольцо крепостных стен и башен, а в его подвалах были обнаружены каменные причаль-

Закат славы орлов римских легионеров.
Знаки доблести превратились в простое
украшение на решетках

ные дамбы. Некогда здесь протекал Нил, до которого сейчас не менее полукилометра. В 640 году крепость пала под натиском войск Амр Ибн-аль-Аса. На ее месте было основано первое арабское поселение в Египте — Фустат.

Директор музея доктор Пагор Лабиб встретил нас так, словно ждал нашего прихода много лет. Это приятный, небольшого роста, удивительно подвижной человек, с маленькой щеточкой усов под орлиным носом; за очками танцуют беспокойные, непоседливые, очень человеческие глаза. Доктор Лабиб — копт. В его семье говорят по-коптски. У него много детей. И все его дети пишут, читают и говорят по-коптски, а сейчас это редкость. Коптским языком пользуются лишь при богослужении, но доктор говорит нам с явным огорчением, что даже священникам непонятно, что они читают, да и сами верующие поют псалмы, не понимая их. Сегодняш-

Развитие креста от ремешка на сандали
« символам жизни и смерти.

ние коптские молитвенники и псалмы печатаются на двух языках: слева — по-арабски, справа — по-коптски.

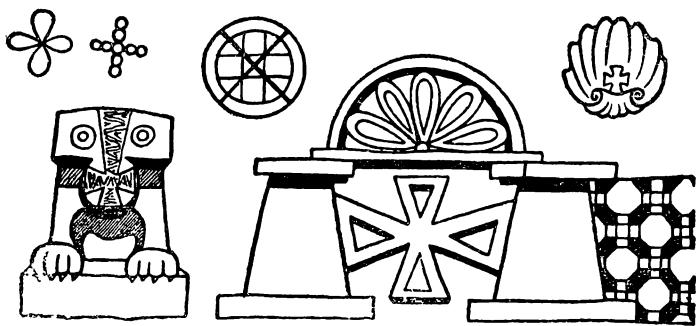
Главный зал коптских древностей венчает монументальная и выразительная скульптура орла — свидетельство непостоянства понятий и быстротечности славы. «Вот видите — этот гордый знак римских легионов в коптский период, когда закат римской славы был уже очевиден для всего мира, превращается в декоративный элемент коптского искусства, украшающий капители и фризы колонн».

Пагор Лабиб предлагает нам кофе и начинает свой увлекательный рассказ об истории коптской культуры.

Говорит он по-немецки: «Коптские древности встречаются уже с 332 года до нашей эры, со времен завоевания Египта Александром Македонским. Коптское искусство в развитии формы и цвета скорее отражало богатство воображения, чем действительность и геометрические пропорции, и потому все больше приобретало декоративный характер. Видите ли, Греция дала нашему искусству форму, а декоративность мы заимствовали у Индии».

Доктор Лабиб обладает даром так убедительно рассказывать, что не остается места для сомнений.

«С первыми элементами коптского искусства связаны и первые проявления христианской веры, если хотите, определенного мировоззрения. С христианством у древ-

Крест проникал всюду. Его стилизовали и он появился на львиных мордах и на раковинах, где раньше была Венера

неегипетской религии есть много общего. Уже Эхнатон хотел сделать государственной религией веру в единого бога. Именно благодаря своему родству с древнеегипетской религией христианство так быстро привилось в Египте. К этому времени египетская религия уже полностью изжила себя. И все же именно Древний Египет оставил в наследство христианству свой символ — крест.

Крест, на котором некогда римляне распинали преступников, имел форму буквы «Т». И Христа распяли на кресте формы «Т», а не $\dagger$. Крест на могилах христиан знаменует конец, тогда как ранее он соответствовал древнеегипетскому иероглифическому знаку «анк» или «онех», то есть знаку жизни. Вот как толковались символы на Востоке.

Итак, знак креста был известен и имел широкое распространение еще задолго до распятия Иисуса Христа.

Крест — это египетский знак. И это символ не Голгофы, а жизни. Если хотите, — вечной жизни. Копты использовали этот символ жизни еще до рождения Иисуса».

Согласно официальной египетской статистике, в 1947 году (дата последней переписи) копты составляли 1346 тысяч человек, или 7 процентов всего населения Египта. Интересно, что численность коптов неуклонно возрастает. С 1917 года количество коптов увеличилось почти вдвое.

Доктор Лабиб считает, что у коптов египетское искусство достигло своей зрелости и стало связующим звеном между египетским и греко-римским искусством, с одной стороны, и арабским — с другой.

В орнаменте коптских арабесок имеются черты, роднящие их с искусством Китая, Средней Азии, Ирана, Сирии. Да и во всем остальном, что возникало и оформлялось в египетской науке, искусстве, религии, проявляется немало чисто восточных элементов.

Вся мусульманская архитектура Каира — свидетельство того, что мусульманские мастера и строители, опираясь на образцы коптского искусства, выработали свой стиль арабесок. Наиболее ярко это проявилось в резьбе по дереву, которой украшались окна, балконы, галереи. Да и украшения в мечетях — дело рук коптских мастеров. А кое-где даже христианский крест затесался в какую-нибудь резную вставку то ли по оплошности, то ли по привычке. В изготовлении тканей, обработке шерсти и кожи коптам принадлежит пальма первенства; от них эту технику переняли арабы.

Доктор Пагор Лабиб допускает, что, возможно, коптские художники и мастера и не дали миру ни одного Фидия или Праксителя, но тем не менее они «были лучшими мастерами своего времени». При этом он не утверждает, что копты были лучшими мастерами своего времени в Египте, и эта недомолвка весьма красноречива.

Абдалла бен Язия в своей хронике строительства мечети пророка Валида I пишет следующее: «Копты трудились над фасадом, греки — над всем, кроме крыши, над боковыми и задними стенами мечети. Я слышал, как в Саиде бен эль-Музай говорилось, будто бы работа коптов оказалась самой искусной».

Коптское искусство — это искусство ремесленников. Культура коптов как потомков египтян времен фараонов находилась уже на неизмеримо высоком уровне развития. В новом арабском и арабизированном смешанном обществе копты составляли сословие ремесленников — часовщиков, золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, портных, ткачей, вышивальщиков. Кроме того, из коптской среды выходили писари, счетоводы, нотариусы, библиотекари. Даже так называемые

«греческие отцы», питомцы школы Александрийской библиотеки, были коптами, хотя и писали на классическом греческом языке.

Коптскому искусству совершенно чуждо тщеславие. С самого начала оно носило коллективный и совершенно анонимный характер. Мы не можем утверждать, что все художественное творчество коптов на протяжении нескольких столетий представляет собою лишь ремесленную разработку византийских образцов из скульптурных мастерских в Проконзе, и все же у нас создалось впечатление, что коптское искусство гораздо больше тяготеет к греческим и византийским образцам, чем к египетской традиции. Между историками искусства уже давно идет неразрешенный спор: является ли коптское искусство искусством национальным, искусством определенного периода в развитии Египта, или, напротив, оно настолько связано с христианством, что его нужно считать искусством только христианским, вненациональным, т. е. всеобщим.

В любой статье, посвященной коптскому искусству, подчеркивается его ремесленный характер, оно классифицируется как искусство, отвечавшее вкусам купцов и судовладельцев Александрии, где божествами были деньги и роскошь. Этот ремесленный характер коптского искусства, служащего на потребу заказчикам, отчетливее всего заметен у самых его истоков — при изготовлении посмертных масок. Коптские художники, работавшие впрок или по заказу, сохранили для нас облик египтян II и III века. Родственники покойника выбирали в мастерских маску, имевшую сходство с лицом умершего. Это заставляло художников брать для посмертных масок какие-то средние типажи, таким образом увековечивая характерные национальные черты. Творчество это было в высшей степени реалистичным, поскольку маски изготовлялись с натуры, причем чаще всего натурщиками были люди из народа, ибо только среди них находились желающие позировать.

Вскоре вошло в привычку рисовать настоящие портреты еще при жизни человека. Заказчики позировали коптскому художнику-портретисту, находясь в расцвете сил, и затем прятали свой портрет, который впослед-

ствии клали в гроб. Иногда родственники приглашали мастера к смертному одру, так же как, скажем, позднее призывали священника, а сейчас — врача. Выражение лица умирающего, глаза, полные страха перед смертью, болезненный, угасший, подавленный взор — все это стало характерной чертой коптских портретов египтян вплоть до времен Марка Аврелия.

Нам, пражанам, пожалуй, ближе в искусстве коптов кружево их скульптур, каменная резьба барельефов и капителей, местами достигающая совершенства серебряной чеканки, чтобы вслед за этим смениться примитивными фигурками из известняка наподобие пряничных. Вы спрашиваете почему? Доктор Пагор Лабиб тоже задавал этот вопрос. И я знаю, что проницательные ученые, знатоки и облеченные доверием специалисты, занимающиеся историей и художественными стилями, наверняка скажут мне, что я пускаюсь в бессмысленные сравнения, которые не только не обоснованы и необъяснимы, но противоречат здравому смыслу и свидетельствуют о моей глубокой необразованности. Пусть будет так! И все же в коптской скульптуре я вижу и чувствую бесспорное очарование чешского барокко. Или, допустим, я перебарщиваю — барокко вообще. Можно подумать, что именно этот стиль лег в основу первых куполообразных коптских строений, а обилие лепных украшений в виде различных фигур, животных, цветов, гроздьев и раковин оживляет их.

Использование коптами известняка — а копты никогда не прибегали к граниту и очень редко к мрамору — придавало украшениям мягкость, а скульптуре взволнованность и негу, темпераментность и легкость, греховность и искренность. Это вело искусство коптов от классически холодного совершенства к жизненной правдивости. В коптской скульптуре математика и геометрия превращаются в музыку. Эта скульптура вся пронизана затаенной и какой-то невысказанной греховностью.

Главная особенность коптской скульптуры — глубоко вырезанный рельеф. Настолько глубоко, что фигуры или орнамент окружены широким простором, где фон тонет в таинственном мраке. Архитектурные украшения получают тем самым — особенно в пронизанном

солнцем Египте — выразительную черно-белую окраску. Благодаря глухому темному фону и ритмическому чередованию тени и света ажурные коптские рельефы достигают подлинно гармонического эффекта. Впрочем, свет, как средство создания скульптуры, играл для коптских мастеров гораздо меньшую роль, чем тень, в основном, из-за резкой освещенности окружающей обстановки. Другое дело — тени! Сколько загадочности таит мрак! Какой чувственной становится материя! Сколько диковинных растений! Сколько идей, родственных барокко, заключено в такой скульптуре.

Христианство проникает в коптское искусство постепенно. Языческие и мифологические элементы оно вытесняет очень медленно. В течение столетий святые мирно сосуществуют с кентаврами, а Иисус — с nereидами. Местами трансформация настолько незаметна, что трудно точно сказать, идет ли речь об Исиде или о Мадонне. Или, скажем, святой Георгий имеет голову Гора — бога Солнца — и пронзает дракона, весьма похожего на нильского крокодила.

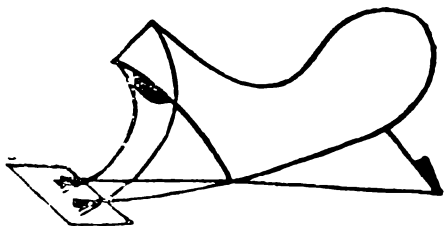
Крест появляется в коптском искусстве вначале как чисто декоративный элемент, а не как религиозный символ. Пройдет еще много времени, пока, наконец, христианская символика поглотит символику языческую. Крест несет и Аполлон, и Юпитер, и богиня неба Хатор, а на неприличных картинках рядом с вакханками и Паном можно увидеть лицо Спасителя. Крест, как выразительный элемент структуры, встречается в коптском искусстве всюду: не только в узорах, в решетках, в вышивках, на каменных перилах, фризах, дверных филенках, но и на мордах каменных львов, пестиках и рыльцах каменных цветков, на спинках стульев, на плитках мостовых и в ваннах.

«Обратите внимание, — говорит нам доктор Лабиб, — что изображение Христа, который является для коптской церкви только богом, поскольку его человеческая сущность ею полностью отрицается, — весьма неопределенно. Иногда он старый, бородатый, как, скажем, Бог-отец или Моисей, а иногда молодой, безбородый с длинными волосами. Коптское искусство несовершенно, но к чему приводит совершенство? К нормативному искусству. Изображение Христа становится штампом.

А у коптских мастеров оно еще отмечено печатью поисков».

Проходя через музейные залы коптской коллекции, мы постепенно осознавали, что попали в эпоху, которая привлекает с такой силой благодаря своей недостаточной документации и недостаточной исторической достоверности сообщений о ней. Коптская эпоха растягивается на несколько столетий и достигает расцвета в период крещения Египта, как раз в то время, когда мою родину стали заселять чехи, от царства Само до Великоморавского государства.

Профессор Азиз Суриал Атиа пишет с упреком, что «в наши дни люди, вспоминая о Египте, имеют в виду лишь Древний Египет с его пирамидами и затем сразу же перескакивают к мусульманскому периоду, представленному лесом каирских минаретов. А ведь между этими двумя крайностями существует скромный мост. И мост этот проложен не через долину тьмы, где в полном забвении обитают копты, а наоборот, это время можно считать одним из самых светлых периодов в национальной истории Египта».

О МУСУЛЬМАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Попадая в мусульманский мир, я всегда испытываю такое чувство, будто листаю страницы истории шиворот-навыворот, точно перед моими глазами отражение в зеркале или я читаю текст сквозь прозрачную бумагу вверх тормашками, задом-наперед, короче говоря, поставленный с ног на голову.

К первым памятникам мусульманской архитектуры относится мечеть Амра, построенная в 642 году. Ее нынешний вид весьма далек от древнего оригинала.

Архитектура — это основа основ мусульманской культуры вообще. О развитии мусульманского стиля красочно рассказывает богатая коллекция Музея мусульманского искусства на площади Баб эль-Халк, в котором хранится более шестидесяти тысяч экспонатов — изделия из дерева, металла, керамики, стекла, ткани и ценнейшие книги.

На южном мысе острова Рода, где сады купаются в Ниле, возвышается арабский нилометр VIII века. Он гораздо моложе асуанского нилометра Древнего Египта, который все еще с каменной невозмутимостью убежден в том, что он измеряет уровень воды, хотя в действительности уровень воды теперь полностью зависит от

положения затворов плотины. И упомянутый арабский нилометр давно перестал измерять уровень разливов Нила. Из восьмистенного колодца торчит колонна, испещренная древним куфическим орнаментальным письмом, но она уже ничего не измеряет. Новый век протянул здесь набережные и отрегулировал уровень воды в реке. Но нилометр остался как немое свидетельство древней культуры долины Нила.

На Дарб эль-Лаббан, улице художников, стоит невзрачный домишко под номером 4. О нем редко упоминают в путеводителях, хотя он представляет собой типичное жилище мамлюков. Расписной потолок, выложенный мрамором дворик с фонтанами и деревянными резными эркерами, ставни и вся обстановка хранят и поныне атмосферу роскоши, характерной для мусульманской архитектуры шестнадцатого века. Управляющий музеем и хозяин лавки сувениров говорит по-русски. Как странно беседовать на русском языке о народном искусстве египетских деревень!

Другой такой дом в одном из районов Каира — Эль-Сехеми — поражает классическим расположением арабских бань, салонов, спален и гаремов с ароматными фонтанами. В семнадцатом веке это было самое благоустроенное здание в городе. Застекленный в современном стиле фасад, тенистая аркада и резные решетки дают законченное представление о высокой культуре строительства, которая в мечетях переросла в монументальность, иначе говоря, непомерно разрослась. Огромное впечатление производят особняки мусульман, их интерьеры далеко опережают достижения архитектуры того времени. Пристрастие к баням свидетельствует о чистоплотности, порожденной, вероятно, царящей здесь летом жарой. Во всех домах зажиточных горожан огромное внимание уделяется устройству бань, ванн и системы отопления.

Мы промчались со скоростью реактивного самолета по дворцам последних египетских царей: Фуада и Фарука (которого революция изгнала из страны) в Монтаза и Рас эт-Тин в Александрии. Королевский павильон в Гизе, королевский дворец в Каире... и всюду мы наталкивались на безвкусицу поистине царскую. В шкафу хранились тридцать четыре мундира на все

случаи жизни. На столе радиоприемник в бутылке от пепси-кола. Сейф в виде иллюминатора. Золотая статуя индейца с бизоном. Зажигалка в форме пистолета. Телефонный аппарат горохового цвета. Кресло на пяти ножках, ибо под тяжестью Фарука ломалась мебель. Он весил 130 килограммов. Веер из павлиньих перьев. Хлыст садиста. И к нашему удивлению, за стеклянной витриной рядом с двадцатью пульверизаторами для духов — изящные хромированные личные королевские щипцы для завивки волос. Великолепное скопище безвкусицы. Этот человек владел шестьюстами личными автомашинами, двумя яхтами, четырьмя дворцами, двумя летними и двумя зимними и двадцатью разбросанными по всей стране домиками для любовных утех. Я потому так подробно рассказываю об этой незначительной личности, что во всех его резиденциях имелись роскошные ваннные комнаты, комфортабельные и оформленные с большим вкусом. Ониксовая лепка на стенах из египетского алебастра, пронизанная боковым светом, мраморный пол, отапливаемый снизу. В полу вместительная ванна с медными поручнями, с сиденьем под водой и над водой. Уголок с душем, разбрызгивающим воду сверху, сбоку и снизу. Уголок для бритья. В смежной комнате салон для отдыха и сна. Зал для массажа. Туалет и писсуар. Сушилка для полотенец и увешенная зеркалами комната для одевания. Даже половины всего этого великолепия хватило бы на два десятка человек. Но нас поразили не столько условия жизни королей, сколько вполне современный уровень и комфорт, противоречащий оргиям безвкусицы.

Мы вышли из королевской резиденции в сад с экзотическими цветами, рядами кактусов и клумбами пышных пестрых растений. Да, об одном я чуть было не забыл. О невероятно высокой культуре садовой архитектуры. В каждом крохотном кусочке земли строго продуманное очарование. Закономерное сочетание красок и пространства.

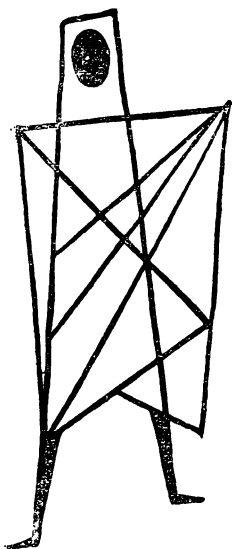
Это произошло под вечер, около шести часов 26 июля 1952 года, когда председатель революционного правительства Али Махер увидел, что королевская яхта «Махрус» снялась с якоря в Александрийском королевском порту. В круглом салоне на черном столе с:

мраморной инкрустацией лежал документ, в котором говорилось, что король Фарук отрекается от трона. Чрезвычайно вежливая ликвидация царства упадка и безвкусицы. На всех отрывных календарях, которые у короля Фарука висели повсюду, для наследников революции сохранилась дата — 26 июня 1952 года, как память о конце одной из эпох египетской истории.

И тут я обнаружил, что не в состоянии прочитать дату, что арабские цифры совершенно иные, а не те, которые мы считаем арабскими, ибо они... действительно арабские

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	۲	۳	۴	۵	۶	۷	۸	۹

САМАЯ ДРЕВНЯЯ ЖИВОПИСЬ МИРА

Лодка переправила нас на западный берег Нила, в царство смерти. Через некоторое время мы оказались в ущелье, похожем на громадную каменоломню. Горы камня и кучи щебня высились вдоль извилистого дна долины. Когда машина остановилась, мы почувствовали, как у нас в голове закипают мозги и рубашка мокрым пластырем прилипает к телу. Это выжженное, безотрадное и извилистое, как внутреннее ухо, ущелье с каждым поворотом закрывало за нами круги чистилища, откуда нет возврата. Мы попытались взобраться на скалу — и голова закружилась от обрывов и нагромождения скал, рассеченных судорожными гримасами расселин, впадин и ям. Нигде ни травинки, ни птицы. Только камень и зной. Лишь то тут, то там песчаные ящерицы. И, очевидно, змеи. И у этой-то долины гордое и пышное название — Долина царей.

Здесь прославленные цари Древнего Египта приказывали хоронить себя вместе со всем своим богатством и роскошью в искусно украшенных гробницах. Вход в гробницу замуровывался и тщательно маскировался каменными глыбами и щебнем. Предусмотрительно были расставлены ловушки: фальшивые, никуда не веду-

щие коридоры, глубокие, многометровые шахты. Они должны были заманить грабителей и направить их безудержную алчность на поиски хода, который кончался тупиком. Своего рода капкан для разбойников, появление которых заранее предвидели. Тем не менее в соседних селениях веками передавали из рода в род тайну гробниц и мало-помалу грабили их сокровищницы.

Некогда, в эпоху царей, тела которых были замурованы в извилистых, красочно оформленных лабиринтах зал и коридоров, здесь находились целые казармы для стражи, мастерские каменотесов, ателье живописцев и скульпторов и бесчисленные помещения прихлебателей — жрецов Амона. Тутмос I завел обычай устраивать погребения в глухих скалах, куда вход был закрыт навеки. И хотя совершенно ясно, что угроза закончить жизнь в петле или попасть в ад за осквернение святыни была весьма реальна и жестока, все же почти с самого начала правления XX династии вспыхнула настоящая эпидемия разграбления гробниц. Почти сорок веков пребывала в неизвестности древнейшая культура, о которой знали лишь грабители.

Наш замечательный гид, египетский египтолог, водил нас от гробницы к гробнице и, точно чернокнижник при помощи заклинания, открывал перед нами скалы. Гробница Сети I, Аменхотепа II, целые ряды гробниц династий Рамсесов, Харемхеев и одна из последних находок — гробница Тутанхамона.

Пять лет искал Говард Картер гробницу этого восемнадцатилетнего царя, пока однажды 5 ноября 1922 года не остановился у замурованной двери, которая вела к крупнейшей из найденных сокровищниц Древнего Египта. К такому количеству культурных памятников, что даже целого крыла Каирского музея не хватило для их размещения.

Я не собираюсь описывать все эти сокровища, но уверяю вас, что они производят ошеломляющее впечатление на человека двадцатого века, увидевшего воочию, каких невероятных вершин достигла египетская цивилизация три с половиной тысячи лет назад. Начиная с мебели из гнутого дерева и кончая древнейшей пневматикой; от светильников, перчаток, посуды и утвари до оружия; от музыкальных инструментов и туалет-

Перевоз в Луксоре

ных принадлежностей, бутылок и рюмок, кресел и носилок до лодок и шкатулок с драгоценностями, и ящиков для золотого саркофага с мумией царя Тутанхамона.

Но царские гробницы заинтересовали меня прежде всего потому, что это в сущности обширные, крупнейшие в мире картинные галереи древней живописи. Сейчас роспись некоторых стен стала доступна широкой публике благодаря цветной фотографии и репродукциям, а еще совсем недавно существовали лишь альбомы трогательно верных акварельных копий госпожи Дэвис, которая всю свою жизнь посвятила копированию этих изумительных произведений искусства. Но по-настоящему увидеть их во всем величии и взаимосвязи можно только на месте. В Египте, в Луксоре.

Это фрески, исполненные по большей части на тонком слое сглаженного грунта, иногда с примесью мелко нарубленной соломы, или на твердой орнаментальной штукатурке. Все краски, включая несколько потускневшую от времени зеленую, девственной чистоты. И только иногда, в виде исключения, они покрыты тоненьким слоем лака, который большей частью пожелтел и потуск-

нел. Контуры, намеченные помощниками живописца красным цветом и подправленные мастером черным, характеризуют индивидуальный стиль отдельных школ. Одна и та же цветовая палитра.

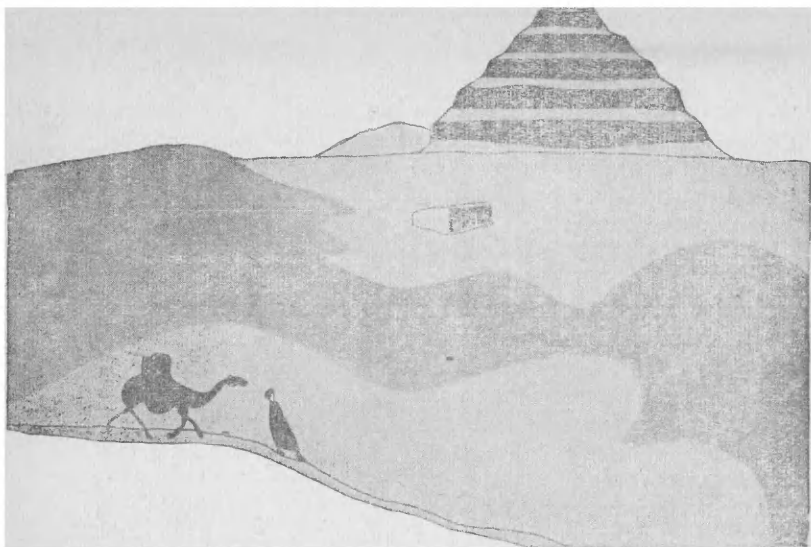
Но существовали ли вообще в Древнем Египте какие-нибудь школы живописи или художественные направления? Продолжали ли художники Нового царства традиции, завещанные Древним царством? Были ли заметны здесь религиозные влияния? Можно ли отличить египетских эпигонов от мастеров?

Вероятно, бессмысленно искать различие между отдельными произведениями, поскольку бесчисленные религиозные каноны связывали руки художников, но нельзя отделаться от впечатления, что здесь существовали малопонятные для нас стили и их развитие шло не так уж гладко. Однако каноны религиозной живописи были консервативны и неумолимы. Наверняка и здесь не обошлось без еретиков и бунтовщиков. Не говоря уже о революции против «академической» школы, революции, поддержанной Эхнатоном, и об отлученной от церкви школы эль-амарнского реализма.

Основной закон древнеегипетской живописи предписывал рисовать лицо в профиль, а всю фигуру — в фас. Второй закон повелевал основную фигуру — царя или бога — изображать более крупным планом, чем остальных. Нить действия развивалась поясами, без точного указания на начало событий. В сущности вся египетская живопись носила декоративный характер. Она была прикладным искусством, но этот факт не сразу осознаешь.

Драматические сцены на стенах гробницы Сети I, показывающие путь ладьи бога Солнца на темно-синем фоне звездного неба через мрак ночи, — такая же самостоятельная фреска, как любая фреска Сикстинской капеллы или итальянских кафедральных соборов. Впрочем, как и некоторые буколические сцены, поэтические пасторали, эпизоды из охоты, пронизанны светом и полны солнца. Полны правды.

Просто трудно себе представить, что вся эта живопись во имя загробной жизни, что она связана со смертью. Конечно, и дворцы царей богато украшались росписью, однако от прошлых культур сохранилось боль-

Самая древняя ступенчатая пирамида Джосера в Саккаре

ше гробниц, чем колыбелей, поскольку на другой же день после тронной речи первой заботой правителя были гробницы и саркофаг. В течение краткого периода своего царствования каждый правитель старался подготовить роскошное, комфортабельное и сухое помещение для вечной жизни. Это желание иметь сухое загробное жилище для своей мумии свидетельствовало о большой предусмотрительности. В сухой пещере создавался климат, при котором мумия сохранялась лучше, чем в любом музейном помещении с регулируемой температурой. Вот так и получилось, что до наших дней дошли тысячи квадратных метров настенной живописи в бесчисленных гробницах царей, их чиновников и даже слуг. Крупнейшие находки были обнаружены в Фивах — в Долине царей, Дейр-эль-Медина, Шейх Абд эль-Курна и других районах, расположенных около Карнака и Луксора, на противоположном берегу реки.

Имена художников остались неизвестны. Они не ставили подписей. Многие из них лишь покрывали краской намеченные мастером контуры, и их мастерство находилось на уровне обычного безымянного ремесленничества. Но все же два имени до нас дошло.

Один из художников — Имхотеп, первый министр, придворный врач и архитектор царя III династии Неферерхета, получившего позже имя Джосер. Имхотеп возвел семиступенчатую пирамиду в Саккара — древнейшую каменную пирамиду. Это было около 2778 года до нашей эры. Имхотеп был человеком большого размаха и для своего времени исключительно прогрессивным. Созданный по его плану город мертвых в Саккаре, раскинувшийся на площади в 15 гектаров, до сих пор остается шедевром. С мастерством тонко чувствующего художника-урбаниста он сумел связать пространство и размеры в единое монументальное целое и избежал громоздких форм, присущих более поздней эпохе. Впрочем, настоящий художник не может быть несовременным. Невозможно быть художником и не идти впереди своей эпохи, не быть прогрессивнее того, кто приказал строить, — царя. Прогрессивность — качество столь же древнее, как и представление человека о прекрасном. Эти два понятия неотделимы.

Здесь же, в Саккаре, некогда стояла одна из древнейших статуй царя, копию которой можно увидеть через глазок в стене. Оригинал находится в Каирском музее. Двор для торжественных церемоний, храмы и часовни с большим чувством меры восстановлены, и творение Имхотепа по праву занимает одно из первых мест среди других великих творений искусства. К слову сказать, еще в 1300 году до нашей эры пятнадцать столетий спустя после создания пирамиды, некий восторженный турист начертал на стене небольшой часовни иератическими письменами, что архитектура Имхотепа ему очень понравилась.

Нам известно имя и другого художника — Амену-ахсу. Он покрыл росписью свою будущую гробницу около 1300 года до нашей эры.

В Древнем Египте живописцев называли «писцами контуров». Само название довольно убедительно говорит о том, что живописец возглавлял группу рабочих или ремесленников, которые выполняли его задания по росписи гробниц. Чем знатнее был заказчик, тем больше был связан живописец религиозными канонами. Поэтому роспись гробниц менее знатных лиц интереснее: она дает более достоверное представление о быте того

времени и отличается свободой композиций, смелостью красок и вольностью линий.

Гробниц, где имеются богатейшие образцы египетской живописи, сейчас уже насчитывается более четырехсот. Мы побывали в некоторых из них. К одной мы подъехали прямо от большого прислонившегося к скале храма царицы Хатшепсут. Не помню уж точно, как это произошло, но некий восторженный фанатик египтологии, чрезвычайно любезный инспектор Службы древностей в Долине царей, в разгар дикого полуденного зноя буквально завладел душой и телом двух наших чехословацких египтологов и прямо из храма царицы увлек их неизвестно куда, к каким-то самым новейшим раскопкам (только для посвященных). А мы еще некоторое время бродили по террасам и пандусам добела раскаленного каменного храма, в раскрытых объятиях гор, перпендикулярно вздымающихся над колоннадой и придающих монументальность архитектуре.

Строитель храма царицы Хатшепсут царский архитектор Сенмут сделал вклад во всю европейскую культуру. В те далекие времена, когда возводилось бессмертное творение, здесь жили львы и страусы, река кишела крокодилами. В Асуане, несколькими километрами южнее, разгуливали дикие слоны, и в реке водились бегемоты. Короче говоря, этот уголок земли отнюдь не блистал цивилизацией.

Царица Хатшепсут, дочь Тутмоса I, была одной из немногих египетских правительниц. Судя по скульптуре, это красивая рослая женщина с маленькой грудью. Взойдя на трон, она решила носить фальшивую бороду. На всех памятниках, надгробиях и обелисках того времени ее имя умышленно стерто или вырублено — так ей мстили за то, что женщина осмелилась властвовать над мужчиной. Ее храм был частично разобран и по кускам увезен на строительство крепостных стен в Карнаке. Но и у лукавой истории есть свои периоды справедливости. Теперь Служба древностей, разбираясь в древней головоломке, терпеливо выбирает из крепостных стен камень за камнем и переносит их на большое свободное пространство, где великолепные барельефы, украшающие камень, складываются один возле другого. Вероятно, через несколько месяцев или десятилетий

здесь вновь вырастет храм царицы во всем своем первоначальном великолепии.

Рельефные украшения на камне изображают и фигуры древнеегипетского танца. Хрупкие обнаженные танцовщицы под аккомпанемент струнных инструментов, бубнов и флейт образуют в определенной последовательности какие-то ритмические подвижные комбинации; здесь и «мостик» и «круг». Сейчас уже собраны девять десятых всех украшенных рельефами плит из главного зала. Этот египетский ребус пока еще окутан тайной.

В храме можно кое-что узнать об эпохе правления Хатшепсут. Здесь, например, высечен целый гербарий. Ботанический сад в камне. Точно представлены все растения, лекарственные травы и благовонные деревья, которые доставила сюда экспедиция царицы из сомалийского Пунта. Хатшепсут пыталась акклиматизировать в Египте тропические растения. Правда, мы не знаем, успешно или нет. Только в гробнице Тутанхамона обнаружили побег лекарственного дерева, которое в нынешнем Египте уже не найдешь. Какими только сведениями не испещрена стена храма, словно газета — маленькими информациями со всего света. Здесь указания, советы, наставления и просто беседы.

Славная и поныне, неутомимая царица Хатшепсут выбрала для своего храма каменное подножие, где от пышущего зноя лопаются термометры.

Еще и сейчас к стене храма приходят несчастные в супружестве женщины. Они с молитвой проводят царапины на стене, веря в то, что боги даруют силу их мужьям и они будут иметь детей.

Мы сели в накалившиеся, как сковородки, машины и отправились к другим могилам. Там, в гробницах, — прохлада. А на стенах искусно запечатлены события. Небольшие гробницы в форме буквы «Г» с нишей для маленькой скульптуры усопшего вырублены в склоне горы, обращенной к реке. Это гробницы экономов, управляющих зернохранилищами, землемеров, визирей, писцов, советников, младших советников, генеральных советников, генералов, учителей, офицеров и ремесленников.

Стены гробниц расписаны сценами из жизни усопших, причем с той поэтической простотой и богатством

красок, которые составляют основное очарование всех великих эпох живописи.

Мы вошли в гробницу астронома и надсмотрщика царских закров, некоего господина Нахта, что в переводе означает «сильный». Этот человек любил вкусно поесть и попить, любил музыку и танцы. Его работа на полях во время жатвы изображена как веселое занятие в атмосфере благодушия и довольства. Здесь и пейзажи с деревьями, дорогами и виноградниками. Жатва в полном разгаре. Вы видите господина Нахта на рыбной ловле или во время охоты на диких уток. Видите женщин из его семьи в прозрачных дорогах покрывалах, танцующих под музыку слепого арфиста. Глаза арфиста не закрыты, но он слепой, и вы определяете это с первого взгляда.

Просто поразительно, что уже три с половиной тысячи лет назад художники изображали действительность в стиле своей эпохи. Они были в полном смысле современными художниками.

Некий англичанин, нашедший гробницу Нахта, похитил статую и, сгорая от нетерпения, увез ее в Англию прямо в разгар мировой войны. Когда корабль приближался к Гибралтару, его потопила немецкая подводная лодка, и скульптура Нахта, управляющего царскими закромами и талантливого астронома, исчезла в морской пучине на веки веков.

Немало здесь рисунков, имеющих не только большую художественную, но и познавательную ценность. Например, вы видите весь процесс производства вина. Охоту с сетями на птиц. Охоту на диких болотных птиц с остроугольным бумерангом. Пирры с изображением яств и цветов. Увенчанные лотосами колонны. Лотосы на блюдах. Лотосы в волосах пирующих. Встречаются и натюрморты.

От этих натюрмортов с великолепными рисунками и рельефами Египта пришли бы в восторг даже любители современного искусства, ибо они, пожалуй, не уступят роскошным натюрмортам Жоржа Брака * или Пабло Пикассо. И мне кажется, что свобода в расстановке

---

* Брак Жорж (род. 1882) — французский художник, один из основоположников кубизма.

Современный натюрморт четырехтысячелетней давности.

блюда, фруктов, рыбы, овощей (блюда разнообразной формы в виде призм и цилиндров, овальные и остроугольные) гораздо привлекательнее и смелее, чем это позволяли себе мастера натюрмортов позднейших времен, ну, скажем, от фовистов* до наших дней. К тому же живопись Египта так богата и охватывает столь длительный период, что и по сей день в трактатах, статьях, очерках и книгах — а в Германии даже в многотомных изданиях — продолжают писать о натюрморте, интерьере, о моде, прическах или птицах, фруктах и искусстве плетения корзин. В Древнем Египте, не испытывая недостатка в богатом иллюстративном материале. Ибо этот краткий период продолжался столько же, сколько длилась история чешской живописи от иконописи четырнадцатого века до начала двадцатого века. Обычно за такой срок искусство проходит бурный период развития и переживает не одну революцию.

Скульптурные натюрморты, застывшие в тонком рельефе на стенах гробниц, мастаб, храмов и на закругленной поверхности колонн, очаровательны и образуют единое целое. В натюрмортах чувствуется нечто вроде музыкального ритма благодаря повторению и чередо-

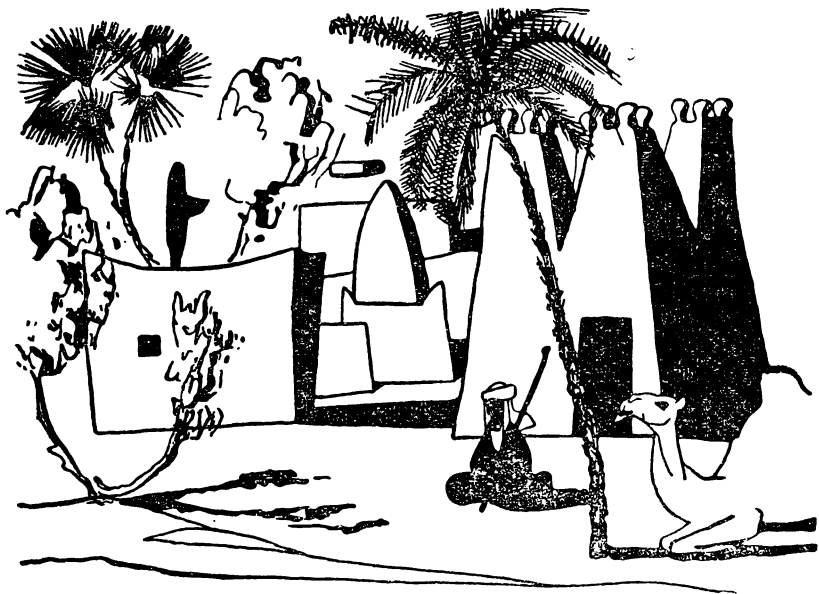
* Художники, представляющие формалистическое течение в современной западной живописи.

ванию цветовых гамм, грубой массы и тончайшего рисунка. Здесь виноградные гроздья, фиги и зеленые продолговатые дыни уложены вперемежку с рыбами, утками, утиными яйцами и плетенками с гранатами. Колонны беседок и корзины увиты лотосом. Носильщики подносят все новые и новые связки дичи и рыбы, замысловато связанные гранаты и другие фрукты. Охота на птиц в болотах, ловля рыбы, стилизованная рябоватая водная поверхность, заросли папируса и тростника, полные птичьих гнезд и мелких зверюшек, — все это в сущности тоже натюрморты, как в гробнице Мени, так и в более поздней — Усерхета. Любопытно, что египетские натюрморты несколько не напоминают ни позднейшие детали помпейских фресок, ни углы на заднем плане полотен готических мастеров, ни изобилие на картинах голландцев. Впрочем, иногда напрашивается сравнение с позднейшей итальянской и византийской мозаикой, но, пожалуй, по своему внутреннему родству, а порой даже и по художественной манере они ближе всего современным натюрмортам. По цветовой гамме — с основным золотисто-коричневым тоном в гробнице Мени, зеленовато-голубым или сероватым, как у Брака, — эта живопись поистине современна и близка нашей высоко цивилизованной эпохе.

В гробнице Харемхеба можно восхищаться непосредственностью и художественной выразительностью в изображении кузнечика, голубя или пеликана, любоваться сбором винограда и другими сценами, которые воспринимаешь, как тончайший, мастерски исполненный эскиз.

В структуре натюрморта, бесспорно, сохраняется тот же самый — очевидно бессознательно ощущаемый самим живописцем — порядок, что и в письменах: нарисованных или высеченных и раскрашенных иероглифах. Натюрморты впечатляют знанием природы и глубоким реализмом, а «пчелы» или «утки» из иероглифического письма несколько не уступают очаровательно раскрашенным утятам из мастабы Итет в Медуме (2700 год до нашей эры). Не уступают ни по строгости форм, ни по верности оригиналу.

Царские гробницы, как и гробницы простых людей, представляют ряд маленьких подвальных картин-

Девочка на крыше играет в камешки

ных галерей, большей частью замурованных в стенах, почти не разрушенных временем.

Иногда в прошлом гробницы использовались для жилья, а в некоторых живут и теперь. Вполне понятно, что в последних стенная живопись сильно повреждена или уничтожена. Есть гробницы, где в эпоху христианства жили монахи, которые из лицемерного стыда или боязни греховных видений замазали грязью груди и бедра женских фигур. Другие, более дотошные, вырубили из стены целые куски, где их чересчур возбуждали прелести древних египтянок.

Обитаемые и поныне гробницы еще в давние времена безнадежно закоптили и разрушили. Теперь над каменной плитой у входа зачастую висит детское белье, а в том месте, где некогда покоилась набальзамированная мумия какого-нибудь фараонского пивовара, старшего мельника или сыщика, молодая мать кормит ребенка. На дворике возвышаются причудливые, неестественной величины сооружения из глины, похожие на корзины или на неуклюжие скульптуры. Это амбары

для зерна и постели в жаркую летнюю ночь, когда приходится спастись от скорпионов. В эти каменные грибы взбираются по лестничке. Помещение столь мало, что спать можно только в сидячем положении.

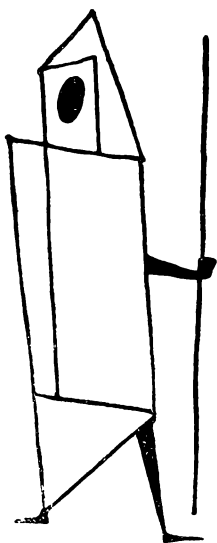
От широко раскинувшейся деревни (точно домики кто-то испугал и они разбежались во все стороны) движется черная фигура из классической трагедии. Да, нам, поверхностно образованным средневропейцам, она совершенно определенно показалась Электрой, с печатью грусти на лице. На голове она несет медный кувшин, сверкающий под полуденным солнцем. За ней трусит ослик. А позади на фоне песчаной и каменной пустыни горланит, звенит, поет и барабанит деревенская свадебная процессия на двух облезлых верблюдах. Под развесистой смоковницей на крыше глиняного дома черная девчушка играет в камешки. Водяное колесо, которое с покорным упорством вертит буйвол, черпает в жаркий, раскаленный полдень прохладную прозрачную воду, растекающуюся затем мутными струйками по полям. Нубийский мальчик, совершенно голый, стоит у колеса и пронзительно тянет свою песенку.

В роще у храма Рамсеса вспыхнула драка между драгоманам. Они тузят друг друга палками и, очевидно, бранятся, а впрочем, может быть, это всего-навсего мирная беседа соседей. Трудно об этом судить человеку, не знакомому с нравами и обычаями Древнего Египта, поскольку — и в этом никто из нас не сомневается — то, что происходит перед нашими глазами, — это сцена из эпохи наследных распрей за трон царицы Хатшепсут. А вот это не кто иной, как сам управляющий недвижимым имуществом Тутмоса IV — Мени, примчался в облаке пыли. Это человек весьма справедливый, и поэтому он приказал нарисовать на своей будущей гробнице сценки, изображающие, как он обнаженный, маленький и смиренный предстает перед Осирисом. Тот — бог бюрократии, писцов и судей, взвешивает его сердце и проверяет учетную книгу жизни Мени, которая велась строго, ибо предназначалась для вечности. Сердце Мени весит больше его мелких хищений, богохульств и прелюбодеяний. Это страшно наивно, но Мени — человек, который верит в двойную бух-

галлерию и два раза меряет по установленному государством локтю. И даже тот факт, что прибыл не Мени, а просто-напросто шофер Службы древностей, не рассеял нашей уверенности, что все, что мы видим, уже происходило когда-то в эпоху царей.

Храм Рамсеса III, где с главного пилона нас обляла сероглазая овчарка, похож на все остальные храмы, только он почти не тронут. Похищены лишь статуи и некоторые колонны. Но как? Вот этого я не могу себе представить, ибо, судя по остаткам и осколкам, это были многотонные глыбы. Вероятно, в прежние времена грабители были куда сильнее, и их средства грабежа вполне соответствовали весу приглянувшейся добычи. У стены главных ворот стояли в ряд семнадцать базальтовых Рамсесов. Для прохода оставался лишь узкий коридорчик, точно в коридоре гостиницы, где вечером перед дверью застыли семнадцать пар черных туфель и полуботинок.

Возвращаясь с западного берега на восточный, мы спугнули стаю цапель и журавлей. И я подумал о молодых египетских художниках и о том пути, который им еще нужно проделать, прежде чем их живопись станет столь же современной, как древнейшая живопись мира.

ИЕРОГЛИФЫ ИЛИ САМЫЙ СТАРЫЙ ЕГИПТОЛОГ МИРА

У меня такое впечатление, что ни одна наука о развитии письменности не интересуется ее изобразительной стороной — красотой, изяществом, вкусом или чувством меры при размещении на плоскости. Просто поразительно, насколько законченным художественным произведением с точки зрения графики кажутся древнейшие письма — это относится и к прандийским иероглифам в Мохенджо-Даро, и к шумерской клинописи в Лагаше, и к египетской додинастической палетке Нармеры, и к хранящемуся в парижском Лувре надгробию царя Джета эпохи I династии.

Пиктографы или петроглифы развились в идеограммы, а затем, по мере роста культуры, в письма. Первые разгаданные письма, встречающиеся на бесчисленных древних памятниках, — это египетские «божественные слова» *mdw ntr*, т. е. иероглифы. Немногие умели их читать и тем более писать, вернее, высекать или вырубать на камне, рассказывая таким образом о тех или иных событиях. Это было привилегией жрецов и узкого круга образованных людей Древнего Египта. Но одно достоверно: эти необычайно изящные памятники иероглифической письменности относятся к до-

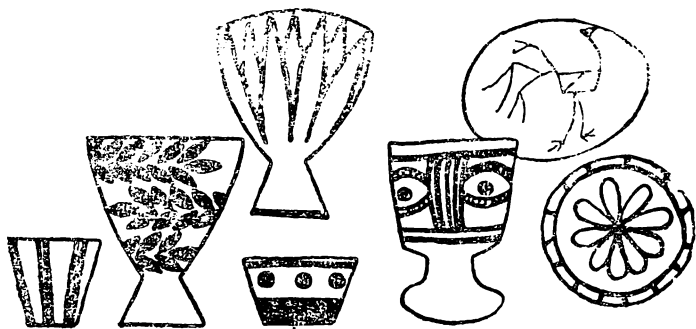
династической эпохе, т. е. примерно к 3200 годам до нашей эры. Они свидетельствуют о высокоразвитом художественном вкусе. Я имею в виду размещение формы в пространстве, чему в сущности никогда не научишься и что надо просто чувствовать. Здесь дело не в симметрии, не в золотом сечении, а в правильно найденном соотношении прямых и кривых линий, массы и пустого пространства, света и тени, в чередовании размеров и в целом ряде того волшебства и чар, которыми владеют графики и знатоки письменности. Например, рамочки, овальные прямоугольники с именами царей, обнаруженные почти на всех памятниках, представляют образцы весьма замысловатого графического оформления. Я рискну утверждать, что предназначенные для написания имен царей знаки выбирались с таким расчетом, чтобы соответствовать всему стилю надписи, и не только повествовали, но и были красивыми. Немаловажную роль в надписях играют интервалы между знаками, которые точно так же, как тени, придают этим надписям определенный ритм.

Когда мы в немом изумлении стояли перед многометровыми пилонами, стенами или колоннами в Луксоре, Карнаке, Файюме или Саккаре, в Верхнем или Нижнем Египте, нас захватывала строгая последовательность и ритм в написании знаков, совершенство в обработке камня. Египтяне писали при помощи долота, ибо они писали на века.

Долгое время или, как говорят, с незапамятных времен путешественники, солдаты и разного рода бродяги приносили из Египта вести о загадочных письменах, которыми якобы записана на стенах египетских храмов вся мудрость древних веков. Год от года росла и ширилась молва о беспредельной глубине и величии египетской культуры, сокрытой от мира. У человечества поистине короткая память. Ведь не успело пройти каких-то двух тысяч лет, а уже никто в мире, в том числе и в Египте, понятия не имел, что означают древние письмена. И даже вошло в моду утверждение, что стоит только разгадать таинственные знаки, как сразу станут ясными все загадки мира.

Новые сведения о Египте сообщил Доминиго Виварт Денон, человек удивительно ловкий, дипломат при

Доисторическая керамика

французском дворе. К. Керам в своей увлекательной книге «Боги, гробницы и ученые» утверждает, будто Доминико был фаворитом не только мадам Пампадур и Жозефины Богарнэ, но и царицы Екатерины. Королевскому дипломату посчастливилось снискать симпатию и Робеспьера, и генерала Наполеона Бонапарта. Он присоединился к экспедиции Бонапарта и 19 мая 1798 года вместе с семьюдесятью пятью учеными отправился в составе французской армии в Египте. Денон попал в армию Десекса, о которой гласит надпись на стене храма в Филэ, и проник с этой армией до самого Верхнего Египта. И всюду Денон делал зарисовки. Он срисовал немало надписей, делая это с тщательностью ученого. Между тем французская армия захватила большие художественные ценности, которые в сентябре 1801 года, после капитуляции Александрии, французы вынуждены были передать англичанам. В числе этих трофеев находился твердый базальтовый камень из Розетты с надписью на трех языках: древнеегипетском (иероглифами), египетском разговорном (демотическим шрифтом) и на греческом. Никто тогда и не подозревал, что этот камень станет ключом к недоступной доселе письменности. Утверждают, что камень этот нашел капитан саперного полка Бушэр, но откопал его неизвестный солдат. Ведь неизвестные солдаты всегда играют самую значительную роль в истории.

За походом Бонапарта с напряженным вниманием следил студент из Гренобля Жан Франсуа Шампольон

(он родился 23 декабря 1790 года в Фижаке). Жан Франсуа был необычным ребенком. В пять лет он сам научился читать, самостоятельно познал тайну латыни. В школе он ничем не выделялся. Он выделялся за стенами школы. В одиннадцать лет он уже говорил на латинском и греческом языках настолько свободно, что даже писал на этих языках сочинения и стихи. Он самостоятельно выучил еврейский, арабский, халдейский, сирийский и китайский языки. Биографы Шампольона рассказывают о следующем случае, сыгравшем решающую роль в его жизни. Когда математик Фурье по возвращении из Египетской экспедиции Наполеона был назначен префектом в Исере и посетил Гренобльскую школу, он обратил внимание на одаренного мальчика, пригласил его к себе и показал ему свою лекцию, в том числе и папирус, исписанный иероглифами.

Жан Франсуа Шампольон спросил:

— Неужели никто до сих пор не прочитал, что здесь написано?

— Никто, — ответил Фурье.

— А я прочту, — заявил юный Жан Франсуа.

Это прозвучало как обязательство. Шампольон жадно углубился в изучение обширных томов.

Свою первую книгу «История знаменитых собак» Шампольон написал, когда ему было двенадцать лет. В колледже, в возрасте семнадцати лет, он создал свой первый труд о Египте — «Египет времен фараонов». Невероятное стало действительностью. Шампольону не было еще и 18 лет, когда его избрали членом Академии Гренобля.

Всю свою молодость он, как одержимый, занимается проблемой иероглифов. Эти годы приходятся на период головокружительных поворотов в политике. Наполеон терпит одно поражение за другим. Наполеон в изгнании. Наполеон возвращается. Студент Шампольон пописывал памфлеты против Наполеона. Наступило 7 марта 1815 года. Академик Шампольон принят в Гренобле Наполеоном, вернувшимся с Эльбы. Наполеон беседует с ним почти целый час и совершенно им очарован. На завтра не кто иной, как Наполеон, принят в университете юным академиком. Эти два человека хоро-

шо поняли друг друга. Но Наполеон разбит под Ватерлоо, и бонапартисты объявлены предателями. Шампольон, бонапартистский фаворит, превращается в изгнанника.

Пробыв в изгнании полтора года, Шампольон возвращается и попадает в атмосферу презрения. Отвергнутый обществом, непризнанный, он в этот период издает небольшой труд «Письмо к господину Дасье», в котором опубликовал свое открытие. Принцип, с помощью которого можно прочесть слова, сложенные из звуков, изображенных рисунком, — найден. Иероглифы разгаданы. Два имени — царя и царицы, — обведенные в надписи на камне из Розетты, позволили проникнуть в тайну египетской письменности. Два всемирно известных имени — Птолемей и Клеопатра. Теперь Шампольон способен составить египетский алфавит. Незадолго до смерти он написал первую египетскую грамматику. В 1828—1829 годах Шампольон совершил путешествие в Египет. Египтяне приходили к нему, как к черно книжнику, который единственный во всем мире умел читать «письменность божественных слов». Этот человек, немало выстрадавший, фанатик науки, подарил миру ключ к тайне самой древней из известных до сих пор культур нашей планеты.

Прочитанные папирусы, рукописные памятники, надписи на обелисках и стенах гробниц неожиданно превратили миф в действительность. Действительность куда трезвее фантазии. И то, что многочисленные полученные и ученые считали описанием секрета воскресения из мертвых или средства против смерти, оказалось всего-навсего договором о зернопоставках. А знаки, которые ревностные ученые читали, как тайну зодиака, оказались брачным договором гражданского землемера с дочерью жреца, или, скажем, то, что иные недоучки принимали за описание четвертого измерения, оказалось всего лишь жалобой на хищение государственного имущества. Выяснилось, что древние египтяне были людьми весьма пунктуальными, питали слабость к форме и все тщательно записывали, а наиболее важные записи даже высекали на камне.

Мы тщетно пытались научиться читать некоторые надписи. И только спустя некоторое время освоили

Академик Ф. Лежа — самый старый египтолог мира

несколько знаков. Но тем сильнее мы проникались почитанием к способностям наших египтологов. Однажды — это случилось в каирском музее — когда мы любовались маленькими статуэтками, принадлежавшими к эль-амарнской эпохе Эхнатона, академик Лекса наклонился рядом со мной и принялся читать иероглифы — едва различимую надпись. Правда, под статуэткой было по-английски написано, что она представляет и к какой эпохе принадлежит, но для академика это ровно ничего не значило, словно английской надписи вообще не существовало.

Иногда наши ученые жестоко спорили о том, что означает, скажем, тот или иной знак в том или ином сочетании. Но это было, как правило, столь узкопрофессиональной беседой, что мы прислушивались к ней, как к разговору иностранцев. Ну, например, что вы скажете по поводу такой фразы: «Третье лицо единственного числа, это вот та змейка с двумя ушками».

Мимоходом в разговоре с академиком Лексой мы узнали, что именно с Гарпократом (он же Гор) и его матерью связано понятие «мадонна с младенцем» и что древнеегипетские статуэтки, изображавшие их, находили при раскопках даже на Рейне.

Еще мы узнали, что египтяне вплоть до 800 года до нашей эры называли своих правителей не «фараон», а просто «царь». Египетское слово «пер-о-о» означает собственно царский дворец — огромный дом. Из этого названия возникло еврейское «фарао» или греческое «фараон».

Академик Лекса знает о Египте столько увлекательного, что его можно слушать до скончания века. Разумеется, он любит эту древнюю землю. Вот почему полны очарования рассказы этого современного человека о древней мудрости египтян. Разумеется, и в нас он пробудил большую симпатию к Египту.

Но если уж я вам рассказал о первом, значит и старейшем египтологе мира — а им несомненно был Жан Франсуа Шампольон, — то я должен вам сказать все, что знаю, и о старейшем чешском египтологе.

Для всех нас было большой честью, что восьмидесятилетний отец чешской египтологии академик Франтишек Лекса сопровождал нашу делегацию в Египет.

Делегация себя прекрасно чувствовала
среди очаровательных находок.

Он был здесь только один раз, двадцать пять лет назад, но ведь Лекса напился воды из Нила, и потому ему вновь довелось побывать в Египте. Это, конечно, суеверие, но всякий в него охотно верит.

Буквально всюду, куда бы мы ни приходили, знали академика Лексу. Все египетские египтологи и все иностранные. Они оказали уважение известности и белоснежным сединам, и с огромным вниманием слушали его сочную речь и твердые суждения. Это очень редкий дар — ясно толковать сложные научные проблемы. Мы слушали его живые объяснения, как дети слушают сказку. Вскоре мы забыли, что он приехал вместе с нами, что живет он в Виноградах на Соколовской улице и что этот человек принадлежит нашему веку. У нас появилось такое чувство, что он жил во времена всех династий и принадлежит Египту.

Впрочем, академик Лекса сам иногда забывает, в какой эпохе он живет. Он живет в пространстве и времени своей науки. Однажды в Праге я пришел к нему за

советом и помощью. Мы сидели в полувосточной-полуевропейской обстановке его кзартыры за чашкой крепкого кофе, когда зазвонил телефон, и, ей-богу, я не виноват, что невольно подслушал разговор.

— Алло! — Да — академик Лекса — что? Да, но простите, я углем не занимаюсь, я египтолог, может быть моя жена знает — сейчас ее позову, одну минуту!

Квартира академика Лексы говорит о ее хозяйине. В шкафу коллекция болгарских украшений и вообще всюду что-нибудь напоминает о Болгарии. Лекса впервые поехал в Болгарию, когда его дочь послали туда изучать народную живопись, и горячо полюбил эту страну. Он рассказал нам, что «ш» в болгарском алфавите — это иератическое письмо, что болгары испокон веков были связаны с коптской церковью или что у них такие же методы орошения, как у египтян. Болгария, куда этим летом академик Лекса отправится в девятнадцатый раз, стала для него второй родиной. И даже балканские горы он знает лучше чешских. Он исходил их пешком. Но основное его место — среди книг и памятников древности. Здесь-то и проявляется его подлинная сущность. В квартире несколько скульптурных, живописных и графических портретов Лексы, которые с успехом дополняют биографические данные академика.

Франтишек Лекса родился 5 марта 1876 года в Пардубицах*. В 1895 году окончил гимназию в Праге и изучал в Карловом университете математику, физику и философию.

Затем он решил заняться психологией. Для научной работы он выбрал тему — психология письменности. Лекса занялся иероглифами и... погиб. Вернее наоборот — нашел себя. Как раз в это время вышла в свет первая древнеегипетская грамматика Эрмана. И с психологией было покончено. В 1914 году, когда Лексе было почти сорок лет, чешская Академия признала его первый и доселе непревзойденный труд «О взаимоотношениях духа, души и тела египтян Древнего царства». В 1922 году доцент получил звание профессора — стал первым чешским египтологом (его единственный чеш-

---

* Академик Лекса умер в 1960 году.

Спор старого с молодым — академик Лекса
и редактор Путик

ский предшественник переехал в Италию и стал итальянским египтологом).

Доцент Збынек Жаба разделяет деятельность Лексы на несколько областей. Прежде всего он выделяет проблемы религиозные и нравственные. Сюда относятся замечательные книги Лексы о магии, астрономии и математике. Другие его труды относятся к области грамматики. Анализ отношения хамитских языков к египетскому, трактат о происхождении египетских глаголов и многотомная «Грамматика», отмеченная государственной премией. И, наконец, третья область трудов Лексы — книги о жизни египтян, египетской моде, египетских танцах и блестящие переводы поэтических и прозаических произведений с египетского языка.

Я хотел бы быть таким же бодрым в восемьдесят лет, как академик Лекса, которого я видел карабкающимся по пирамидам и лапам сфинксов с юным задором искушенного альпиниста. Когда после трехчасовой прогулки под палящим солнцем мы падали от усталости, академик был еще способен забежать выпить стакан своего любимого «кипрского».

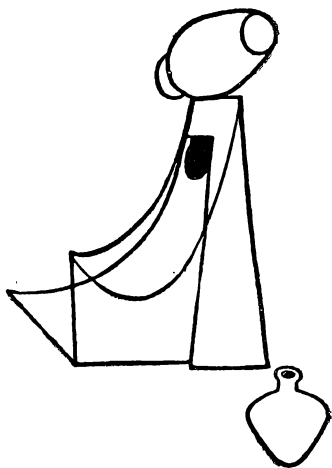

Когда, согнувшись в три погибели, почти на корточках, мы лезли по галерее внутрь пирамиды Хеопса, Лекса шел впереди и первым вступил в таинственный зал, перекрытый колоссальными каменными балками.

Лекса воспитал целое поколение известных египтологов, которые, в свою очередь, уже сами готовят молодых ученых. Этот самый старый египтолог был удивительно молод духом.

Мы, неучтивцы, осмелились попросить его, «писца святой речи» (на древнеегипетском языке это, наверное, означает то же самое, что и наше слово «египтолог» или «знаток иероглифов»), показать нам, как древнеегипетские озорники изображали популярные на всем свете поистине международные слова: «Кто прочтет — тот болван». Академик Лекса присел и, не задумываясь, написал:

КАИРСКИЙ МОНМАРТР

На площадь Салахеддина ведет узкая улочка, сжатая с обеих сторон двумя мечетями — Эр-Рифа и султана Хасана. У мечети султана Хасана восьмидесятишестиметровый минарет, самый высокий минарет в городе. Крутые, почти глухие стены двадцатиметровой высоты, с которых, словно серьги, свисают фонари, производят сильное впечатление своей монументальностью.

У входа в мечеть пришлось надеть на ботинки бесформенные плетеные шлепанцы, заглушавшие шаги в пустынной тишине дворика с колодезем. В этом своеобразном помещении, где, к нашему удивлению, не снимают головного убора, я охотно поддаюсь очарованию обстановки, которая в таких случаях часто поглощает последние крохи туристской любознательности. Гид начинает сыпать цитатами из путеводителя Бедекера, и я спешу отстать и любоваться всем в одиночестве. Насколько лучше бродить в незнакомом городе, вне времени и в лабиринте искусства без всякого гида! Насколько заманчивей грезить, нежели изучать! Ведь наше любопытство все равно неутолимо.

Остановившись перед решетчатым окном с видом на площадь и на стены мечети со следами от артилле-

рийских снарядов Наполеона, я засмотрелся на скромную процессию нашей делегации и вдруг в этой маленькой группе увидел большую проблему коллектива индивидуальностей. Каждый из членов делегации, помимо общих впечатлений, видел еще что-то свое, на каждого по-разному воздействовала строгость арабской архитектуры, где исчезают ленты орнамента.

Одни сурово осуждали святотатца-зодчего, который брал материал для строительства храма из пирамид в Гизе, попросту разбирая их камень за камнем. Другие думали о роковом значении веры, которая скрепляет арабский мир. Некоторым просто хотелось спать, а иные с нетерпением поглядывали на часы, испытывая безудержное желание пообедать. Гид продолжал болтать свое, совершенно не вникая в смысл своих объяснений.

Для гида мы все были одинаковы: туристы. В первой половине 1956 года это место посетило 98 507 туристов. Они слились для гида в сплошную вереницу голов, которые послушно поднимаются, когда им показывают на старинный сталактитовый свод и навесные галереи и так же покорно склоняются, рассматривая надгробие султана.

Между тем гид вывел нашу делегацию обратно к входу и попросил снять, по ритуалу, башмаки. Конечно, это всего лишь церковная рутина, но даже когда сюда являются важные лица, обычно в сопровождении главы правительства, все они тоже снимают обувь и босыми вступают в священные места. В парижской газете «Матч» я видел снимок, изображавший французского министра иностранных дел Пино, когда он шлепал босиком по холодным камням одной мечети. Вид у него был далеко не солидный, фотография воспринималась как удачная карикатура, хотя это был вполне реалистический кадр. Беда с этим реализмом, вечно от него неприятности!

Мы вышли на площадь, где увешанные людьми автобусы лихо брали крутой подъем к цитадели, поднялись по старой лестнице и оказались в предместье. Там уже ждали египетские друзья, пригласившие нашу делегацию на совершенно неофициальный обед к местным художникам.

Игра тени и света в Каире

Этот квартал или, скажем лучше, одна или две улочки, мощенные булыжником, кривые и неровные, — и есть каирский Монмартр. Некогда, лет триста назад, всесильный мамлюк, комендант крепости, позвал искусных мастеров и приказал им покрыть каменной и деревянной резбой новые здания, которыми он пожелал украсить город. Мастера поселились на этой улице. С той поры вплоть до сегодняшнего дня здесь большей частью проживают художники.

Впрочем, в слова «улица» и «дом» не везде вкладывают одинаковый смысл. Здесь дома похожи на улыбки или муравейники — тесно переплетенные узкие лесенки и коридорчики образуют настоящий лабиринт. Войдешь в ворота первого дома и, прежде чем пройдешь через лабиринт этажей на плоскую крышу, уже окажешься на другом конце улицы. Дома здесь очень старые. На них видны все архитектурные заплатки, наложенные за триста лет. Но в них таится удивительное очарование и та приятная душевная атмосфера, в которой так хорошо себя чувствует искусство.

Мы вошли во двор, полный гипсовых голов и обломков скульптур чудовищного размера. Это обычное наследство после всех скульпторов, которые в какой-нибудь мастерской воплощали в глине свою печаль или высекали в камне свое преклонение перед человеком. Египетские друзья прежде всего представили нас госпоже Гиндии, «мамке» художников. Таков здешний обычай.

Госпожа Гиндия некогда была несравненной красавицей. Она красива еще и сейчас, хотя из стройного молодого клена превратилась в могучее развесистое дерево. У нее смелая улыбка женщины, не робеющей перед мужчинами, — ведь она хорошо знала художников. Некогда она была знаменитой натурщицей квартала. Сегодня она ведет хозяйство в этой обители художников, заботится о молодых, словно мать родная, и с достоинством принимает поклоны и почести иностранцев.

Перед войной, лет двадцать пять назад, я был гостем одного араба в Алжире. Он угощал меня всем самым лучшим, что имелось в доме, и в знак особого расположения представил меня своей мамке. Она вошла босая, могучая, черная, с обнаженной грудью и с достоинством протянула мне руку для поцелуя.

На госпоже Гиндии была розовая галабия — длинная рубашка, которую носят летом. В волосах ленты и кораллы, на шее золотые монисты и несколько рядов бус, цепочек и пластинок, и все это издавало мелодичный звон.

При виде ее у меня возникло неотступное печальное воспоминание об ателье Штурса и о знаменитых натурщицах, чьи тела навеки остались запечатлены в бронзе или мраморе. Они заняли свои места в Национальной галерее после того, как художник освободил их из плена неумолимого течения возраста и времени.

Госпожа Гиндия провела нас через все мастерские, независимо от того, были их хозяева дома или нет. С исключительной осведомленностью она показала нам их последние работы, сопровождая свой показ любезной, хотя и несколько иронической характеристикой. Когда мы, наконец, пробрались через все наслоения домов, го-

Коршун

спложа Гиндия усадила нас в ателье одного из художников, которого не было дома, и заявила, что сейчас принесет обед.

Художника, у которого мы разместились по-домашнему, звали Мамдух Аммар. Ему было двадцать восемь лет. Мы просмотрели альбомы его рисунков. Мамдух Аммар был египетским южанином. Он рисует южный Египет, Нубию, Судан. Рисует стройные бедра и длинные ноги суданских танцовщиц, их черно-зеленые и черно-фиолетовые тела. Рисует людей, живущих южнее Тропика Рака, — тропика, проходящего через нищий край. Луна там лежит, а не висит. И ночь там живет дня. Там девушки становятся женщинами столь же рано, сколь поздно взрослые перестают быть детьми. Мамдух Аммар хорошо знает этих людей.

Когда он вошел в комнату, молодой, с горящими, как уголь, глазами, наши дебаты были уже в полном разгаре.

— Мы все время ждем от вас чего-нибудь нового, — сказал он. — Чего-то действительно нового.

Эти слова нас, понятно, привели в замешательство. Но только нас, ибо наши хозяева никоим образом не

хотели нас критиковать. За границей мы скромнее, чем дома, и даже не любим говорить громких фраз. По этой жаре и в такую даль постоянно таскать с собой научный словарь всяких там терминов — просто невыносимо. К тому же фразы — это не товар для экспорта. Подобным товаром забиты все рынки. И как этот товар дешев! Наши хозяева были противниками громких фраз. Те первые слова, которые так смутили нас, были искренним проявлением веры в наши способности.

Чего от нас ждали? Мне кажется, подтверждения того, что писатель должен писать о новой жизни, художник рисовать то, что видит сейчас и чего не видел раньше. То новое. Возможно, они ждали и большего. Но мы приехали с голыми руками и не были умнее их.

Один из нас сказал:

— Бряд ли кто-нибудь усомнится в том, что социалистическая жизнь родит социалистическое искусство. Научное материалистическое мировоззрение не может отражаться в абстрактной туманности или в беспредметных мудрствованиях.

А второй добавил:

— Искусство, как отражение реальной жизни, должно быть реалистическим.

А они нам в ответ:

— Мы считаем египетскую революцию самым современным проявлением нашего мышления.

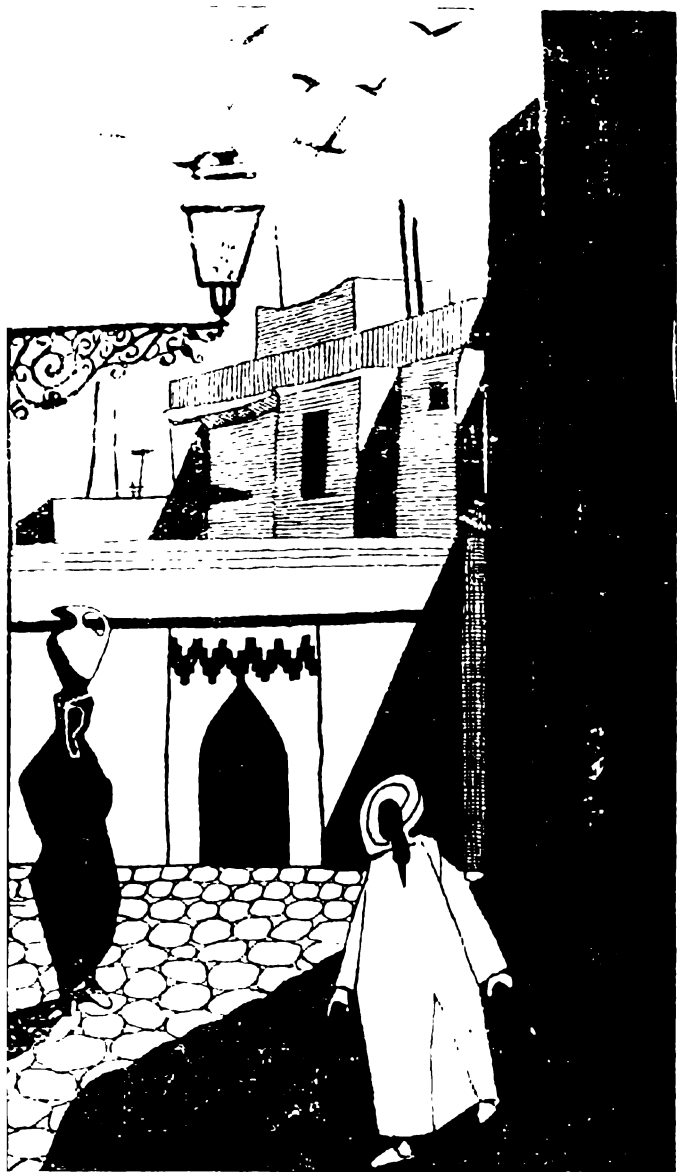
И потом добавляют:

— Вы же считаете социализм самым современным общественным устройством, а социалистическое искусство должно быть выражено самой современной формой, поскольку форма должна соответствовать содержанию.

— А вам не кажется, что так оно и есть?

— А где же эта новая форма? Например, египетская национальная революция борется против капитализма, а наши художники рисуют так, как научились в капиталистических метрополиях, на Западе. В этом нет ни на грош подлинно египетского.

— Мы хотим оживить содержание и форму нашего искусства народным творчеством, красками нашего края, красками египетской жизни. Всем новым, что ежедневно приносит нам жизнь.

Полдень на улице Молочников

— А традиции?

— Какую вы имеете в виду?

— Имеется несколько традиций. Мертвая, монументальная традиция фараонов. Традиция, которую нам открыли раскопки. Вымершая коптская традиция и орнаментальная арабская традиция.

— Кто скажет, какую выбрать?

— Вы, ваши художники. Разве в скульптурах Махмуда Мухтара не видны элементы иероглифов времен фараонов? Разве мы не видели эту традицию на базаре посуды у мечети Амра? Ваша народная традиция должна в чем-то продолжаться. Через народное творчество прорастает самое древнее искусство, и до сих пор живы корни этой народной традиции. Нам казалось, что мы видим эту египетскую традицию всюду. Конечно, на нас могло влиять присутствие наших египтологов. Но ведь у вас эта традиция всегда перед глазами. Вы живете в ней!

В мастерских художников на резной коптской или арабской мебели стояли весьма примитивные статуэтки, раскрашенные в цвета времен фараонов, глиняная посуда для воды и блюда, о которых ни сегодня, ни тысячу лет назад нельзя было сказать, к какому веку они относятся. Суданские рогожки и шляпы, тканые веера, бусы и кожаные башмаки, накидки и занавески. Госпожа Гиндия принесла большой стол с мусульманской чеканкой, т. е. блюдо диаметром метра в два, поставила его на низкую скамейку и разбросала вокруг кожаные подушки. И этот жест был традиционным.

Обед был и вправду египетским: шашлык с пряно-стями, почками, мозгами и бараньей печенкой, с закуской, огурцами, луком и тыквами, с чесноком и такими сладкими сладостями, что с ними не идет в сравнение даже самая сладкая мечта наших кондитеров. При-торные и обжигающие соусы. Местное пиво. Буйволиный сыр. Разговорам об искусстве пришел конец. Во время еды говорят только о еде. Или вообще не говорят, а просто едят. После острых блюд в знойный полдень нас одолела безмерная лень. Госпожа Гиндия настаивала, чтобы мы послушали магнитофонную запись с деревенскими свадебными песнями. А сама стала при-танцовывать. В окне виднелись башни цитадели и стаи

коршунов. Небо фосфоресцировало, отливая светящимся фиолетовым цветом.

Фрич отправился под душ. Было слышно, как холодная вода брызгала на плитки. Честолюбивый Хасан Фуад заботился о нас изо всех сил, стараясь, чтобы нам здесь понравилось. Шаркови — человек самоуверенный. Он знает, чего хочет, знает, чего хочет от нас. Чувствуешь, что все они знают и то, что эти дни нужно взять за рога, понимают, что пришло их время. Время, когда не следует ошибаться, и все же без ошибок не обойдешься. У всех общие заботы и вдобавок еще свои собственные. И все спешат. У них к тому же еще другие заботы, с которыми мы уже покончили. А наши сегодняшние проблемы их еще ожидают. Но, к удивлению, наши высказывания для них не чужды. Они начинают несколько свободнее склонять слово «искусство», но не уверены в своей правоте. Мы неспеша беседовали с обстоятельностью сытых, но вдруг вышли из ленивого оцепенения и заговорили энергичнее. Мы были в гостях у художников. Поэтому в основном обсуждались вопросы изобразительного искусства, и в нашей беседе царил художественный беспорядок.

— Источник неуверенности и разочарования в нашей нетерпеливости. Применить мичуринские методы и ускорить рост в области духа совсем не так просто.

— Нельзя заранее декларировать стиль, ибо он развивается столетиями, и он, как правило, развивается раньше, чем кончится его эпоха.

— Мы не так давно живем в эпохе социализма, чтобы суметь сразу распознать ее художественный стиль и выразить его.

— Изобразительное искусство пришло в упадок. Мы топчемся на распутье. Сегодня это уже ясно. Но вместо того чтобы искать дорогу вперед, некоторые обращаются к прошлому и начинают свои поиски с того места, где заблудились.

— Изменились экономические условия. Изменились и заказчики.

— У нас больше нет феодалов.

— А у нас нет капиталистов.

— В изобразительном искусстве заказчик играл более значительную роль, чем издатель в литературе.

— И если исключить монументальные произведения, то произведения живописцев и особенно скульпторов редко являются общественной собственностью.

— Встает вопрос, чувствуют ли сейчас руководители политических и административных органов такую же потребность в изобразительном искусстве, как, скажем, потребность время от времени посещать кино.

— И все же лишь один вид реалистического искусства современен на все сто процентов — кино. Лишь оно идет в ногу со временем и полностью соответствует его духу.

— Да, конечно, советское, японское, итальянское и французское кино.

— Пожалуй, и фотография.

— Была античная эпоха, ярче всего отразившаяся в скульптуре. Был период импрессионизма, нашедший свое выражение исключительно в живописи. Современной эпохе революции отвечает скорее кино, чем живопись. Вы согласны с этим?

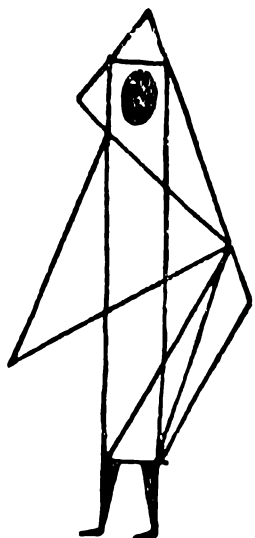
— Нет. Не верю я ни в какую цикличность видов искусства. Человек должен верить в то, что он делает. А не в то, что делает другой.

— Я верю в поэзию.

— Разумеется, она должна быть и в фильме, и в живописи. Иначе, какое же это произведение искусства?

У меня создалось впечатление, что мы слишком далеко забрались в теоретические дебри. Но все говорили, как профессионалы, как люди искусства, без высокомерия социологов. Все было так, как я здесь излагаю. У меня хорошая память. Но когда я собрал воедино все свои воспоминания и доверил их бумаге, то не смог твердо сказать, что тогда говорили мы, а что наши египетские друзья. И я оставляю все эти высказывания, никак их не разделив. Может, это и лучше.

САМАЯ СТАРАЯ ЕГИПЕТСКАЯ КОФЕИНЯ

В каирском квартале Хан аль-Халили можно ежедневно быть свидетелем, как прекрасные женщины или их мужья теряют голову и становятся только туристами. Чехи идут в этот квартал уже совершенно покорные судьбе. Они знают, что придут сюда абсолютно спокойные — и вот тут-то все и начнется. Они станут покупать. Страсть к покупкам за границей у одичалых обывателей не знает предела. Они готовы везти сюда гарнитуры нейлонового белья, фрачные рубашки, дюжины темных очков и даже железные висячие замки, потому что по слухам здесь на них большой спрос. И все это для того, чтобы на приобретенные деньги иметь возможность купить местные, зачастую менее ценные товары: «Кое-что из Египта для Фанинки, для тети Штефки, для директора, для молодой Галиржевой, которая выходит замуж за того парня, ударника, и для детей. Через какой-нибудь год подрастет и Пепча, пригодится и ему. Знаешь, у нас бы ты не купил за такую цену, где там». Товарищи таможенники, доставьте им эту радость! Туристские инстинкты невероятно сильны, а городской транспорт идет как раз

через улицы соблазнов. Они подстерегают вас, как капканы, и вконец отупевшие путешественники покупают здесь фальшивые древности, алебастрового сфинкса или другую безвкусицу.

Но вы найдете здесь и красивые, но очень дорогие вещи: серебряную парчу, ковры ручной работы, драгоценные камни, приторные духи — и все это в крытых рядах лавчонок, в удивительных тупиках и двориках, где стоит гвалт, как в потревоженном птичнике. Уже в тринадцатом столетии эти улочки стали торговым центром Каира, а в этом квартале вскакиваются торговые сделки. Я думаю, что местные торговцы не продали бы свой товар тому, кто оказался бы так глуп, что сразу же дал бы столько, сколько с него запросили. Он показался бы им в высшей степени подозрительным субъектом.

В самом начале улицы расположена кофейня. Самая старая кофейня Каира. Кофейня эта арабская. Европейцами здесь и не пахнет. В путеводителях вы ее не найдете. И вид у нее ничем не примечательный. Но это такая кофейня, какой она и должна быть. Возможно, лишь современники «кофейных поколений» сумеют оценить и прочувствовать ее очарование. Это классическая кофейня. Но если бы вы рассмотрели ее признаки с научной точки зрения, то пришли бы к заключению, что самый узкий круг посетителей этой кофейни оказывается совсем таким же, как и в средней Европе. В Вене, Будапеште, Праге. Естественно, мы почувствовали себя здесь, как дома.

Кофейня называется Эль-Фейшави. У нее совсем нет дверей: занавески из стеклянных бус делят ее на комнаты разного размера. Здесь царит нарочно созданный полумрак. Перед огромным, местами потускневшим и позеленевшим венецианским зеркалом, на разливочном столе красного дерева с мраморной доской и всюду вокруг, на полках различных буфетов, стоят ряды кофейных мельниц, спиртовок, банок, самоваров и стеклянной посуды всех времен. В клубах сигаретного дыма плывет над спиртовками большая стеклянная рыба. Ничего показного здесь нет. Даже чучело черного ягуара и крокодил над входом не портят вида. Стулья здесь из гнутого дерева, а подносы из чеканной меди. У офи-

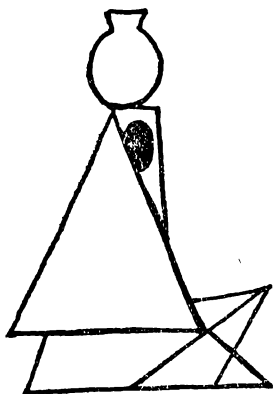
циантов самое разнообразное платье. Чаще всего они просто полуодеты.

Кофе — отличный. Мятный чай одурманивающий. Но здесь строго выдержаны ритм прихода и ухода посетителей, скорость обслуживания и необходимая мера прокуренности воздуха. На мраморном дворике, крытом рогожами, завсегдатаи приветливо смотрят на нас, как на исключение, подтверждающее их права. Быть постоянным посетителем такой кофейни значит гораздо больше, чем быть членом привилегированного клуба. Здесь вполне можно вернуться в прошлое и забыть о сегодняшнем дне. И некоторые посетители, видимо, пришли именно с этой целью. Самая старая каирская кофейня — одна из поэтичнейших страниц альбома прошлого, который так охотно листают современные люди, достопримечательность, чей конец неотвратимо приближается. Вот-вот сюда ворвется красный лакированный холодильник для кока-кола и автомат для продажи фруктовых соков. Холодильник уже прокладывает себе дорогу. Не пройдет и года, как стены станут белыми или кафельными, а официанты в белых куртках будут выгонять отсюда чистильщиков обуви и продавцов земляных орехов.

Электрические вентиляторы примутся разгонять дым, запахи и скуку. Здесь негде будет сесть, потому что на тебя станут смотреть не как на человека, а как на источник прибыли.

Вдвойне будет жаль кофейни Эль-Фейшави. Потому что ее не станет и потому что на ее месте появится то, чего не должно быть.

А пока Каир еще кипит животрепещущими контрастами, пожалуй, он даже хвастается ими.

ЭПИЛОГ

Прежде чем вы закроете эту книжку о Египте, мне хочется попросить вас не думать, что она претендует на большее, чем есть на самом деле. Я хотел, чтобы мой репортаж хоть в какой-либо мере способствовал разъяснению некоторых вопросов, беспокоящих всех мыслящих людей. Но в процессе создания книги меня вдруг охватывали сомнения, и я откладывал ее в сторону, считая, что об этом следовало писать тому, кто более компетентен в подобных вопросах. Время шло, а я все не мог избавиться от желания поделиться своими впечатлениями о том, что видел.

О нашем путешествии в Египет писали все члены нашей делегации. А египтологи — академик Франтишек Лекса и доцент Збынек Жаба писали книги и статьи о Египте еще задолго до нашей поездки. Народный художник Андрей Багар опубликовал свои впечатления в Словакии, Ярослав Путик из «Литературных новин» издал книгу в издательстве «Млада фронта». Иван Фрич сделал два фильма. К одному из них я написал текст. И вот...

Мы были приглашены в Египет и были приняты там, как друзья. Египет — страна древняя, прекрасная, стра-

на, живущая напряженной жизнью. Страна невероятных контрастов. Колыбель искусства. Мне хотелось сказать ей свое «шукран» — спасибо.

Мы пережили в Египте дни перед страшной летней бурей над Суэцем. Весь земной шар тогда опасался, что молния подожжет мир.

Буря утихла. Мир во всем мире был сохранен. Но народу этой страны нужна наша дружба. Мы научились лучше понимать значение солидарности всего человечества.

Я должен еще раз побывать в Египте, ведь я напился воды из Нила, а кроме того, на сердце осталось многое, о чем хотелось бы спросить сфинкса. Он передо мной в долгу и должен ответить на все мои вопросы.

Многие из них касаются Египта.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к советскому изданию	3
Предисловие	5
Вид с пирамид	9
Нил	20
Египет в разрезе	51
Суэц	68
Немного истории	87
Александрийская библиотека	91
Коптская интермедия	99
О мусульманской архитектуре	108
Самая древняя живопись мира	112
Иероглифы или самый старый египтолог мира	126
Каирский Монмартр	137
Самая старая египетская кофейня	147
Эпилог	150

АДОЛЬФ ГОФМЕЙСТЕР

Вид с пирамид

Утверждено к печати

*Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук АН СССР*

Редакторы издательства А. М. Вязьмина, Е. Ф. Аникст

Обложка художника Н. Абакумова Технический редактор С. В. Цветкова

Художественный редактор И. Р. Бескин. Корректоры М. Н. Гарбер
и Л. Г. Тумасова

Сдано в набор 12/V 1961 г. Подписано к печати 26/VII 1961 г.

А-08032. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печ. л. 4,75. Усл. п. л. 7,79. Уч.-изд. л. 5,92.

Тираж 25000 экз. Зак. 753. Цена 35 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы АН СССР

Москва, И-15, Б. Кисельный пер., 4

Цена 35 коп.

ИЗЛ